ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ

№ 1 (109) 2015

аБАЖУР

ГА «БЕЛАРУСКАЯ АСАЦЫЯЦЫЯ ЖУРНАЛІСТАЎ»
THE BELARUSIAN ASSOCIATION OF JOURNALISTS

Чарнечу гару, што ля горада Канеў (Украіна), сёння называюць Тарасавай. Тут месціцца Шаўчэнкаўскі мемарыял, які аднавілі ўлетку 1939 г., паставіўшы на магіле Кабзара вялікі бронзавы помнік. Гэтае месца для нашых суседзяў даўно стала Святыняю, адным з нацыянальных цэнтраў духоўнага і культурнага яднання.

Група беларускіх журналістаў наведала Украіну дзякуючы падтрымцы Фонду імя Фрыдрыха Эберта ва Украіне.

На фота — разам з украінскімі калегамі ля помніка Тарасу Рыгоравічу Шаўчэнку.

ТРЫМАЙСЯ ПРАЎДЫ!

Выдавец: ГА «Беларуская асацыяцыя журналістаў»
Перыядычнасць: 1 раз у 3 месяцы
Выдаецца са снежня 2000 г.
№ 1 (109) 2015 г.

Галоўны рэдактар
Уладзімір Барысавіч Дзюба

Фота на вокладках —
Вадзім Заміроўскі, TUT.BY,
Генадзь Верацінскі

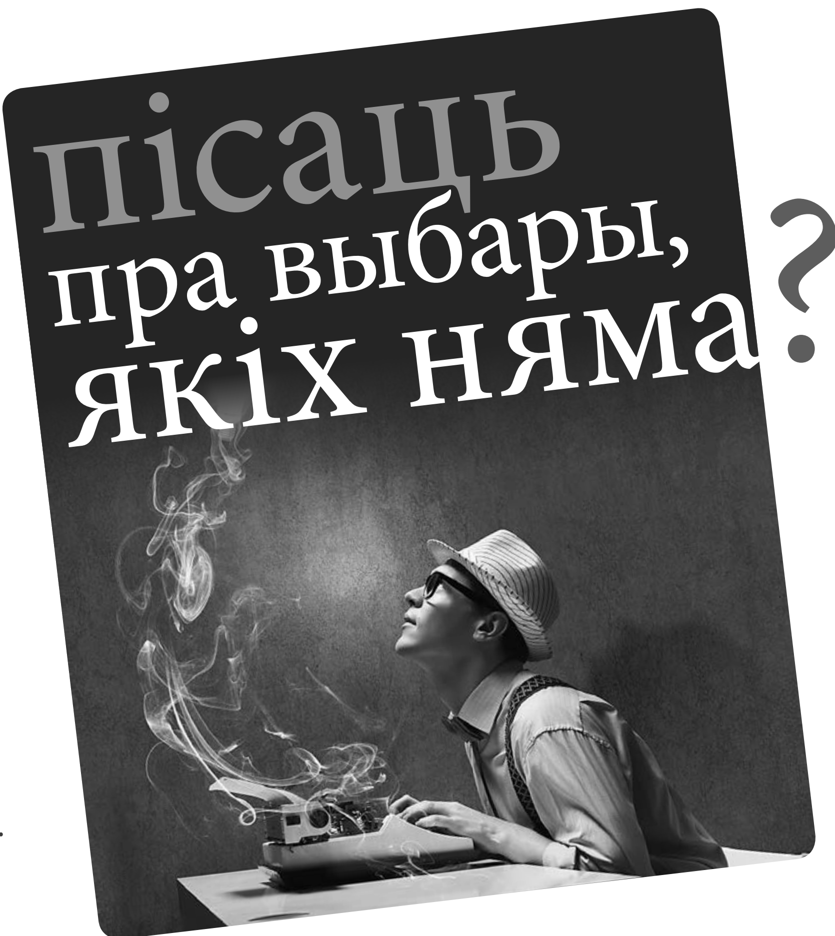
Выданне зарэгістравана ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь, рэгістрацыйны № 833 ад 04.12.2009 г.

Падпісана да друку 20.03.2015 г.
Дата выхаду 31.03.2015 г.
Фармат 60x84/8.
Папера афсетная.
Друк афсетны. Ум. друк. арк.
Наклад 600 асобнікаў.
Заказ №
Распаўсюджваецца бясплатна.

Адрас рэдакцыі:
220030, г. Мінск,
вул. Камсамольская, 7–32.
Тэл./факс: (017) 203-63-66,
(029) 126-70-98
E-mail: abajur@baj.by,
baj@baj.by
Сайт: www.baj.by

Друкарня ТАА «МЕДЫСОНТ»
ЛП № 02330/0552782 ад 01.10.2010 г.
Адрас: 220004, г. Мінск, вул. Ціміразева, 9.
Тэл.: (017) 203-74-10, 203-53-41,
(029) 623-74-10
medisont@gmail.com
www.medisont.com

Як пісаць пра выбары, якіх няма?

Мы скардзімся, што палітычны ландшафт Беларусі надта ж нагадвае марсіянскі. Але калі раз на пяць гадоў гэты мёртвы пейзаж трохі ажывае напярэдадні падзеі, якую афіцыйны кіраўнік патэтычна называе «экзаменам перад народам» (і пры гэтым прэтэндуе на ролю адзінага выдатніка), то журналісты і рэдактары пачуваюцца збольшага ніякавата. Ад некаторых дык і адкрытым тэкстам чуеш: хутчэй бы ўжо прайшлі гэтыя выбары!

Аляксандр КЛАСКОЎСКІ

Такі настрой фармуюць два чыннікі. Па-першае, засмучае фатальнасць, натужлівая фальшывасць гэтай дзеі (прычым фальш прэ не толькі з уладнага боку). Па-другое, недзяржаўныя медыі кожны раз трапляюць пад раздачу так, што мала не падаецца.

Зрэшты, хаця за дваццаць гадоў рэжым добра зачысціў палітычны абсяг, чарговая прэзідэнцкая кампанія мае свае інтрыгі. На якія ж адметнасці перадвыбарчага беларускага сюжэта варта зважаць недзяржаўным медыям?

Беларусаў грузяць страхам

Адна з такіх адметнасцяў палягае ў тым, што сёння не толькі адмыслоўцам, але і шырокай грамадзе стала відавочная вычарпанасць беларускай мадэлі, заснаванай на ручным кіраванні адзяржаўленай эканомікай ды шалёнай залежнасці ад расійскіх субсідый.

Раней кіраўнік дзяржавы нязменна забяспечваў пад прэзідэнцкія выбары рост заробкаў да прыгожай лічбы: сто долараў у 2001 годзе, 250 — у 2006-м, 500 — у 2010-м. Фактычна так рэалізоўваўся прымітыўны, але дзейсны сацыяльны кантракт: чарка ды скварка (на нейкім этапе дадалася патрыманая іншамарка) у абмен на лаяльнасць да рэжыму, апалітычнасць.

Але пры канцы 2000-х мадэль пачала даваць збоі. З 2009 года беларусы перажылі дэ-факта чатыры дэвальвацыі (уключна з нядаўняй снежаньска-студзеньскай, якую журналісты трапна назвалі гібрыднай).

Штучнае напампоўванне заробкаў чарговы раз вылезла бокам. Эканамісты загаварылі пра тое, што на добры лад паводле цяперашняй прадукцыйнасці працы беларусам наканавана атрымліваць не болей за 300–350 долараў.

Ва ўсякім разе, тэма тысячы долараў сярэдняга заробку ў эквіваленце да 2015 года (менавіта гэта абяцаў Лукашэнка электарату пяць гадоў таму) стала цяпер табуяванай для дзяржаўных СМІ.

Недзяржаўныя ж дружна падкрэслілі адзін з галоўных меседжаў Лукашэнкі на рэкордна доўгай прэс-канферэнцыі ў Мінску 29 студзеня: рэформаў не чакайце! Фактычна кіраўнік дзяржавы ўзняў на шчыт брэжнеўскі застой як сімвал камфортнага, бесклапотнага жыцця.

Але ж заканамерным вынікам той стагнацыі стаў крах Савецкага Саюза, які прайграў канкурэнцыю капіталістычнаму свету. І адным з каталізатараў гэтага краху стала, дарэчы, патанненне нафты — адзін у адзін, як цяпер!

СССР быў няздатны да эканамічнай, а тым болей палітычнай трансфармацыі, бо такія зрухі крышылі сам падмурак камуністычнай сістэмы

(што і паказала гарбачоўская перабудова). Лукашэнка, відавочна, разумее, што рэформы ў Беларусі аналагічным чынам непазбежна падточаць старанна адбудаваную ім аўтарытарную сістэму выразна персаналісцкага кшталту.

І таму ён выбірае застой пад назвай стабільнасці. А паратунак бачыць у тым, каб зноў і зноў прасіць грошай ды льгот у Масквы. Гэта калі браць матэрыяльны бок справы. У сэнсе ж ідэалагічным асядланы ўкраінскі чыннік, які дазволіў зноў эфектна граць на беларускім ідэфіксе «абы не было вайны».

Зрэшты, летась пры канцы года трэнд росту (перадусім на ўкраінскіх дражджах) Лукашэнкавага электаральнага рэйтынгу, паводле НІСЭПД, зламаўся: ад вераснёўскіх 45,2 % паказчык саслізнуў у снежні да 40 %. Прычым апытанне ладзілася да чорнай пятніцы 19 снежня, з якой пачалася гібрыдная дэвальвацыя. Так што раю калегам уважліва паставіцца да лічбаў наступнага, сакавіцкага, нацыянальнага апытання НІСЭПД. Яны абяцаюць быць цікавымі.

Аднак жа паколькі да залагоджвання сітуацыі ва Украіне далёка, то драма паўднёвых суседзяў будзе напоўніцу выкарыстоўвацца ў перадвыбарчым піяры дзейнага беларускага кіраўніка. Цяпер, калі ростам дабрабыту беларусаў не пахвалішся, іх проста грузяць страхамі. Маўляў, дзякуйце ўладзе, што ў нас хоць снарады не залятаюць на аўтобусныя прыпынкі. Без Лукашэнкі стане яшчэ горай — такі сёння галоўны прапагандысцкі пасыл.

Лозунг Плошчы падвіс

Статусная ж апазіцыя мала таго што не акрыяла пасля разгрому Плошчы-2010, дык яшчэ і апынулася ў канцэптуальным крызісе пасля крывавых падзей ва Украіне. Год таму недзяржаўная прэса тыражавала піяраўскія фоты беларускіх апазіцыйных лідараў на кіеўскім Майдане. Зараз гэтыя фотасесіі могуць вылезці бокам — афіцыйная прапаганда з выкарыстаннем гэтага ілюстрацыйнага матэрыялу абмалюе апанентаў Лукашэнкі прыблізна так: бачыце, яны і ў нас хочуць зрабіць, як ва Украіне, пнуцца і сінявокую рэспубліку ўцягнуць у крывавы вір!

Ва ўсякім разе, заклік змяніць сітуацыю праз Плошчу сёння ў Беларусі відавочна не пракочвае. Людзі не хочуць паўтору тут украінскіх жахаў ды і проста баяцца рэпрэсій. Лукашэнка наўпрост папярэдзіў, што пасадзіць у турму тых, хто надумае зладзіць вулічныя пратэсты на выбарах-2015.

Што ж прапануе электарату апазіцыя, калі аксіёмай для яе ёсць выснова, што выбары рэжым даўно скраў, а рэвалюцыйнай сітуацыяй між тым не патыхае? Адна з дзвюх буйных груповак (у ёй вядуць рэй кампанія «Гавары праўду», рух «За Свабоду», Партыя БНФ) робіць стаўку на змены праз ініцыяваны ёю праект «Народны рэферэндум» (гэта, маўляў, і ёсць варыянт бяскроўнай трансфармацыі). Другая кааліцыя — «Талака» — паставіла мэту прасоўваць перадусім ідэю свабодных справядлівых выбараў (астатняе, маўляў, прыкладзецца).

Аднак вожыку зразумела, што ніякага рэферэндуму паводле схемы сваіх апанентаў улада не дазволіць. Гэтаксама рэжым не паднясе тым, каго ўважае за «купку адмарозкаў», камфортныя выбары на сподачку з блакітнай аблямовачкай. Ніводная дыктатура не здавалася без бою, ва ўсе часы ва ўсім свеце волю здабывалі ў жорсткай барацьбе.

Такім чынам, лозунгі палітычных праціўнікаў рэжыму сёння павісаюць у паветры. Больш за тое, і рэсурсаў у іх бракуе, як ніколі. У прыватнасці, таму, што Захад, маючы геапалітычны інтарэс у нармалізацыі дачыненняў з Мінскам на тле ўкраінскага крызісу, не стане ўкідаць нейкія значныя сродкі ў разгойдванне беларускай сітуацыі.

Нарэшце, апазіцыя традыцыйна пакутуе на раз'яднанасць. Спробы дамовіцца пра адзінага кандыдата і супольную стратэгію пацярпелі фіяска. У прыватнасці, не кансалідавала розныя апазіцыйныя сілы і задума вылучыць сімвалічным адзіным кандыдатам палітвязня Міколу Статкевіча. Нават партыйнае назіранне за выбарамі, што маюць адбыцца, не пашэнціла зрабіць супольным — і тут намаляваліся дзве калоны.

Не выключана, што выхад на адзінага кандыдата адбудзецца змушана, калі высветліцца, што сабраць па сто тысяч подпісаў за некалькіх прэтэндэнтаў апазіцыі проста не пад сілу. Але ў такім разе будзе змарнаваны час, ды і яднанне наўрад ці атрымаецца дзейсным. З іншага боку, улада можа заплюшчыць вочы на якасць подпісаў за кагосьці з прэтэндэнтаў, каб наўмысна разарваць пратэставы электарат між двума апазіцыйнымі вылучэнцамі.

Эксперты сыходзяцца на думцы, што, хаця рэжым і праваліў эканоміку, структураваная апазіцыя з шэрагу прычын відавочна не здольная накінуць яму сваю гульню на выбарах-2015.

Быка на індыка Крэмль мяняць не стане

У выніку эканоміка сёння выглядае для Лукашэнкі куды болей небяспечным ворагам, чым «пятая калона». І пасля выбараў краіну, магчыма, чакае абвал, падобны да таго, што адбыўся ў 2011 годзе. Але вярхі трымаюцца немудрагелістага прынцыпу: «Нам бы дзень прастаяць ды ноч пратрымацца». Надзея — на тое, што нейкае каліва падкіне на падтрымку штаноў «беларускай мадэлі» Масква. Ды і запас цярплівасці ў «народца» вялікі. Плюс чыннік страху. Таму выйгрыш чарговай кампаніі для Лукашэнкі — пытанне амаль што тэхнічнае. Калі не стане сур'ёзна муціць ваду Крэмль. На гэтую тэму апошнім часам багата спекуляцый як у беларускай, так і ў расійскай прэсе.

Пасля Крыма розныя каментатары сталі маляваць сцэнары з'яўлення зялёных чалавечкаў і ў Беларусі. На студзеньскай прэс-канферэнцыі кіраўнік дзяржавы прызнаўся, што цалкам такі сцэнар не выключае. Адсюль, у прыватнасці, і спробы зладзіць абмежаваную беларусізацыю зверху, каб хоць неяк пазначыць адрознасць русіфікаванай тэрыторыі, дзе пануе рэжым Лукашэнкі, ад уласна «рускага свету». Гэта, аднак, зусім не азначае, што ўлады адмовяцца ад рэпрэсій супраць тых,

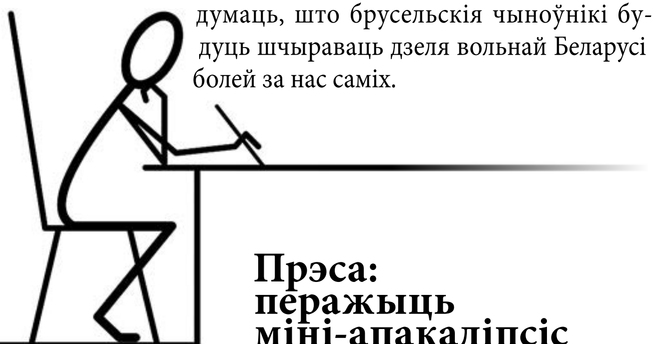
кага афіцыйны лідар грэбліва называе «нацменамі» ці «свядомымі».

Мэйнстрымны жа прагноз экспертаў палягае ў тым, што на выбарах-2015 Масква можа паказытаць Лукашэнку нервы, напружыць, каб змусіць да большай паслухмянасці. Але мяняць быка на індыка Крэмль наўрад ці наважыцца. Па вялікім рахунку Лукашэнка пры ўсёй сваёй наравістасці задавальняе расійскае кіраўніцтва. А завары тут кашу — невядома, што атрымаецца. Ды і ва ўкраінскім пытанні Пуцін загруз па самыя вушы, тут не да новых авантур.

Між тым акурат лавіраванне ў тым самым пытанні дапамагло беларускаму кіраўніцтву замацаваць станоўчы трэнд у дачыненнях з Захадам. Еўразвяз і Вашынгтон прыглушылі рыторыку пра «апошнюю дыктатуру Еўропы», не так востра ставяць пытанні дэмакратыі ды правоў чалавека ў Беларусі.

І гэта, між іншым, драматызуе становішча ды перспектывы беларускай апазіцыі, грамадзянскай супольнасці. Хто-ніхто з актывістаў мяркуе, што Захад іх «кінуў», прынёс у ахвяру інтарэсам сваёй «рэальнай палітыкі».

Разам з тым, варта паглядзець на беларускую сітуацыю і вачыма заходнікаў: апаненты рэжыму слабыя, малаўплывовыя, грызуцца між сабой; сярод шараговага люду запыт на моцную руку толькі павялічыўся на тле ўкраінскіх падзей. Так што ўзнікае пытанне, наколькі гатовы ўласна беларусы змагацца за дэмакратычны лад. Наіўна думаць, што брусельскія чыноўнікі будуць шчыраваць дзеля вольнай Беларусі болей за нас саміх.

Прэса: перажыць міні-апакаліпсіс

Беларускія недзяржаўныя медыі ў кожную прэзідэнцкую кампанію ўступаюць, як у бой, і штораз выходзяць з такіх кампаній са стратамі. Не таму, што журналістам карціць біцца, а таму, што ўлады самі распаўсюд дыскамфортнай для іх інфармацыі ды крытычных каментароў апрыёры ўважаюць за варожую дзейнасць, а ўжо падчас «экзамена перад народам» паводзяць сябе ў дачыненні да медый асабліва нервова.

Дарэчы, змены ў закон аб СМІ, пракручаныя праз парламент у рэжыме абваранай кошкі перад новым годам, не толькі паставілі інфармацыйныя сайты на адну роўніцу з традыцыйнымі СМІ (то бок распаўсюдзілі на байнэт даўно адпрацаваны ў афлайне рэпрэсіўны інструментарый), але і ўвялі паняцце інфармацыі, здольнай нарабіць шкоды нацыянальным інтарэсам.

Распаўсюд такога кшталту інфармацыі паводле абноўленага закона аб СМІ забараняецца. Прычым ацэнка «шкоднасці» аддаецца на водкуп чыноўнікам. «Цьмяныя фармулёўкі даюць магчымасць трактаваць палажэнні шырока», — адзначае намеснік старшыні БАЖ юрыст Андрэй Бастунец. Айчынныя ж улады, як паказвае практыка, схільныя ў такіх выпадках да максімальна жорсткіх трактовак з рэпрэсіўным ухілам. Яшчэ адна небяспека палягае ў тым, што датычныя СМІ змены ў заканадаўства прадугледжваюць прыняцце пазней падзаконных актаў. І гэта той выпадак, калі д'ябал можа хавацца ў дэталях.

Пры пільнай жа патрэбе і ўвогуле на закон не глядзяць. Вы думаеце, хто-небудзь адкажа за «таямнічае» блакаванне папулярных грамадска-палітычных рэсурсаў падчас снежаньскай «гібрыднай дэвальвацыі»? Прычым імаверна, што гэта была толькі сціплая рэпетыцыя вэб-апакаліпсісу, які можа чакаць байнэт падчас чарговых прэзідэнцкіх выбараў.

Зрэшты, суровасць падыходу да прэсы цягам будучай кампаніі можа вар'іравацца. Па-першае, блакаванне сайтаў, папярэджанні «Народнай волі» — гэта празрыстыя намёкі, каб у рэдакцыях уключылі самацэнзуру. Зараз наверсе будуць адсочваць, хто наколькі зразумеў намёк. Па-другое, Мінск усё ж зацікаўлены палепшыць дачыненні з Еўразвязам і ЗША, таму перагінаць кій з медыямі недарэчы. Але, натуральна, калі ўладзе прыпякае, то пра імідж яна думае ў апошнюю чаргу.

З іншага боку, для каго-кольвек з калег існаванне ў такіх неспрыяльных умовах стала нібыта апраўданнем для халтуры, прадукавання павярхоўных тэкстаў з крыклівымі загалоўкамі, што ўяўляюць сабой антырэжымныя клішэ ці танныя псеўдасенсацыі. Брак канкурэнцыі, адсутнасць нармальнага медыярынку, арыентацыя не столькі на кашалёк чытача, колькі на донараў — усё гэта кепска ўплывае на якасць нашага кантэнту. Размагнічвае.

Можна прадбачыць, што з набліжэннем выбараў трыбуну незалежных СМІ ўсё болей ахвотна стануць выкарыстоўваць апазіцыйныя лідары. Зразумела, што ў гэтым сэнсе недзяржаўная прэса выконвае кампенсатарную функцыю, бо ў дзяржаўных медыях «пятай калоне» разгуляцца не дадуць. Аднак рэдакцыям недзяржаўных выданняў важна, па-першае, пазбягаць выразнай ангажаванасці, голага піяру пэўных палітыкаў ды іх брэндаў, а па-другое, памятаць, што лозунгі, агіткі не заменяць інфармавання паводле прафесійных стандартаў ды цвярозай аналітыкі.

Так, палітычнае жыццё ў нас дэфармаванае, прымітыўнае. Але прэса працуе тут і цяпер. Яна мусіць адлюстроўваць рэаліі Беларусі паводле прынцыпу «як ёсць». І па магчымасці вырывацца з гета, працаваць на шырокую аўдыторыю, а не замыкацца ў шкарлупіне дысідэнцкай самаізаляцыі.

С 1 января 2015 года в Беларуси действует обновленный закон о средствах массовой информации. О нововведениях, плюсах, минусах и возможных сложностях в работе журналистов рассказывает доктор юридических наук Михаил Пастухов.

Михаил Пастухов:

«Новый закон о СМИ — это колпак государственной цензуры над независимой прессой»

— Что изменилось для СМИ с момента вступления в силу обновленного закона о средствах массовой информации?

— Можно сказать, что установился более жесткий контроль за деятельностью всех СМИ и, прежде всего, за распространением информации через интернет. Фактически власть в лице Министерства информации пытается себе присвоить право осуществлять тотальный контроль за всеми потоками информации, старается материализовать ответственность за нарушения закона о СМИ в отношении владельцев различных сайтов и интернет-ресурсов.

— На какие нововведения особо стоит обратить внимание журналистам?

— Вводится дополнительный контроль в отношении печатных и электронных, телевизионных и радиовещательных СМИ, к которым теперь относятся и владельцы сайтов. То есть сфера контроля расширяется.

Ужесточается также ответственность владельцев интернет-ресурсов. Министерство информации берет на себя обязательство предупреждать владельцев СМИ за размещение информации, как они отмечают, экстремистской направленности и представляющей угрозу национальным интересам Беларуси. Мининформ берет на себя полномочия ограничивать и блокировать доступ к интернет-ресурсам, что вообще является прямым нарушением свободы СМИ и свободы информации.

Запрещается владение интернет-ресурсами со стороны иностранных организаций и граждан, и требуется получение согласия Мининформа на размещение различной продукции СМИ на территории Беларуси через интернет. Можно предположить, что это станет серьезным ударом по, например, «Белсату», который пытается транслировать свои программы на Беларусь.

— Новый закон относит к СМИ, по сути, любой сайт или страницу в социальных сетях. Можно ли такой подход считать взвешенным?

— Новые поправки предполагают контроль даже за индивидуальными блогами. Мне представляется, что это уже просто запредельный контроль, потому что если ставить на учет блоги, то никакого штата Мининформа и органов безопасности не хватит для того, чтобы заниматься такой проверкой. Но в то же время такой контроль могут проводить сугубо избирательно в отношении каких-то лиц. Думаю, что так и будет реализовываться эта далеко идущая установка — возможность осуществлять контроль даже за блогами отдельных граждан.

— А какие-то плюсы для журналистов и сотрудников интернет-изданий новые поправки дают? Или одни минусы?

— Честно говоря, о плюсах я даже серьезно и не думал, поскольку речь идет об ограничениях на распространение информации, об ужесточении контроля.

Можно назвать плюсом то, что владельцы сайтов, блогов, работники этих сайтов могут получить «корочки» журналиста, если докажут, что занимаются подготовкой и распространением информации постоянно и состоят в штате того или иного онлайн-СМИ.

Для государства и его интересов плюсы в том, что сейчас, как говорят многие чиновники, будет «наведен порядок» в виртуальном пространстве.

Я больше вижу, конечно, минусов в этой попытке властей установить новые ограничения в отношении свободного распространения общественно-политической информации и мнений. Эти конституционные права граждан подверглись дальнейшему ограничению.

— Процедура блокировки сайтов теперь упростилась по сравнению с тем, что было раньше?

— Да. Волна недавних блокировок (в декабре 2014 года), на мой взгляд, была апробацией новых поправок в закон о СМИ. И сейчас становится ясно, что власти в любой момент могут перекрыть доступ к различным независимым онлайн-СМИ. Прежде всего, если на каких-то независимых сайтах будет размещаться информация политического характера, если они выскажут какую-то неугодную властям позицию. Сейчас есть ряд дополнительных оснований и поводов для того, чтобы ограничивать и блокировать доступ к этим интернет-ресурсам. Думаю, что это и есть одна из конкретных целей внесения поправок в закон о СМИ.

— Но ведь и раньше могли блокировать сайты.

— Да, но раньше это делали незаконно в силу того, что чиновникам показалось что-то подозрительным. А сейчас это могут делать на законных основаниях, выносить предупреждения владельцам СМИ и потом запрещать распространение информации через интернет-портал.

— Закон ведь предусматривает и возможность блокировки без вынесения предупреждения?

— Да. Но опять же это решает такой орган, как Оперативно-аналитический центр при президенте. Можно сказать, что незаконно учрежденный орган, а в поправках закона о СМИ определяются его легальный статус и место в реализации указанных поправок.

— Почему незаконно учрежденный?

— Потому что все государственные органы должны учреждаться на основании Конституции или законов. Никто не слышал и не читал никогда законы, на основании которых учреждались бы такие центры при президенте. Это, так сказать, самодеятельность главы государства, который создает органы при себе. С точки зрения Конституции, здесь есть большой вопрос.

— Теперь Мининформ также наделен правом блокировки сайтов?

— Да, ему тоже присвоено право «перекрывать кислород» электронным СМИ. Это фактически серьезное ущемление свободы СМИ, потому что все должно осуществляться только по решению суда: как приостановление деятельности печатных СМИ, так и блокировка доступа к сайту. По большому счету, это неправовая норма, так как устанавливается ограничение конституционной свободы. Это может осуществляться только в исключительно редких случаях.

— Предусмотрено ли судебное обжалование подобных решений Мининформа?

— Я думаю, что должны действовать общие правила. Если выносится официальное предупреждение владельцу сайта, то, конечно, он может обжаловать это в Верховном суде.

— А если Мининформ заблокировал сайт без вынесения предупреждения?

— А вот в данном случае появляется вопрос, потому что предупреждение обжаловать можно. Но неясно, можно ли обжаловать блокировку. И я так предполагаю, что если подать жалобу на блокировку сайта, то Верховный суд вполне может отказать в ее рассмотрении. Дело в том, что и смысла нет подавать в таком случае жалобу, поскольку до ее рассмотрения пройдет как минимум месяц.

— А что вы скажете про достаточно размытые формулировки о, например, нанесении вреда национальным интересам Беларуси?

— Могу отметить, что они дают возможность для очень широкой трактовки причин, по которым сайт может быть заблокирован. Такие резиновые формулировки могут наполняться каким угодно смыслом. И самое главное, что они не требуют каких-то доказательств. То есть посчитали, например, что какая-то информация угрожает национальной безопасности накануне выборов — и заблокировали сайт. И обжаловать это, по большому счету, невозможно. Это тоже серьезный минус этих поправок.

— Еще одним новшеством стало то, что на владельцев сайтов возложена и ответственность за содержание комментариев пользователей интернет-ресурса.

— В уголовном праве есть понятие «объективное вменение», когда человек отвечает без вины, — раз допустил в своем хозяйстве какие-то нарушения, значит, ты за все в ответе. Это, мне кажется, тоже форма произвола в отношении владельцев сайтов. Получается, что можно от какого-то имени написать провокационный или оскорбительный комментарий с целью наказать владельца сайта, а потом вынести предупреждение, заблокировать, запретить деятельность ресурса. Все это создает благодатную почву для разных провокаций и уничтожения неугодных сайтов.

— Поправки также коснулись и распространителей СМИ.

— Распространители сейчас должны получать соответствующее разрешение на свою деятельность. Вводится также обязательная регистрация как распространителей печатных СМИ, так и теле- и радиопродукции в специальных реестрах, которые будет курировать Министерство информации.

— Что это означает на практике?

— Это означает, что никто без разрешения не может заниматься распространением любой продукции СМИ. Если такого разрешения не было, то распространителей продукции СМИ могут привлекать к административной ответственности. Подобное мы наблюдали в минувшем году в отношении журналистов, которые сотрудничали с иностранными СМИ без аккредитации: административные дела в их отношении заводились за незаконное распространение продукции СМИ.

— А под распространителями авторы закона кого понимают — предпринимателей, которые занимаются распространением газет и журналов в магазинах, или, например, бабушек, разносящих подписчикам «Народную волю»?

— По логике это должны быть, конечно, субъекты хозяйствования, юридические лица или индивидуальные предприниматели, которые обязаны получить соответствующее разрешение на эту деятельность. Что касается частных лиц, если они действуют от имени этого юридического лица или индивидуального предпринимателя, то предполагается, что такого разрешения они получать не должны. Они будут действовать на основании договора. Но на практике нельзя исключить, что могут наказывать и этих конкретных граждан, физических лиц.

— Представители Мининформа заявляли, что новый закон направлен на то, чтобы упорядочить распространение информации, на улучшение ситуации в медиасфере. Как вы думаете, будет ли данный закон способствовать этому?

— Он обеспечит какой-то отбор и просев информации, которая будет пропускаться через государственные фильтры. И неугодная информация будет по возможности исключаться из этого потока. Будет идти одобренная властью информация, которая, по мнению самой же власти, не вредит национальным интересам. Можно ли говорить о свободе информации, если установлен такой государственный фильтр? Разумеется, нет, это серьезное ограничение свободы слова.

Дополнительными последствиями будет усиление самоцензуры владельцев независимых СМИ, в том числе интернет-ресурсов. Они понимают, что отвечают за все, даже за комментарии на сайтах. А государство уже возьмет на себя последующий контроль, еще более жесткий. Информация станет еще более приглаженной.

Власти пытаются навязать СМИ единомыслие. Государственная идеология и установки навязываются через подконтрольные СМИ. И маленький сегмент независимых прессы и интернет-ресурсов сейчас будет накрыт государственным колпаком цензуры.

— В преддверии выборов или в случае каких-то форс-мажорных обстоятельств (например, очередной девальвации) можно ожидать, что вновь произойдут массовые отключения независимых информационных ресурсов?

— Безусловно. Нынешняя правовая база в целом подведена под ограничения распространения продукции СМИ, в том числе в качестве радикальных шагов со стороны контролирующих органов предусмотрена и блокировка. Скорее всего, так и будет, поскольку для того и принимались эти антиконституционные и антидемократические, на мой взгляд, поправки в законодательство о СМИ.

Беседовала Татьяна Коровенкова

Белорусскую интернет-журналистику толкают к самоцензуре

Из-за внимания к пресс-конференции Александра Лукашенко практически не замеченной осталась новость о том, что Белорусская ассоциация журналистов (БАЖ) получила ответы на свои запросы по поводу блокировки ряда белорусских информационных сайтов в конце декабря 2014 года. Официальные органы не нашли в блокировке сайтов причин для беспокойства. Эксперты полагают, что давление на негосударственные СМИ продолжит усиливаться.

Татьяна ***КОРОВЕНКОВА,*** ***Naviny.by***

Еще 22 декабря БАЖ направила в Генеральную прокуратуру, управление МВД по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий (управление «К») и Оперативно-аналитический центр при президенте официальные письма, в которых ставился вопрос о незаконной блокировке сайтов *belapan.com*, *belapan.by*, *naviny.by*, *belaruspartisan.org*, *udf.by*, *gazetaby.com*, *zautra.by*, *21.by*, *charter97.org*.

В размещенном на сайте БАЖ ответе ОАЦ отмечается, что этот орган не принимал мер по ограничению доступа к указанным интернет-ресурсам. Кроме того, по информации, представленной ОАЦ операторами, сбоев в работе оборудования сетей передачи данных, а также точки обмена национальным трафиком и международного центра коммутации 19 декабря 2014 года не зафиксировано.

Напомним: 19 декабря — это валютная «черная пятница», ознаменовавшая и начало блокировки.

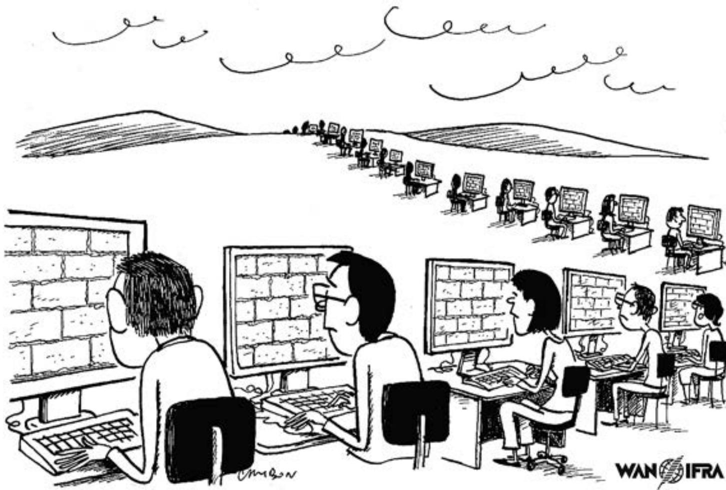
МВД, в свою очередь, предлагает адресовать вопросы по поводу блокировки сайтов Государственной инспекции по электросвязи Министерству связи и информатизации. «*В связи с тем, что в данных событиях отсутствует общественная опасность, а также состав административного правонарушения или уголовного преступления, проверка по вашему обращению прекращена*», — сообщает управление «К».

Генпрокуратура ранее ответила, что не инициировала вопросов, связанных с ограничением доступа к указанным сайтам, сообщает пресс-служба БАЖ.

Мининформ не дремлет

Стоит отметить, что блокировка сайтов в декабре произошла до вступления в силу обновленного закона о СМИ, который позволяет ограничивать доступ к информационным ресурсам при размещении на них ненадлежащей информации. Эта процедура предусматривает предварительное вынесение двух предупреждений,

однако в некоторых случаях доступ может быть ограничен по решению Мининформа и за однократное нарушение.

Уже 22 января Мининформ сообщил об ограничении доступа к двум информационным ресурсам, *«содержащим вульгарную и табуированную лексику»*. Как отмечалось в сообщении, подобная лексика *«способна нанести вред национальным интересам Республики Беларусь, в частности развитию духовно-нравственного потенциала общества»*. О каких конкретно информационных ресурсах идет речь, министерство не сообщило.

По неофициальным сведениям, решение Мининформа касалось сайтов yahooeu.by и yah.by. *«Речь идет о сайтах с зеркальными доменными именами yahooeu.by и yah.by*, — сообщил портал TUT.by со ссылкой на источник в IT-секторе. — *Они зарегистрированы на физическое лицо, но не являются полноценными информационными ресурсами. Это так называемые "мусорные" сайты, которых в интернете очень много. Непонятен возникший вокруг них ажиотаж»*.

Эксперты полагают: таким образом Мининформ демонстрирует всем белорусским медиа, что пристально отслеживает их деятельность и в любой момент готов применить санкции.

Трактовка национальных интересов отдана на откуп чиновникам

«Интернет стал полноценным средством массовой информации. Но какие сайты относить к СМИ, а какие — нет, точно сказать нельзя, — отметил в интервью mediakritika.by юрист **Сергей Зикрацкий**. — *В любом случае сегодня мы должны принять как должное, что абсолютное большинство сайтов относится к СМИ. При этом доменная зона by, com или net значения не имеет. Закон о СМИ распространяется на все сайты вне зависимости от доменной зоны, в которой они находятся»*.

Он отметил, что с точки зрения юридической техники недопустимо, чтобы закон о СМИ распространялся на социальные сети и блоги.

«К сожалению, определение СМИ в законе нечеткое. Я полагаю, что должны быть обозначены строгие критерии, по которым то или иное интернет-издание может быть отнесено к СМИ. Ведь то, что сайт получил статус СМИ, влечет для его владельца дополнительные обязанности и ответственность», — подчеркнул Зикрацкий.

Юрист также отмечает, что со вступлением в силу обновленного закона максимально упростилась процедура блокировки сайта. Раньше печатное издание получало письменное предупреждение, затем происходило приостановление выпуска СМИ либо его прекращение, пояснил Зикрацкий.

«Теперь, когда сайты отнесены к СМИ, появился и новый вид ответственности — ограничение доступа к продукции СМИ, распространяемой в интернете, — говорит специалист. — *Порядок ограничения такого доступа и технический механизм будут установлены ОАЦ при президенте Республики Беларусь совместно с Министерством связи и информатизации. Решение о блокировке принимает Мининформ»*.

По мнению Зикрацкого, такой подход не соответствует общим принципам свободы слова, поскольку государственный орган не должен самолично принимать подобные решения.

«При этом, как и прежде, прекратить работу печатного издания можно только через суд, а функционирование сайта — одним решением Мининформа. Причем в некоторых случаях даже без всякого предупреждения. Так, редакция может прийти на работу, а сайт заблокирован», — подчеркнул юрист.

Основанием для блокировки остается вынесение в течение года двух и более письменных предупреждений. Блокировать также могут за распространение информации ограниченного доступа (государственных секретов, охраняемых законом тайн и т. д.).

«Хуже всего дела обстоят с основанием, согласно которому Миниформ может принять решение об ограничении доступа в связи с распространением запрещенной законодательством информации, — говорит Зикрацкий. — *Запрещенными темами остаются пропаганда насилия, войны, жестокости, экстремистской деятельности, потребления и использования наркотических и психотропных веществ, порнография, а также информация, которая способна нанести вред национальным интересам страны. Один факт распространения такого сообщения дает основание Мининформу для блокировки сайта»*.

При этом, говорит Зикрацкий, в случае защиты национальных интересов речь идет не о недостоверной информации, а о правдивых данных в том числе. *«Я считаю, что эта норма противоречит*

свободному распространению информации», — отметил он.

Зикрацкий пояснил, что в указе № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» прописаны национальные интересы страны в каждой сфере (социальной, экономической, политической и т. д.).

«Формулировки эти настолько широкие, что попасть под них может многое», — отметил юрист. Он делает вывод, что *«писать теперь нужно осторожно»*, и выражает надежду, что *«регулятор будет реагировать адекватно»*.

Стоит добавить, что история взаимоотношений Мининформа с прессой особых оснований для благодушия не дает.

Репрессивный инструментарий наготове

О слишком широкой трактовке формулировок в законодательных актах, которые так или иначе затрагивают деятельность СМИ, неоднократно говорил и заместитель председателя БАЖ юрист **Андрей Бастунец**. Он отмечал, что довольно широко могут трактоваться определения, касающиеся экстремизма и иной запрещенной информации, национальных интересов, и прочие.

«К сожалению, это один из показателей нынешнего законодательства Беларуси — абсолютная размытость формулировок и абсолютная возможность правоприменителей трактовать их как угодно», — сказал Бастунец в комментарии для *БелаПАН*.

В качестве примера он привел недавнюю безуспешную попытку газеты «Народная воля» оспорить через суд предупреждение Мининформа. Чиновники пришли к выводу, что информация, содержащаяся в одной из статей, может причинить вред государственным и общественным интересам.

«Таким ущербом Мининформ счел публицистическое высказывание журналиста — высказывание частного мнения, по сути. Но если для традиционного СМИ это обернулось предупреждением, то в случае интернет-ресурса, в принципе, подобное может стать основанием для блокирования», — подчеркнул Бастунец.

Говоря о двух «мусорных» сайтах, заблокированных в январе, Бастунец отметил, что они были заблокированы показательно.

«Избраны показательно два ресурса, значимость которых лучше всего демонстрируется тем, что долгое время общественность не могла установить, что это за сайты, — отметил собеседник. — *Понятно, что если бы это были ресурсы популярные, то информация об этом сразу стала бы известна. Но они просто выбраны для демонстрации того, каким образом может осуществляться блокирование. Причем, насколько я понимаю, здесь они были заблокированы сразу»*.

Новые правила игры вынуждают редакции быть более осторожными при подготовке материалов и фактически заниматься самоцензурой.

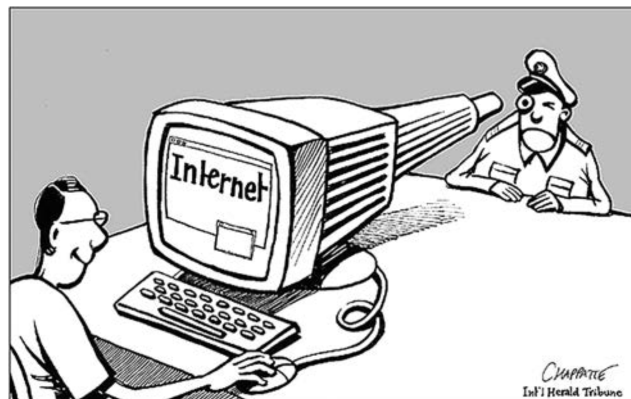
«После принятия закона министр информации собрала редакторов негосударственных СМИ, — напомнил Бастунец. — *Честно говоря, я думал, что речь на этой встрече пойдет об особенностях закона. На самом деле прозвучали довольно неприкрытые — не скажу угрозы, но предупреждения, что в случае, если издания будут публиковать какую-то информацию "не в интересах Республики Беларусь", то они могут быть очень просто закрыты»*.

Андрей Бастунец подчеркнул, что и те нормативные акты, которые принимаются, и те действия, которые совершают представители власти, абсолютно однозначно направлены на усиление самоцензуры журналистов.

«Хотя я бы это даже не называл самоцензурой — это такая косвенная цензура, давление властей», — подчеркнул заместитель председателя БАЖ.

Говоря о дальнейшем развитии событий, он высказал мнение, что будут действовать два противоположных вектора.

«С одной стороны, это желание властей уже до выборов предупредить какие-то конфликты и конфронтации, которые теоретически могут

быть. По сравнению с предыдущими выборами уже очевидно, что власти решили еще на предварительном этапе взять ситуацию под полный контроль», — сказал Бастунец.

С другой стороны, сложная экономическая ситуация может подтолкнуть Минск к усилению контактов с Западом. *«А Запад вряд ли будет приветствовать массированное подавление свободы выражения мнений*, — уверен Бастунец. — *Какой из этих векторов окажется преобладающим, сказать невозможно»*.

В то же время собеседник отмечает, что весь инструментарий в правовой сфере для подавления альтернативной точки зрения уже создан. *«А есть еще и неправовые возможности»*, — подчеркнул Бастунец.

Медиаграмотность

как чума для светлого образа вождя

Эта статья написана на основе доклада, прозвучавшего на научно-фантастической конференции «Способны ли медиа творить чудеса, или Добро пожаловать в НИИЧАВО» (19–21 ноября 2014 года, Беларусь).

Михась Янчук, представитель телеканала «Белсат» в Беларуси, eurobelarus.info

Человек, товарищи, есть хомо сапиенс, который может и хочет. Может, эта, все, что хочет, а хочет все, что может. Нес па, товарищи? Ежели он, то есть человек, может все, что хочет, а хочет все, что может, то он и есть счастлив. Так мы его и определим.

А. и Б. Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»

У этого текста будет не один эпиграф, как это обычно принято, а целых три. А возможно, даже и четыре. Но не все сразу.

Я начну издалека, потому что эта история, произошедшая почти 50 лет назад в глубокой Азии, как нельзя лучше иллюстрирует происходящее с массовым сознанием в нашем регионе в наши дни. С американскими солдатами, попавшими в плен во Вьетнаме, работали китайские специалисты-психологи. Предварительно отобранных по характерологическим показателям пленных содержали небольшими группами — до 10 человек — и вели себя с ними достаточно гуманно, потому что преследовали конкретную цель.

Вначале их пытались склонить к сотрудничеству долгими беседами, но это не помогало. Тогда их разделяли по одиночным камерам и на несколько дней лишали пищи, а потом вновь собирали всех вместе в одной комнате на беседу с китайцами. Им говорили, что восхищены их стойкостью и преданностью родине, но просили признать, что в их стране не все так уж идеально и что не все так уж окончательно плохо в Китае. И говорили: как только мы увидим, что вы честны сами с собой, мы прекратим морить вас голодом и дадим вам есть. Признать это было достаточно просто, потому что это была практически правда.

Первый шаг модификации сознания был сделан и закреплен небольшой переменой режима содержания к лучшему. Затем эта методика малых шагов, которую вы сами вполне можете спроецировать, использовалась около года. В результате примерно через год более половины первоначальной группы пленных освобождали. Совсем. Их отпускали с возможностью добраться до своих. По возвращении в США они сами вступали в

Коммунистическую партию Соединенных Штатов как убежденные сторонники коммунистической идеи. Их сознание было изменено, или, если угодно, им успешно промыли мозги очень простыми средствами — совсем недалеко от уровня павловских рефлексов. Достаточно было соблюсти всего два условия: создать информационную изоляцию от внешнего мира и убедить человека в том, что он может изменением своего поведения улучшить свою жизнь.

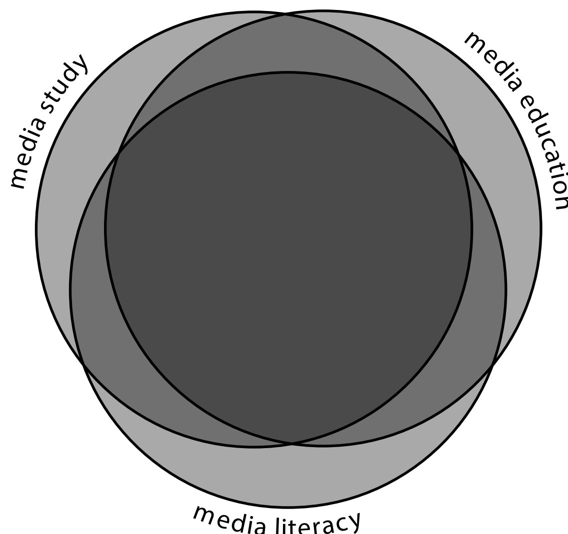
Второй пример: я сам, будучи в городе Бийске, разыскал в самом начале 2000-х улицу и дом, где жил вместе с сосланными туда НКВД родителями молодой Войцех Ярузельский. По соседству я нашел совсем старенького деда, который его помнил. Войцех, по его словам, был самым идейным среди местной молодежи. По полученному от деда описанию я делаю вывод, что у Ярузельского развился комплекс вины за родителей, неполноценных, с точки зрения привитой ему в советском плену базы сознания, и он всеми силами пытался эту вину искупить своими достижениями в учебе и труде.

При этом сам Ярузельский был представителем шляхетского рода с родословной от начала XVI века, а его дед, в честь которого Войцеху дали имя, был участником Январского восстания и был сослан в Сибирь на 8 лет. Отец его умер там же, в Бийске, летом 1942 года, вскоре после освобождения из Красноярских лагерей, а Войцех незадолго до этого заработал снежную слепоту на лесоповале и до конца жизни ходил в темных очках. И вот на такой семейно-исторической почве Войцех Ярузельский все равно стал самым промосковским из всех коммунистических генералов стран Варшавского договора и безжалостно подавлял выступления против единственно правильной идеологии во время им же введенного военного положения в Польше.

Возможно, преамбула получилась слишком долгой, но она плавно подводит нас к вопросу, как же это возможно, чтобы после перестройки 1980-х, после относительно свободных 1990-х, вдруг (хотя ничего себе «вдруг» — 15 лет путинизма и 20 лет лукашизма!) мы пришли к такому уровню примитивизации общественного сознания, что волосы дыбом встают у тех, у кого они еще есть. Но из всего вышесказанного вполне можно сделать вывод: *Nihil novi sub sole*. Или — **сейчас вокруг нас в информационной сфере постсоветского пространства не происходит ничего непознаваемо сверхъестественного**.

Тем не менее наблюдаемый феномен качественного изменения массового сознания жителей постсоветского пространства очень интересен для изучения. Нашему поколению вообще, как оказалось, невероятно повезло: мы за одну жизнь наблюдаем коллапс целых двух геополитических систем — советской и постсоветской. Немногим повезло жить в такое интересное время.

Но перейдем непосредственно к теме. Вот, извольте любить и жаловать слово-отмычку, которое у потенциальных зарубежных доноров общественных организаций стран нашего несчастного региона неизменно вызывает реакцию «сразу-да». Медиаграмотность. Понятие это настолько емкое, что разговаривать о нем с донорами — одно удовольствие.

Но нас интересует более прикладной аспект, который может в перспективе сделать наш регион немного менее несчастным. Сегодня термины «медиаобразование» (*media education*), «изучение медиа» (*media study*) и «медиаграмотность» (*media literacy*) используются почти как полные синонимы. В основе всех их, понятно, лежит формирование критического отношения к медиаконтенту. Это все подразумевает наличие некоего субъекта — носителя медиаграмотности, взаимодействующего с медиасредой. Звучит прекрасно и настолько размыто, что все сразу думают, что им все понятно. Но потребитель «Совбелки» и БТ точно так же уверен в своей медиаграмотности, как и потребитель «Белсата» и «Нашай Ніви». Субъектность медиаграмотности часто воспринимается как ее субъективность. Об этом можно говорить часами. Но, чтобы не утомлять никого нытьем про то, что с нашего сегодняшнего уровня до минимальной степени медиаграмотности большинству белорусов нужно пахать лет 20 от забора и до обеда, я приведу как бы далекий пример — о чтении советских газет.

Насколько я помню вечерние разговоры друзей моего отца на кухне, которые подслушивал через закрытую дверь, наивысший уровень медиаграмотности наше общество демонстрировало во времена застоя в Советском Союзе. Тогда все тексты центральной прессы (а также радио и телевидения) были настолько жестко каноничны и стереотипны, что по малейшим стилистическим меандрам умелый читатель между строк мог вычитать очень точно, что же случилось на самом

деле. Чаще всего это было нечто с точностью до наоборот по отношению к вектору прямой семантики газетного текста. Если во время объявленного самим же Кремлем моратория «произведен взрыв 10 тысяч тонн обычных взрывчатых веществ на острове Новая Земля», — значит, ядерный полигон опять включили. Если «уровень радиации в районе ЧАЭС неуклонно снижается», — значит, он зашкаливает. Если в сбитом нашей советской авиацией корейском «Боинге» «тел пассажиров не обнаружено», — значит, мы таки угробили гражданский борт со всеми вытекающими. Тогда, как видите, воспринимать информацию было гораздо проще — достаточно было всего лишь переставить знак.

Таким образом, мы подошли ко второму из обещанных трех-четырех отправных афоризмов.

Правда — это то,
что сейчас во благо королю.

А. и Б. Стругацкие, «Трудно быть богом»

Слово «стереотипы» было введено в научный оборот в 1922 году двукратным лауреатом Пулитцеровской премии Уолтером Липпманом. Он вообще был человеком достаточно провидческого склада и предсказал многие кризисы демократии как государственного устройства, опирающегося на диктатуру большинства, которое само по себе является сообществом малокомпетентных в важных вопросах людей. Впрочем, он в своих работах «Общественное мнение» и «Призрак общественности» напрямую ссылался на Платона — с ходом тысячелетий люди меняются мало.

Липпман считал, что, говоря современным языком, человек в медиасреде оперирует не фактами, а проекциями и их конгломератами. И чем более высок уровень абстрагированности такого оперирования, тем дальше от эмпирических фактов. Стереотип же высшего уровня, охватывающий все остальные конгломераты стереотипов, он называл «социальной реальностью». Для повторения университетской базы: стереотип, по Липпману — упрощенное, заранее принятое представление, не вытекающее из собственного опыта. Мы уже почти дома, да? Точнее, уже почти в телевизоре.

У Липпмана речь идет о структуре стереотипов восприятия. В телевизоре же мы имеем дело со стереотипами политической рекламы и пропаганды. Это стереотипы второго уровня — надстроечные над первыми, но вытекающие из них напрямую. Без своей базы они были бы малоэффективными. Чем меньший шаг нужно проделать условному зрителю или читателю от стереотипа восприятия до стереотипа второго уровня, тем эффективнее будет воздействие. Именно в этом кроется разгадка феномена: чем примитивнее пропагандистский стереотип, тем легче он будет ассимилирован в

собственную систему стереотипов личности или же социальной и этнической группы.

Но все вышесказанное по поводу процесса репроекции реальности на базе дерева стереотипов до сих пор не учитывало основной элемент, обеспечивающий действенность пропаганды. Мало пользоваться удачными штампами — нужно их еще максимально накачать эмоциональным фоном. Пропаганда будет тем успешнее, чем более она способна всколыхнуть эмоциональную сферу адресата, при этом важно одновременно подавить реакцию его рациональной сферы. Чем к более глубинным, атавистичным слоям эмоций будет апеллировать пропагандистский посыл, тем легче ему будет имплантировать в сознание свой заряд мотивирующей энергии. Именно поэтому на **поверхностном уровне** сообщение строится с позиции интересов получателя, хотя на **глубинном** — с точки зрения интересов пропагандиста.

В своем воздействии пропаганда сталкивается со следующими основными барьерами:

Избирательность внимания — человеку свойственно фильтровать сигнал от шума. Поэтому упаковка пропагандистского сигнала делается максимально привлекательной, а сам сигнал — ярким;

Избирательность восприятия — человеку свойственно отторгать представления, конфликтующие с его мировоззрением и эмоциональной базой. Поэтому пропаганда применяет упомянутую в самом начале рассказа «политику малых шагов» для достижения значительных изменений

в поведении путем углубляющегося повторения имплантируемого в сознание, а иногда и в подсознание содержания;

Избирательность призыва — на базе двух вышеупомянутых фильтров возникает третье ограничение, которое коротко можно охарактеризовать так: бессмысленно тратить время на совсем чужих — их переубедить все равно не удастся. Чужих запугивают, а не переубеждают. Это отдельный вид пропаганды — деструктивная пропаганда. Созидательная же пропаганда направляется на тех, чей рациональный барьер она в состоянии пробить своими посылом и формой.

Итак, чтобы обойти и использовать эти защитные психологические барьеры в своих целях, пропаганда должна соответствовать следующим требованиям:

1. Быть направленной на конкретную целевую аудиторию;
2. Привлекать внимание этой аудитории и соответствовать ее интересам;
3. Преодолеть шум, исходящий от других сообщений, с помощью повторения;
4. Соответствовать представлениям целевой аудитории и избегать конфликтной информации;
5. Удовлетворять интересы и потребности данной целевой аудитории.

Каждый человек имеет социально и физически обусловленную пропускную способность канала восприятия информации из внешнего мира. Человек XIX столетия получал информацию по каналам, которые по своей эмоинформационной насыщенности даже близко не подходили к границе монополизации индивидуальной пропускной способности канала. А действенность нынешней телевизионной пропаганды на российских телеканалах так высока именно потому, что там идет постоянная борьба за заполнение ***всей ширины канала восприятия***.

Даже в развлекательных и детских передачах замечена масса примеров пропагандистского воздействия. Упомяну, например, серию мультфильма «Лунтик» про ягодопровод и про то, что отрицательные персонажи, очень похожие на украинцев, крадут из него ягоды по дороге от точки их сбора до точки складирования. Или недавний казус — история про украинских синичек и русских снегирей, которых якобы убивают в Украине из-за их цвета. Цитирую дословно заметку с сайта «ANNA NEWS»:

«Педагоги украинской школы № 106 в Запорожье на Украине превзошли всю имеющуюся на сегодняшний день украинскую патриотическую истерику. На уроках в начальных классах учителя призвали детей спасать зимой от голода синиц и уничтожать снегирей. По мнению педагогов, синица, имея желто-голубую раскраску, символизирует собой Украину, а красногрудый снегирь олицетворяет имперское красное зло по имени СССР и его правопреемника — Россию. Каждый снегирь у кормушки, сделанной руками украинского ребенка, отбирает у синички (Украины) еду. И по этой причине снегирей желательно не кормить. И если прогнать или, например, застрелить снегиря из пневматического оружия, это будет особо символичным жестом в борьбе за победу всего украинского».

Человек с внешним каналом, перенасыщенным пропагандой, поначалу еще пытается найти альтернативные источники. Но, когда в его национальном информационном пространстве по всем каналам доминирует одна и та же окраска инфоконтента, потребитель раньше или позже редуцирует спектр каналов до одного-двух, и чаще всего это будут именно телевизионные каналы. В этом — новое достижение российского телевидения: сведение многообразного инфомира к инфосфере средневековой деревни, где единственным ньюсмейкером является суверен или его законные представители.

Президент США с 1968 по 1973 год Ричард Никсон во время одного из своих выступлений сказал, что считает 1 доллар, вложенный в пропаганду и информацию, более ценным, чем 10 долларов, потраченных на создание систем оружия, ибо последнее вряд ли будет когда-либо употреблено в дело, в то время как информация работает ежечасно и повсеместно. Правда, Никсона излишняя любовь к чужой информации с целью изготовления своей пропаганды и сгубила — он единственный президент США, который вынужден был уйти в отставку досрочно из-за Уотергейтского скандала.

Обратите внимание, что я не сказал в ходе всего рассуждения ни одного слова о классических критериях объективной журналистики: об отделении факта от комментария, ясном жанровом кадастре СМИ, максимальном кросс-чекинге источников. Мы давно уже не на этой планете, если говорим о большинстве российских СМИ сегодня. Это вообще не СМИ. Это информационные войска Российской Федерации, действующие вопреки интересам народа. Кто вспомнит количество отмеченных госнаградами в Кремле российских журналистов после войны 2008 года в Грузии? Больше 100. А за освещение «Крымнаша?». В этом году — уже больше 200!

Поэтому когда кто-то начинает говорить, что отключать у нас в стране вещание российских телеканалов не совсем правильно, ибо это нарушает фундаментальные принципы свободы слова, то я хочу задать такому человеку встречный вопрос: а как вы считаете, деятельность продавцов хлеба и продавцов героина должна регулироваться одним и тем же законом? Или о торговле героином нужно принять отдельный закон?

Потому что психологический эффект от воздействия российских телеканалов на аудиторию

однозначен: они, применяя манипуляцию, сознательно искажая факты и, более того, постоянно создавая фейковую реальность, вызывают в представителях этой аудитории желание ехать на Донбасс убивать живых людей. Это уже не СМИ, это соучастие в военных преступлениях своего государства, за которые полагается Гаага.

Тем временем в Беларуси эти каналы не просто входят в социальный пакет, распространяемый для абсолютно всей телеаудитории страны, — у них еще и есть здесь зарегистрированные юрлица, успешно осваивающие более половины стомиллионного в год (в долларах) рекламного рынка нашей страны. Это к вопросу об информационной безопасности, которую призваны обеспечивать государственные власти.

Ну вот мы и подошли к третьему — и наиболее содержательному, на мой взгляд, — микроэпиграфу рассуждения.

И всегда будут невежественные люди, питающие восхищение к своим угнетателям и ненависть к своему освободителю. И все потому, что раб гораздо лучше понимает своего господина, пусть даже самого жестокого, чем своего освободителя, ибо каждый раб отлично представляет себя на месте господина, но мало кто представляет себя на месте бескорыстного освободителя.

А. и Б. Стругацкие, «Трудно быть богом»

Мы имеем дело с восторженным инфорабством. И в Беларуси, и в России. В этом состоянии информационной героиновой эйфории общества прямое апеллирование к рассудочным доводам было бы малоэффективным. В чем можно убедить человека, когда он понимает, что ему врут, но внутреннее удовлетворение от сопричастности к этому лживому конструкту вызывает у него состояние, близкое к экстазу? Дирижерам этого телеспектакля остается только в процессе передачи менять знак экстаза: от гневного до упоительного. В ритме бразильского телесериала, с эмоциональными пиками через каждые 2 минуты. Такой интервал воздействия на чувства зрителя психологи сочли наиболее продуктивным — он не позволяет отрываться. Посмотрите российские ток-шоу с секундомером в руке, параллельно вычерчивая кривую эмоционального накала, — вам многое станет предельно ясно. Вы часто спорите с пьяными? И тут ситуация весьма похожа.

Что можно сделать в ответ? Переврать Киселева? На это даже Лукашенко неспособен. У него вранье изобретательное — контекстное, а не концептуальное. На Киселева работает целый коллектив, включая психологов. Он врет до самых печенок — всем собой. Это талант. Однако иногда достаточно просто процитировать — но творчески. Вот так, например:

Спокойно, без паники: почему цена на нефть не упадет ниже $100

Миниэкономразвития: цена на нефть не упадет до 60 долларов за баррель

Глава "Роснефти" считает, что цена на нефть не упадет ниже $90 за баррель

Цены на нефть не упадут меньше 80-85 долларов за баррель

Бизнес

Минфин: Нефть не упадет ниже $80

У белорусского общества сейчас не слишком большой набор средств для действия, уравновешивающего вектор этой токсичной пропаганды. Но каждый из нас обладает силой точечного воздействия, которое можно мультиплицировать благодаря социальным сетям и общественным организациям. У нас есть сеть национальных СМИ и онлайн-ресурсов. Ими руководят весьма разумные люди. Выработка стратегий скоординированного взаимодействия этих СМИ может увеличить эффект, особенно в приближающийся кризисный период.

Активная медиаграмотность предполагает действие, а не только восприятие. *Medium is a massage*, — как говорил человек, предсказавший победу Кеннеди над уже упоминавшимся Никсоном. Мы можем «тут и теперь» выработать достаточно динамичный и эффективный инструментарий низового действия, который сработает. Он не сможет переубедить чужих. Но потенциально своих — вполне. А кто не против нас — тот уже наполовину с нами. Ну и, наверное, пора начинать вести системный мониторинг деятельности российских СМИ на территории Беларуси. Включая только что открытый в Минске медиахаб «Спутник», он же корпункт «Russia Today». Мониторинговые данные — это, к примеру, аргумент при жалобе в суд. Даже в белорусский, — если в материале содержится призыв к разжиганию национальной розни. Это надо делать.

У поляков 123 года не было собственного государства, но они сохранились как народ. И у нас наверняка тоже все получится, если мы не будем сдаваться без боя. Проиграть мы можем только в одном случае: если не совершим ни единого чуда из нашей магической книги, а все за нас сделают маги других школ. Поэтому я бы закончил цитатой из того же произведения Стругацких, с которого начинал этот текст:

Постарайтесь понять, Александр Иванович, что не существует единственного для всех будущего. Их много, и каждый ваш поступок творит какое-нибудь из них... Вы это поймете, — сказал он убедительно. — Вы это обязательно поймете.

А. и Б. Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»

Іна СТУДЗІНСКАЯ,
Радыё «Свабода»

«РУССКИЙ МИР» пачаў наступ з тэлеканалаў

Да якіх тэлеканалаў ёсьць доступ у беларускіх тэлегледачоў, хто й як вызначае пералік каналаў для кабэльных тэлевізійных сетак? Чаму зь сетак практычна цалкам зьніклі ўкраінскія, польскія каналы, якія яшчэ пяць гадоў таму можна было глядзець у берасьцейскім і гарадзенскім рэгіёнах? Чаму з тысяч замежных тэлеканалаў беларусам у лепшым выпадку даступныя толькі Euronews, Eurosport ды пара навукова-пазнавальных каналаў кшталту Discovery, а ўсе астатнія — расейскія?

Берасьцейцы раней глядзелі перадачы й польскіх, і ўкраінскіх каналаў. У Менску абанэнты кабэльных сетак таксама мелі доступ да ўкраінскіх каналаў. У Горадні да 2010 году ў кабэльных сетках трансьлявалі польскі дзяржаўны канал TVP1, потым яго замянілі на PolSat. Але ў верасьні 2013 году трансьляцыю спынілі. **Гарадзенец Дзяніс Івашын** распавёў: «Калі цікавіць польскі канал, то цяпер толькі праз спадарожнік ёсьць магчымасьць глядзець. У кабэльных сетках і наўпрост нічога не паглядзіш. Праблема ў тым, што ў мінулым годзе й літоўцы, і палякі цалкам перайшлі на лічбу. Напрыклад, раней у бацькоўскай вёсцы, каля мяжы зь Літвой, лёгка лавілі літоўскія каналы. Пасьля таго як яны перайшлі на лічбу, — усё, для простага грамадзяніна без адмысловай прыстаўкі, без сучаснага тэлевізару гэтыя каналы сталі недаступнымі».

Такім чынам, тыя, у каго няма спадарожнікавых антэн, ня маюць магчымасьці глядзець перадачы замежных каналаў. **Дарадца Міністэрства сувязі й інфарматызацыі Беларусі Натальля Аляшкевіч** тлумачыць, што ейнае ведамства дае кабэльным сеткам ліцэнзію на паслугі, а далей сеткі пачынаюць сваю камэрцыйную дзейнасьць пад кантролем міністэрства: «Фармаваньне пакетаў — гэта прэрагатыва кабэльных сетак. Яны павінны ўзгадняць каналы, якія трансьлююць, зь Міністэрствам інфармацыі. То бок палітыка кантэнту — гэта ня справа Міністэрства сувязі й інфарматызацыі, мы толькі пастаўшчыкі паслугі, як я кажу, тэхнары. Менавіта па зьмесьце — гэта Мінінфарм».

Такім чынам, для трансьляцыі на тэрыторыі Беларусі канал павінен мець ліцэнзію і ад Мінсувязі, і ад Мінінфарму, тлумачыць **прадстаўніца берасьцейскай кампаніі кабэльных сетак «ТВ САТ»**: «Кожны замежны канал (а замежныя — гэта ўсе, акрамя беларускіх) павінен быць узгоднены зь Міністэрствам інфармацыі, то бок атрымаць ліцэнзію. Нам, напэўна, больш зручна, каб сам канал атрымаў ліцэнзію й нам прапанаваў яго трансьляваць. Шчыра кажучы, самі мы ня езьдзілі ва Ўкраіну, а іхніх прадстаўнікоў надта тут не відаць. Мы, да прыкладу, трансьлюем “Спорт-1”, гэта ўкраінскі канал. А кіношных, грамадзка-палітычных каналаў пакуль няма».

Мінінфарм дае дазволы, ліцэнзіі на трансьляцыю згодна з Законам аб СМІ й пастановамі Савету міністраў

№ 1849 і 88, кажа **намесьнік міністра інфармацыі Сяргей Хільман**: «Тэлеканалы, якія вяшчаюць у краіне, павінны прыйсьці легальна, не па-пірацку. На любы канал ёсьць аўтарскія правы, і для таго каб узяць яго ў кабэльную сетку, да прыкладу, у Пружанах альбо Ваўкавыску, з гэтым каналам павінна быць заключаная дамова. А ўзяць яго са спадарожніку й мець камэрцыйны прыбытак — незаконна. Трэба атрымаць правы ў праваўладальніка. Я думаю, шмат якія каналы й самі паадключаліся, калі ўбачылі, што дзяржава сочыць за выкананьнем заканадаўства».

Усе каналы, якія на сёньняшні дзень зьвярталіся ў Міністэрства інфармацыі па ліцэнзію, такія дазволы атрымалі, запэўніў намесьнік міністра **Сяргей Хільман**.

Цяпер у беларускім тэлеэтэры, у кабэльных сетках засільле расейскіх каналаў — іх нават не дзясяткі, а ўжо сотні. Чаму такі перакос? **Супрацоўніца кампаніі кабэльных сетак** распавяла: «Што тычыцца расейскіх каналаў, то тут, у Беларусі, ёсьць шмат іхных прадстаўнікоў, дыстрыбутараў, якія дапамагаюць ім атрымаць ліцэнзіі й прадаваць іх тут. Адсюль і засільле расейскіх каналаў».

Чаго толькі не прапануюць расейскія каналы — фантастыку, містыку, індыйскае кіно, гумар, спорт, кулінарныя рэцэпты, парады для дачнікаў і агароднікаў... І, натуральна, дзяржаўны «РТР», на якім бясконцыя «Воскресные вечера» з Салаўёвым, Кісялёвым, Russia Today і далей па сьпісе...

У Берасьці **грамадзкая актывістка Ірына Лаўроўская** не адзін год дамагаецца ўключэньня ўкраінскіх і польскіх каналаў у кабэльныя сеткі. Яе аргумэнтацыя — створаны эўрарэгіён «Буг», куды ўваходзяць Украіна, Польшча й Беларусь. У памежным рэгіёне вельмі шчыльныя сувязі з Польшчай і з Украінай, а не з Расеяй: «Мяне, да прыкладу, непакоіць агрэсіўнасьць расейскіх каналаў. І ў кантэксьце таго, што адбываецца ў Берасьці, прынамсі, з гэтым "Русским миром", — вельмі кепская палітыка. Я не разумею, чаму дзяржава на гэта не рэагуе. Гэта вялікая небясьпека. Закрываць, напрыклад, украінскія й польскія каналы, якія дапамагаюць разумець усе праблемы канфлікту, ня варта. Цяпер атрымліваецца наадварот: нам навязваюць адзін пункт "взору" (я ўжо па-ўкраінску загаварыла), і ў людзей фармуецца такое аднабаковае стаўленьне, бо атрымаць іншую інфармацыю немагчыма».

Два месяцы таму **Аляксандар Лукашэнка** сустракаўся ў Кіеве зь **Пятром Парашэнкам**, і прэзыдэнты дамовіліся стварыць сумесны ўкраінска-беларускі канал. На пытаньне, ці ёсьць зрухі ў гэтай справе, начальнік упраўленьня электронных СМІ Міністэрства інфармацыі **Уладзімер Ядранцаў** даслоўна адказаў так: «Радыё "Свабода"? Усе пытаньні да Парашэнкі. У нас адказаў няма. Да пабачэньня».

І кінуў слухаўку.

Так што, прынамсі, украінскія каналы, мяркуючы па адказе чыноўніка Мініфарму, у Беларусі ў бліжэйшай будучыні наўрад ці зьявяцца.

Захаваны правапіс арыгіналу

Скажи, кто твой брат

Владимир ДЗЮБА

Украина и Беларусь похожи, потому что дружили веками, ни разу не поссорились, не говоря уже о том, чтобы мечом друг на друга замахнуться. Поэтому и язык, и душа, и песни наши созвучны, и праздники христианские отмечаем в одни и те же святые дни. Но сегодня украинцев и белорусов характеризует еще одна, не очень приятная, похожесть — раскол в обществах из-за развязанной нечистоплотными политиками войны.

Довольно большая часть белорусов подвержена российской пропаганде, и барометр мнения этих людей колеблется где-то за чертой приличия, как и политические шоу российских телеканалов, которые вещают у нас, как у себя дома. Поэтому в белорусских семьях о событиях на юго-востоке Украины спорят до хрипоты, ссорятся с друзьями, родными, партнерами по бизнесу. Не раз был этому свидетелем.

Но мы с группой белорусских журналистов едем в Украину, чтобы посмотреть, поговорить и потом обо всем рассказать. Может, благодаря нашим стараниям хоть немного улягутся «гражданские» страсти. Едем без всякой опаски: ведь никто из нас не лгал, не лебезил в угоду политикам, не оскорблял соседнюю страну. И мы можем спокойно смотреть в глаза своим украинским коллегам.

Кордон

От Минска до областного центра Черкассы 800 км, но автобус просторный, а главное — экипаж, Александр и Володя — профессионалы, исколесили всю Европу.

Вот и украинский пропускной пункт «Новые Яриловичи». Саша Коктыш, как куратор группы, исчез

с документами на целый час. Мы вышли из автобуса, осмотрелись. Все спокойно, разве что непривычная тишина — машин, пересекающих границу в ту или другую сторону, практически нет. И только недавно сооруженные из мешков с песком оборонительные гнезда напомнили, что где-то там, уже ближе к Мариуполю, куда откатилась линия фронта, кровоточит исковерканная взрывами украинская земля. Там такие же, только изрешеченные пулями, блокпосты и окопы…

Саша вернулся сердитым:

— Час спрашивали — куда и зачем едем. В Черкассы звонили… Вернее, спрашивала. Но-о-о… красивая такая!

Все засмеялись. Действительно, женщины в Украине и Беларуси красивые и умные. Особенно те, которые не поддаются дешевой пропаганде, то есть сами умеют думать. (Уж простите меня, все остальные.) А еще они надежные и преданные, способные в неимоверном напряжении, работая с утра до ночи, обеспечить фронтовой тыл лекарствами, одеждой и обувью, продуктами и добрыми письмами. Чем спасли жизнь не одному мужику на этой проклятой ими войне. В чем мы убедились буквально через день.

Скоро два часа ночи. На подъезде к Черкассам еще один блокпост со стоящей рядом боевой машиной пехоты (БМП). Когда бойцы узнали, что мы белорусские журналисты, нас пропустили быстро и без проверки.

Через полчаса заселились в теплую и чистую гостиницу «Днепр». Портье передала нам «сухие пайки», которые заботливо подготовила Валентина Душок. И хоть за 14 часов дороги мы раза три хорошо перекусили и совсем не чувствовали голода, было приятно. Насчет запаса харчей в дорогу — это тоже по-нашему: по-белорусски, по-украински…

Котел был

Это подтвердили в беседе с нами бойцы 118-й отдельной горно-пехотной бригады Сергей Лугеря и Игорь Довбиш, которые провели в окопах по полгода. Совсем недавно, после ранений, оба отлежали в больнице и получили небольшой отдых. А сейчас с нетерпением ожидают ротации, то есть приезда с передовой своих боевых товарищей, которые в скором времени должны вернуться в Черкассы.

В украинскую армию они пошли добровольцами, чтобы защитить, как они сказали, свои семьи, своих детей, своих любимых, свою родную землю. Одеты в камуфляжную форму, у Сергея на груди просматривается синий кусочек моря или неба — тельняшка. Я не успел спросить, в каких войсках он когда-то отслужил. Сергей плотный, крепко сколоченный, побритый наголо мужик. А

улыбка светлая, открытая, добродушная. Танки он называет «танчиками», так говорят мальчишки, когда играют в войну. Ему бы какую-нибудь детскую телепередачу вести, а не воевать. Уверен, малыши бы его полюбили…

Игорь замкнут в себе, с орлиным и твердым взглядом. На голове черная копна волос.

— Он у нас молчун, — повернувшись к рядом сидящему другу, шутит Сергей. — Поэтому я начну говорить.

И рассказал о том, о чем даже самые смелые украинские телеканалы сообщали вполголоса. На российских же об этом громко и злорадно кричали.

— То, что сепаратисты могут окружить Дебальцево, мы знали за несколько месяцев. Особенно накануне, приблизительно за месяц, когда взяли в плен несколько сепаратистов и они подтвердили, что готовится план нашего окружения. Да и перебежчики, которые переходили на нашу сторону, об этом предупреждали.

— Перебежчики со стороны Донецка, из так называемого ополчения?

— Да. Они посмотрели, кто и как воюет против Украины, и решили перейти на нашу сторону. Так вот, про угрозу окружения мы докладывали вышестоящему командованию, но реакции не было никакой. И линию обороны часто можно было построить более разумно. Мы с нашим командиром сами что-то меняли, чтобы меньше было потерь, но делали это в пределах возможного. Ведь приказ есть приказ, и его нужно выполнять. В Артемовске, под Иловайском и Дебальцево ситуация была похожая. Нас просто слили. Обидно, когда тебя продают. Много ребят погибло, жалко.

Да и некоторые люди… К нам приходили женщины: «Дайте молочка детям…» Мы, конечно,

делились с ними, чем могли. А они фотографировали наши позиции и продавали эту информацию сепаратистам. Вычислили мы их, — но что им скажешь? Пусть носят этот грех до конца жизни.

На наш вопрос, что показалось самым тяжелым на этой войне, Сергей ответил:

— Ощущение того, что тебя предают. Поймите, проблема не в Путине, проблема внутри нашей страны! Необдуманные приказы, тактика, безразличие вышестоящего командования… Нам не хватало вооружения, амуниции, медикаментов. В окопах одежда быстро снашивается. Если бы не волонтеры, мы бы не выстояли. Они привозили нам обмундирование, лекарства, еду.

— Сколько государство вам платит?

— Три тысячи гривен сейчас, а когда находимся в зоне боевых действий, еще две тысячи доплачивают (на момент разговора 5 тысяч гривен — это всего 166 долларов США. — *В. Д.*). Сепаратисты получают по 400 долларов ежемесячно — и «зелеными». Среди них много тех, кто до войны работал на шахтах и за тяжелый труд получал копейки. И вот все рухнуло, богатенькие владельцы шахт убежали, а куда мужикам безработным податься? И пошли многие из них в так называемое ополчение — не по убеждениям, а чтобы семьи не голодали.

— Что вам помогало держаться на передовой, как снимали стресс — может, водкой?

— Вы что?! — подключился к разговору Игорь. — На передовой сухой закон. Можешь, конечно, напиться, но тогда ты — труп! Шутили, поддерживали друг друга. Даже, как пацаны в детстве, чтобы отвлечься, устраивали кучу-малу.

— А ненависть к противнику была?

— Нет, мы просто выполняли свою работу, как и они. Хотя не мы пришли захватывать чужую землю, а они. Мы свою землю защищаем, это сегодня и есть наша работа.

— Мы быстро поняли, что с нами воюют профессионалы, — продолжил разговор Сергей и взял со стола чистый лист бумаги. — Представьте, что это улица или квартал в городе. Так вот, с той стороны из минометов обрабатывали территорию, где мы находились, как шахматную доску, — по квадратам. Сначала идут в одну строну, а потом — в обратную, накрывая пропущенные участки. Так работают только профессионалы! И мины против нас использовали современные, которые взрываются на подлете, то есть в воздухе, и сложно было укрыться.

Мы с уважением относились к своему противнику. Они к нам — тоже. Даже были моменты интересные, как в игре, — кто кого перехитрит. Сепаратисты называли нас «ангелами смерти», российские профессионалы — «железной бригадой».

Да, на войне разное может случиться. Но я не могу понять, зачем глумиться над «двухсотыми» (погибшими. — *В. Д.*) или «трехсотыми» (ранеными. — *В. Д.*), когда отрезают носы, уши и… простите, не буду говорить при женщинах. Профессионалы такого никогда не сделают! Это делают не воины, а нелюди, шакалы…

Борщ для фронта

Наш разговор слушают волонтеры: заместитель председателя общественной организации «Блокпост» Алексей Романов, глава общественного корпуса «Азов» Даниил Майоров. Сегодня в городах и поселках Украины созданы десятки, если не сотни, таких организаций, которые с первого дня войны и по сей день помогают защитникам Отечества. В Черкассах работает несколько приемных пунктов, куда люди приносят одежду, закатки и другие продукты питания, деньги. На них волонтеры покупают медикаменты, обмундирование, вещи для личной гигиены и все это передают на фронт. Мотаясь туда и обратно, часто рискуя попасть под обстрел.

— Устаем ужасно, — говорит Татьяна Волочай, — но, когда смотрим на наших бойцов, которые несколько месяцев провели в холодных окопах, у нас открывается второе дыхание. И мы снова упаковываем коробки и везем нашим ребятам. Дети приносят рисунки, шоколадки и просят передать их солдатам. Просто слезы наворачиваются… У меня у самой семья, дети, небольшой

бизнес — и везде нужно успеть. Практически все заработанные деньги идут на помощь ребятам, которые за нас воюют.

Молодые парни-волонтеры не просто патриоты, они еще и солдаты тыла. Самоотверженные, стойкие, уверенные в том, что делают правое дело.

В Черкассах волонтеры работают в ими же организованных цехах по сушке овощей. В одном из них снял видео и записал короткий разговор мой коллега Александр Зенков. Волонтер общественной организации «Наш батальон» Наталья Зоря рассказала, что в зимний период они в основном готовят сухие концентраты для бойцов АТО.

— В этой упаковке сухой борщ на 20 человек. Высыпал в горячую воду, закипятил — и готово. Картошку мы отдельно готовим, ее ребята добавляют по вкусу. Пишут с фронта, что им очень нравятся наши борщи, просят передать еще. Весной мы будем для них готовить более двадцати блюд.

— А оборудование где взяли?

— Все сушилки, все оборудование для производства концентратов нам предоставили жители города. Овощи приносят разные люди, кто сколько может. Еще у нас есть волонтерка, которая готовит имбирный чай, куда входят имбирь, лимоны и мед. Все перемешивается. Буквально ложечку растворяешь в горячей воде — и витаминизированный чай готов. Ребятам на фронте тоже очень нравится.

— Как же справляетесь, ведь столько овощей нарезать нужно?..

— Каждый день к нам приходят 10–15 человек, чтобы помочь. Некоторые прибегают даже на час во время обеда, а потом возвращаются на свою основную работу. Есть пенсионеры, которые помогают нам полную смену. Они договорились между собой и меняются, приходят через день.

А продукцию мы передаем на фронт с помощью волонтерских бригад из разных общественных объединений.

Героям слава!

Сегодня вечером ротация: в Черкассах будут встречать бойцов 118-й отдельной горно-пехотной бригады, которые семь месяцев провели на фронте. Согласно «Большому словарю иностранных слов», у слова «ротация» много значений. Это и типографская машина для печатания газет и журналов большим тиражом, и период времени, в течение которого на полях сменяют друг друга возделываемые культуры. Но совсем другой смысл ротация приобретает на полях войны. Как и в мыслях тех, кто ждет своих родных и близких, надеясь, что они вернутся живыми и невредимыми. Ведь ротация может принести печальную и горькую весть…

— По городу можете ходить свободно, — напутствует нас Валентина Душок. — У нас спокойно.

И действительно, за три дня нашего пребывания в трехсоттысячном областном центре никто ни разу не подошел, чтобы стрельнуть сигарету или попросить «рубль на пиво». В отличие, например, от Минска или Вильнюса.

Со слов наших украинских коллег, эта война выявила самые отрицательные черты человеческой натуры. Но больше проявилось положительного. Люди сплотились и стали более отзывчивыми, сдержанными, стали добрее относиться друг к другу.

Вот и Соборная площадь, где собралось достаточно много людей, в их руках цветы, национальные флаги, сумки с продуктами. Подростки и детишки стоят с голубыми и желтыми — в тон национальной символике — воздушными шариками. И это пока непонятное для них слово «ротация» они запомнят на всю оставшуюся жизнь. Только ассоциироваться оно будет, к сожалению, с войной, которую подогревала некогда дружественная и большая соседняя страна. Страна, где, возможно, даже живет кто-то из их бабушек и дедушек…

В самом начале площади, рядом с остановкой, стоит памятник, силуэт которого напоминает большой камень. У его подножия много живых цветов, горят лампадки. В центр этого валуна вмонтирован широкий плазменный экран, на котором поочередно под спокойную печальную музыку появляются лица ребят из Небесной Сотни. Среди них и портрет нашего земляка Михаила Жизневского. В эти февральские дни вся Украина вспоминает героев Майдана.

Просьбу ко всем встречающим стать так, чтобы образовался живой коридор, выполнили неожиданно быстро и организованно. Люди замерли, притихли. В вечерних сумерках растворилась тишина.

На далеком перекрестке показались машина сопровождения и автобус. Все начали скандировать: «Герои! Герои!!! Герои!!!» Голоса людей слились в единый мощный хор, сила которого все нарастала и нарастала. Казалось, что сейчас его слышит вся Украина. Это был голос народа, который стал НАЦИЕЙ!

Из автобуса по одному выходили уставшие бойцы и строились в шеренги. В строй стали и наши вчерашние знакомые Сергей и Игорь. Командир бригады отрапортовал о прибытии, после чего фронтовикам вручили хлеб-соль.

Большой каравай испекла мама одного из солдат. «Дорогие сынки, — сказала она, — вы преподнесли нам два подарка. Первый — это то, что вы смело пошли защищать родную землю. А второй, — что вы вернулись живыми. Этот каравай — как наша земля, пусть он прибавит вам силы, разделите его по-братски». Солдаты бережно передавали каравай из рук в руки и целовали…

За мужество, героизм и высокий профессионализм командиру 128-й горно-пехотной бригады Сергею Шаптале Президент Украины Петр Порошенко присвоил звание Героя Украины. Остальным бойцам прямо на площади глава областного совета Валентина Коваленко и глава областной государственной администрации Юрий Ткаченко вручили Почетные награды «200 лет со дня рождения Тараса Григорьевича Шевченко» и «365 лет Украинскому казачьему государству».

Только после этого широкий людской коридор сомкнулся, накрепко обняв «железный батальон» со всех сторон. Вот мать целует солдата, гладит его волосы и сквозь слезы причитает: «Сынок, вернулся, живой… Обещал мне вернуться — и вернулся…» Вот жена обняла мужа-воина, а детишки, как воробышки, прижались к ногам отца и стоят молча…

Площадь быстро заполнили радостные улыбки, люди разбились на небольшие группы и говорили, говорили… Но пришло время расходиться. Бойцы обнимались, как братья, и прощались. Кто-то приглашал друзей в гости на ночлег, ведь не все призывались из города.

В гостиницу мы возвращались практически молча. Настолько было сильным впечатление…

На следующий день, по дороге в Минск, решили перекусить. «Мы здесь сидим, полно еды, тепло… Даже неудобно как-то. Это я про украинских ребят, которые сейчас на передовой, — задумчиво произнесла Таня Смоткина. — Давайте поднимем тост за их здоровье. И за Украину».

Странно, я об этом тоже подумал…

Хотя — что здесь странного? Ведь там остались близкие мне по духу и по убеждениям люди, мои братья: журналисты, которые отказались обслуживать власть на оккупированных сепаратистами территориях, солдаты 118-й отдельной горно-пехотной бригады, отчаянные волонтеры и миллионы граждан Украины, которые в лихую минуту встали на защиту своей земли.

Как же хочется, чтобы народонаселение моей родной Беларуси тоже стало нацией, уважающей саму себя, — но только без всякой войны. Сплоченной и гордой за свою историю, культуру, за свой родной язык и за самую красивую во всей Вселенной землю, которую подарил нам Бог.

Продолжение темы в следующем номере

Фото А. Зенкова

Зеркальные отражения Украины

Принцип «око за око» может сделать слепым весь мир.
Махатма Ганди

Наталья **ВЫГОВСКАЯ**

Каждая унесенная жизнь в этой войне все больше расшивает Украину с обеих сторон. Как будет и будет ли жить Украина после войны? На восстановление инфраструктуры и человеческих душ уйдут десятилетия. А пока гнев, боль и страх украинцев ищут, но не находят выхода. Мы говорили об Украине и России, культуре и морали, настоящем и будущем с писателями, артистами, режиссерами, журналистами, врачами и педагогами с обеих сторон расчлененной, зараженной бациллой недоверия Украины. Они тщательно выбирали слова, иногда предупреждая, что сейчас занимают радикальную позицию по отношению к «врагу». И чувствовалось, что этот «враг» — у каждого свой — постепенно заражает внутренние миры украинской нации и все больше требует отмщения.

О войне и Путине

То, что происходит на востоке Украины, все собеседники называют войной и, в разной модальности, но связывают происходящее с президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. «Честно говоря, меня удивила формулировка вопроса: "Разделяете ли вы идею о том, что эскалацию конфликта провоцирует Российская Федерация?" А вы считаете, что эскалацию конфликта провоцируют и поддерживают США, НАТО и "Правый сектор"? Конспирология какая-то», — **основатель Школы журналистики Львовского католического университета Игорь Балинский** уверен: если бы не полномасштабная поддержка воюющих на стороне ЛНР и ДНР со стороны России, то этот конфликт не был бы таким кровавым. В любом случае, считает он, то, что происходит на Донбассе, — это политическое и уголовное преступление тех элит Украины, которые 20 лет трактовали Донбасс как ресурсную территорию для собственного обогащения, заморозив социальную, культурную и идеологическую сферы на уровне позднего «совка». «Конечно, вопрос об эскалации конфликта со стороны Российской Федерации риторический, — замечает **генеральный директор Национальной телекомпании Украины Зураб Аласания**. — Она эскалирует ситуацию не потому, что им нужна Украина. Это вызов миру, и они его реализовывают. Похоже, что Украина стала для Путина способом демонстрации миру своих амбиций». Зураб Аласания не понаслышке знает, что было в Грузии, Абхазии, а потом и Осетии. Говорит, сейчас с ужасом понимает, насколько те события 2008 года коррелируются с нынешней ситуацией. Он не удивляется, что мир реагирует на происходящее в Украине, как мы тогда реагировали на войну в Грузии или привыкли реагировать абстрактной жалостью на умирающих от

голода детей в Африке: «Нечего страшно удивляться, почему не верят нам. Потому что мы далеко. Потому что мы для них — какая-то далекая Африка…»

Об имперских настроениях президента России говорит практически каждый визави. «Я однозначно думаю, что война на востоке Украины, как и оккупация Крыма, — это дело рук Кремля. Не хотелось бы произносить "Российской Федерации", так как я четко разделяю понятия "русский человек" и "политика Кремля"», — говорит **режиссер известного фильма** о трагедии крымско-татарского народа **«Хайтарма» Ахтем Сейтаблаев**. Боль слышится буквально в каждом его слове: «Я достаточно радикально настроен, потому что я — крымский татарин, потому что Крым очень болит, потому что я — украинец, и мы столкнулись с фашиствующей государственной машиной, которая, к сожалению, просто не понимает другого языка, кроме языка силы».

Руководитель проекта «Телекритика» Наталья Лигачева тоже видит в происходящем следствие имперских настроев российской государственной элиты, замешанных на тоталитарной идеологии большевизма, идеологии «русского мира». Но все же остается и Крым. **Валерий Зотов, главный редактор запорожского еженедельника «Прав.Да»**, каждую неделю с журналистами ездит в зону АТО. «Наша газета, к сожалению, стала фронтовой», — с горечью шутит он. По его словам, еще одна причина войны на востоке — это Крым. «Сейчас Крым обречен контактировать с Россией посредством парома на Керченской переправе. А он не в состоянии обслужить даже туристов. Полуостров же необходимо кормить, поить, снабжать энергетикой, нужен материковый коридор, и во многом ситуация в Донбассе диктуется этой проблемой», — уверен журналист.

О Крыме — ни слова. Больше о «русской идее», но как единственно верной, в частности, для донецкого региона, рассуждает сторонник ДНР — **исполняющий обязанности декана исторического факультета Донецкого национального университета Кирилл Черкашин.** Он один из тех, кто всячески поддерживает идею отделения, и, кроме цели «стать частью большой России», называет еще три неразрешимых причины войны: вопросы государственного языка, государственного устройства и геополитического выбора. Он не отрицает помощи со стороны Российской Федерации, но при этом уверен, что эскалацию конфликта провоцирует Украина: «То, что происходило у нас, — это зеркальное отражение того, что было у вас. Но вам это простили, а к нам прислали войска». И это жесткое «вас» и «нас», похоже, не оставляет шансов на мир.

О войне и обществе

Кто бы и что бы ни лежало в основе этой войны, но она навсегда изменила украинское общество. Война становится мерилом лучшего и худшего. Она заставляет сделать выбор и отказаться от идеи усидеть на двух стульях. Украинцы сплотились, стали милосерднее, добрее, стали более чуткими и патриотичными, но одновременно они стали жестче, циничнее и недоверчивее. «Это дикое сплетение, — замечает **Зураб Аласания**. — Да, украинцы сплотились. Но немалая часть в этом наносного, т. е. ура-патриотизма. Немалая часть этого продиктована страхом. Страх лежит в основе большинства поступков, криков ура-патриотов, большинства флагов на улицах, демонстративных "ПТН-ПНХ" на машинах. В основе возмущения бездействием властей — тоже демонстрация скрытого собственного страха».

Украинский композитор, актер и шоумен Владимир Быстряков также видит эти противоречивые изменения в обществе: «Знаете, когда человек болен, его характерные особенности проявляются наиболее ярко. Ярко и сильно проявилось благородство, которое есть в крови у людей, вырос дух человеческой самоотверженности, личной доброты. И вместе с тем вылезла всевозможная мразь, которая зарабатывает на крови, к примеру, организовывая псевдоволонтерские кампании».

Алим Алиев, соучредитель общественной инициативы «Крым SOS!», крымский татарин, живущий во Львове, после аннексии Крыма сменил профессиональную деятельность на общественную работу. Как и Ахтем Сейтаблаев, смириться с потерей Крыма не может и не сможет. Верит в то, что война, как бы это парадоксально ни звучало, мотивирует быстрее формировать гражданское общество: «Весь этот год был самым тяжелым в истории независимой Украины. Многие из нас никогда не думали о войне, но сейчас она идет. Люди меняются: война подталкивает нас к тому, чтобы мы строили гражданское общество». По его мнению, важным для украинцев стало узнавание друг друга: «Раньше луганчане не знали иванофранковцев, крымчане — львовян. Хотелось бы, чтобы узнавание разрушало стереотипы, которые укреплялись годами, чтобы принесло плодотворные результаты, привело к пониманию, что мы, хоть и разные, но именно эта разность делает нас богаче, что “другие” не означает “чужие”».

Ахтем Сейтаблаев считает украинцев уникальной нацией, которой необходимо было пройти этот путь и осознать необходимость беречь друг друга. «Все это дает возможность понять, что надо слушать, прислушиваться, знать соседей, чтобы на базе незнания не вырастали страхи, фобии, представления о мифических бандеровцах, фашистах, исламских террористах, которые живут в Крыму, о “пятой колонне” — крымских татарах или о “быдле”, которое живет на Востоке», — уверен он.

Сейчас политик новой формации, народный депутат от партии Президента **Игорь Артюшенко** был одним из ключевых активистов запорожского Майдана. Его преследовали, арестовывали, возбуждали против него уголовные дела. Он отмечает, что в обществе укрепилось понимание ценности мира, украинцы осознали необходимость защищать свою родину. Но при этом не отрицает: чем дальше от фронта, тем этого меньше. Часть людей живет так, как будто ничего не происходит.

Лисичанск Луганской области сейчас — украинский. Сотрудник большой компании **Елена Вязникова** здесь родилась, до сих пор живет и работает. Она не верит украинским СМИ, не готова говорить о национальной идее, но наблюдает, как в людях проявляются природные особенности: «В нынешних условиях изменения неизбежны. Есть люди, открывшие в себе сострадание и сопереживание, осознавшие ценность каждой жизни, каждой капли крови… Их не так много, гораздо больше война породила страха, ненависти, нетерпимости и озлобленности». Об идеологической ненависти к инакомыслию говорят многие собеседники, а еще о том, что становится непреодолимым водораздел между украинцами и россиянами.

О войне, украинцах и всем русском

«Думаю, Путин совершенно не отдает себе отчета, как надолго он заложил эту бациллу недоверия между украинцами и россиянами. Я тоже уже ловлю себя на том, что, встречаясь с незнакомыми россиянами, закрываюсь и чувствую неприятие просто потому, что они приехали из России. Я понимаю, что это неправильно, и потом чаще всего эта реакция меняется. Но первая эмоция — неприятие этого человека. И, к сожалению, это на долгие годы», — такая реакция **режиссера Ахтема Сейтаблаева** — не исключение из правил.

Александр Стасов, шеф-редактор украинской интернет-платформы «Cultprostir», посвященной культуре, не берется прогнозировать, увеличится ли география конфликта и как она трансформируется. Но, очевидно, что ближайшие несколько десятилетий украинско-российские отношения будут далеки от дружеских: «В обеих странах чаще будут произносить: “Не забудем, не простим”. Россия и Украина заплатят за эту войну взаимной ненавистью и упущенным временем, в то время как мир будет стремительно развиваться, так как ему давно не до средневековых разборок: каким богам молиться и на каком языке разговаривать».

Михаил Глоба, обладатель 4-го дана по айкидо, до сих пор тренирует группы в Лисичанске Луганской области. Говорит, что еще недавно в Стаханове стояло 80 русских танков, после они отправились в Дебальцево. Войну переживает тяжело: «Взаимоотношения между украинцами и россиянами обостряются. Очень трудно любить народ, который пришел к тебе с оружием, убивает близких, родных и при этом перекладывает вину на других».

Зеркален и категоричен в своих высказываниях и представитель «той стороны», **доцент Донецкого национального университета Кирилл Черкашин**: «Уже погибло очень много людей — мирных в первую очередь. После этого не представляется возможным существовать в рамках одного государства. Потому что это будет предательство памяти тех людей».

«Война осложнила наши отношения. На человеческом уровне многие остаются друзьями, но лишь с теми, кто адекватно воспринимает роль России в этой ситуации. Эмоционально невозможно не соотносить происходящее в российском обществе и колоссальную поддержку этим обществом действий России. Конечно, это не может не сказываться на восприятии России в целом. Сужу по себе: перебирая книги в шкафу, уже задумываюсь, а не поставить ли куда подальше Толстого или Достоевского. Да, это эмоции, это глупо, но это есть», — замечает **руководитель «Телекритики» Наталья Лигачева**.

Глава «Первого национального» Зураб Аласания тоже отмечает, что из-за войны у него, выросшего на русском языке и культуре, формируется отвращение ко всему русскому: «Еще одно мое обвинение в адрес Путина: придя сюда защищать русский язык, он его во мне убил». Зураб говорит, что украинцы начинают обобщать и норма такого враждебного отношения к вражескому государству переносится на людей: «Как

скоро это исправится? Даже с таким мирным, неагрессивным народом, как украинцы, это будет продолжаться долго».

Не переносить негатив на россиян старается **Виктор Павлик, украинский певец**: «Я четко понимаю, что обобщение не есть правильно. Обобщение упрощает ситуацию для кукловодов: не я, а — мы. "Мы" — это удобно, снимает ответственность. Но ответственность на самом деле лежит на достаточно узком круге людей, и пусть все слезы матерей, которые не увидят своих сыновей живыми, будут на совести этих заказчиков. Я дружу с Лешей Глызиным, Колей Трубачем — это близкие мне люди, таковыми и останутся».

В любом случае, раковая опухоль Украины — это языковой вопрос, уверен **композитор Владимир Дьяченко**. Он резок в высказываниях, считает ответственными за происходящее власть и политиков, которых направляет «рука США»: «Происходящее — удобный повод обвинить во всем Россию и с Путина плавно перейти на все русское. Например, одна радиостанция себя позиционирует: "Жодної російської пісні". Чем вас не устраивают российские песни? Хотя, мне кажется, сейчас народ начинает понимать, что "под Путина" списывается много грешков нашей власти. Ведь идея, что во всем виноват Путин, — тоже зомбирование народа. Но, увы, люди заточены на массовую глухоту».

К сожалению, говорит **главный редактор еженедельника «Прав.Да» Валерий Зотов**, война разделяет не только граждан двух стран, она разделяет людей и внутри государства: тех, кто симпатизирует России, и тех, кто больше ориентирован на Запад. По его словам, зарождается еще одна тенденция: бойцы украинской армии уже оглядываются на богатый, беспечный, равнодушный Киев и ищут ответ на вопрос: «Для чего я здесь и за кого я?» — и с этим, говорит журналист, стоит считаться.

Федор Лапий, доцент кафедры детских инфекционных болезней и детской иммунологии Национальной медицинской академии последипломного образования, был на Майдане в ту ночь, когда правоохранители жестоко расправлялись со студентами. Его тоже сильно избили. Выбрался оттуда чудом. Позже, 18–19 февраля 2014 года, когда людей начали убивать, работал в подпольном госпитале. Туда привозили изувеченных людей с Майдана — с выбитыми глазами, вырванными конечностями, разорванными легкими. Везти в больницы было нельзя, раненых сразу забирали и возбуждали уголовные дела. Как он с этим живет? Отвечает коротко: «Так и живу». Войну считает прямой агрессией России, людей по языковому принципу на «своих» и «чужих» не разделяет: «Среди людей, что вышли на Майдан, защищали свои права, боролись за соблюдение законности, было много русскоговорящих. И делить всех по языковому принципу на "нравится — не нравится", "враг — друг" — абсолютно неправильно. Можно проводить много параллелей, но из-за того, что Гитлер говорил на немецком языке, мы не должны перестать читать Гете или слушать Баха». Тем не менее, замечает Федор Лапий, на отношение к представителям современного искусства — и не только российского или украинского — уже влияет их позиция по Украине.

О войне и морали

Как изменились аксиомы морали в обществе? «Война обесценила человеческие жизни. Мы не были готовы к этому. Это главная трагедия и моральный вызов: можем ли мы бороться за спасение жизни одного человека? Я думаю, что нет», — **основатель Школы журналистики Украинского католического университета Игорь Балинский** не считает остальное сущностным. Тем более, задается он вопросом, кто знает, на что мы готовы пойти ради победы? Разделяет эту идею и **Зураб Аласания**: «Стало можно убивать. Разве может быть что-то страшнее этого? Человек, проливший однажды кровь, срывает какой-то самый запредельный запрет». К чему это приведет, никто не знает.

У войны много негатива: отсутствие единой линии фронта, организованного тыла уже привело к широкому распространению оружия, и с этим придется много лет работать — не так просто вернуть общество в состояние, в котором оно находилось до войны, бьет **тревогу главред запорожского еженедельника Валерий Зотов**. Разделяет эти опасения и **шоумен Владимир Быстряков**: «Возникла вседозволенность. Если у человека есть оружие, он уже считает, что он бог, и все, что он себе навыдумывал, может выставить как догму. У нас все меньше терпимости друг к другу. Еще одна черта нашего народа — пещерный эгоизм, стремление навязывать другим свою формулу жизни. Это сильно попахивает тоталитаризмом и диктатурой "человека с ружьем"».

Большинство собеседников говорят о тотальной неготовности страны к последствиям войны: в Украине нет военных психологов, нет программ адаптации для людей, вернувшихся из зон боевых действий. Это огромная проблема, и пока ее даже не начинали решать. **Наталья Лигачева, руководитель «Телекритики»**, уверена — война будет иметь колоссальное влияние на людей, и сейчас каждый день войны все больше расшатывает украинское общество: «Представляете, как изменились сознание и нравственные установки тех, кто воюет, — тех же "киборгов" в Донецке? Меняются ценности. Сейчас я свои симпатии или антипатии во многом соизмеряю с тем, как люди ведут себя по отношению к войне: ноют они или нет, скрываются они от мобилизации или, наоборот, идут добровольцами, работают ли волонтерами и так далее. Однако предполагаю, что ценностные ориентиры общества в итоге станут чище».

По мнению **соучредителя «Крым SOS!» Алима Алиева**, люди уже стали более сознательными. «Эта боль, которую они сейчас проносят в себе, делает их более ответственными, как бы это парадоксально ни звучало», — считает он. «Ничего никуда не исчезает в человеке, — замечает **режиссер Ахтем Сейтаблаев**. — Не исчезли ни мелочность, ни меркантилизм, ни желание "нахапать". Вся жизнь свидетельствует о том, что человек ничему не учится. Но, если говорить о некой критической массе, — по моему ощущению, стало очень много человеколюбия и стремления помочь, сочувствия, сопереживания, желания созидать. И это одно из кардинальных изменений, которые произошли в народе и нации».

О войне и культуре

Во время войны любое развитие, в том числе и культурное, к сожалению, уходит на второй план, уверен **народный депутат Игорь Артюшенко**. Но именно культура — один из краеугольных камней, присутствие которых в фундаменте того, что мы называем государством, нацией, обществом, и дает возможность отличить зло от добра, уверен **Ахтем Сейтаблаев**. Он приводит исторический пример: Черчилль во время войны выделял значительные средства на поддержку и развитие культуры — иначе: «Зачем мы тогда воюем?» В Украине культурная сфера находится в кризисе и трансформируется на нескольких уровнях. «Если рождаются патриотические песни в период, когда все плохо, то я бы назвал это конъюнктурой. Любить страну, в которой живешь, нужно каждый день, не по расписанию, когда на календаре черные дни», — замечает **украинский певец Виктор Павлик**.

Культура не нужна, категорично настроен **шоумен Владимир Быстряков**: «…И люди культуры не нужны. Сегодня "актуальны" воины, пекари и гробокопатели. Более того, наши украинские актеры, снимавшиеся в российских сериалах и зарабатывавшие какие-никакие копейки, лишены уже и этого. И никому "наверху" до этого нет дела: они — специалисты по запретам». С другой стороны, говорит **врач Федор Лапий**, после войны всегда происходит определенный подъем в искусстве и литературе. Он вспоминает историю: когда основатель театра «Березіль» Лесь Курбас спросил у своего учителя: «Как мне развивать театральное движение дальше?» — то получил ответ: «Отправляйся в Украину, там земля пропитана кровью, а значит, там взойдет новое семя»...

О войне и СМИ

«Мое глубокое убеждение: этой войны можно было избежать», — уверен **Владимир Быстряков**. Он одинаково резок по отношению к медиа двух стран: «Россия запугивает фашистами, которых здесь, по сути, никто толком и не видел, а Украина страшит, к примеру, тем, что в зоне АТО есть регулярные российские части. Опять же, население Донбасса поголовно верит в то, что все здесь — бандеровцы. Сплошь — высокий градус дезориентации и дезинформации. А если бы люди правильно анализировали происходящее, если бы у них был доступ к объективной информации, многое пошло бы иначе».

Сначала была информационная война. Она велась против Украины десятилетиями в Крыму, она велась на Донбассе. Украинская власть ее игнорировала и в итоге получила отрезанные по живому части Украины. Это обобщенная идея большинства собеседников. О СМИ говорят эмоционально. Мнения — зеркально отраженные: российские СМИ — ложь и пропаганда, украинские СМИ — пропаганда и ложь. **Представитель ДНР, историк, преподаватель Донецкого национального университета Кирилл Черкашин** высказывается однозначно: «Раньше господствовала точка зрения, что российские СМИ были заняты пропагандой. И отчасти это было так. Но после 2014 года украинские СМИ, которые были более нейтральными, однозначно стали рупором пропаганды, а не инструментом освещения событий. При этом — в гораздо большей степени, чем российские».

О недостатке критического мышления у большого числа украинцев и россиян говорят многие. **Наталья Лигачева, руководитель «Телекритики»**, намерена системно решать эту проблему: «На примере происходящего в Украине мы увидели, что огромную роль сыграло не то, что СМИ врут, а то, что большая часть населения не способна отличить правду от неправды, пропаганду от журналистики». А пока, говорит она, оценивать работу российских СМИ очень сложно, потому что они, по сути, заняты пропагандой. Что касается украинских СМИ, — они замалчивают информацию, часто не отвечая на вопросы, которые волнуют жителей Украины, прежде всего, восточных регионов, Донбасса. «В России журналистика давно не свободна. В любой имперской державе так и должно быть. Они обречены быть необъективными, говорить о великодержавности, демонстрировать превосходство, шовинизм», — замечает **главред еженедельника «Прав.Да» Валерий Зотов**.

Певец Виктор Павлик тоже акцентирует внимание на необходимости думать: «Надо отчетливо отделять пропаганду от журналистики. У них разные цели. Журналистика дает повод к размышлению, пищу для ума. Пропаганда зомбирует и формирует "единственно правильное мнение". Пропаганда, конечно, — мощный ресурс. Но если сказать себе: "Стоп! Я же адекватный человек. Подумаю-ка я спокойно", — то получится, что ополченцы даже при условии того, что их притесняют, вряд ли закопали в огороде "Грады", из которых могут выразить свое неудовольствие. И логичен следующий вопрос: откуда "Грады"? Мне кажется, любая пропаганда разобьется о здравомыслие».

Пропаганда — еще один принятый украинским обществом вызов. «Слово "пропаганда" несет отрицательную коннотацию. Как по мне, — размышляет **глава «Первого национального» Зураб Аласания**, — журналистика и пропаганда несовместимы. Но теперь пропаганда считается хорошим тоном для журналистики. И общество требует от журналистики пропаганды — потому что "это за нас". Что с этим делать? Украина только начала искать ответы. И создание Министерства информационной политики — лишь первая попытка это сделать».

О войне и будущем

Последствия войны Украина будет ощущать десятилетия. Чем страна уже за нее заплатила? Человеческими жизнями. Изувеченными судьбами. Разрушенной инфраструктурой. С трудом переносимой болью, как после ампутации, от рубцов на теле порезанной на части страны. Растущей нетерпимостью, ненавистью, недоверием и водоразделом между Украиной и Донбассом, Украиной и Россией. Деградацией части общества и отбрасыванием страны на десятилетия назад. Истощением всех национальных ресурсов. Невозможностью объединить страну вокруг демократических инициатив.

Консолидация политической нации, укрепление гражданского общества, невозможность диктатуры, патриотизм — это то, что мы получаем уже сегодня.

С чем же связаны надежды на прекращение войны у украинской интеллигенции?

Конечно, с собой. Конечно, с победой. Конечно, со здравомыслием всех участников этой войны. Но самое главное — с самой надеждой на окончание войны. А потом… Потом каждый будет делать то, что делает сейчас: работать, снова работать, сшивать страну, лечить людей, писать песни, стихи и романы, поддерживать людей хорошим настроением, снимать фильмы, учить детей и делать все, чтобы война не повторилась снова.

Фото: Сергей Балай

«Мішка, Мішка, хто ж табе даў права мяне пакінуць? Я табе такога права не давала…» Маці палеглага героя Майдана Ніна Васільеўна Жызнеўская горка ўсхліпвае, выцірае хусцінкай слёзы.

Беларускі рыцар украінскага Майдана:

герой — ва Украіне, бандэравец — у Беларусі

Анатоль ГАТОЎЧЫЦ

Вянкі, жывыя кветкі, памінальныя свечкі. Вянкамі застаўлена ўся магіла. Адзін з іх — побач з крыжам, абвітым вялікім блакітна-жоўтым палотнішчам. Пад ім партрэт Мішкі — Міхаіла Міхайлавіча Жызнеўскага, 25-гадовага гамельчука, забітага 22 студзеня 2014 года стрэлам у сэрца на вуліцы Грушэўскага ў Кіеве падчас Рэвалюцыі годнасці і справядлівасці. Да свайго чарговага дня народзінаў Міша не дажыў чатыры дні.

Авальныя абрысы твару, крыху прыжмураны позірк, светлыя стрыжаныя валасы і лёгкая ўсмешка. Уражанне такое, што Жызнеўскі ведае тое, чаго не кожнаму дадзена спасцігнуць у жыцці. А і праўда: Міша загінуў за свабоду братняга ўкраінскага народа. Як гэта там пра гераізм і самаахвярнасць: герой — гэта той, хто ў вырашальны момант робіць тое, што неабходна ў інтарэсах чалавецтва.

У вырашальны для Украіны момант беларус Міхаіл Жызнеўскі, які жыў апошнія сем гадоў у Белай Царкве, быў на барыкадах Еўрамайдана ў Кіеве.

Год таму Мішу прывезлі на Гомельшчыну і пахавалі на радавых могілках у вёсцы Сцяг Працы, паблізу абласнога цэнтра. Да перайменавання вёска называлася Абрэзы — гэта радзіма маці Міхаіла. Дзяцінства Мішы, па сутнасці, тут і праходзіла.

У высокіх соснах, што растуць на вясковым пагосце, гуляе прылагоджаны адлігай студзеньскі вецер, гайдае вершаліны. Ад гора хістаецца і Ніна Жызнеўская, не знаходзячы адказу на мацярынскае пытанне: «Мішка, Мішка, хто ж табе даў права мяне пакінуць?»

Ніна Васільеўна расказвае журналістам і ўсім, хто прыехаў на гадавіну ўшанавання памяці Міхаіла Жызнеўскага з Кіева, Мінска, Гомеля, што год без Мішы сям'я пражыла, як у тумане, — яна сама, бацька Міхаіл Пятровіч, сястра Наташа. А прыязджаюць на магілу — і яшчэ больш засмучаюцца: невядомыя вандалы зрываюць блакітна-жоўтыя сцяжкі, разразаюць жалобныя стужкі на вянках і кошыках.

Распалавіненую стужку з надпісам «Герою Нябеснай Сотні ад харкаўчан» бацькі знайшлі кінутай за дзясяткі метраў ад магілы сына, падабралі і прымацавалі назад да жалобнага кошыка з Харкава. Гэтак было і са сцягам.

«Такая боль бярэ і крыўда, — кажа маці героя, — калі прыязджаеш сюды, на магілкі, і бачыш, што за брыдоту тут робяць. Разумееце, проста няма слоў. І хто гэта робіць? Гэта толькі нашы, мясцовыя, мабыць, навучаныя і падбухтораныя. Вось гэты вялікі ўкраінскі сцяг мы знайшлі бог ведае дзе. Я папрасіла Алёшу: прымацуй так, каб не сарвалі. Лёша яго так закруціў, што застаецца толькі парваць на кавалкі».

І гэтак — пастаянна: «Маленьніх сцяжкоў было дванаццаць штук — ацалелі толькі два. Міша нікому з беларусаў нічога кепскага не зрабіў, нікога не пакрыўдзіў, не стукнуў. Чаму так ставяцца да магілы? Правільна, Міша цяпер не можа за сябе заступіцца, сябе абараніць. Дык што — можна такое рабіць?»

Жызнеўская наважылася ўжо прасіць дапамогі ва ўкраінскага прэзідэнта Пятра Парашэнкі. Акурат падчас уручэння бацькам Мішавага Ордэна Героя Нябеснай Сотні ў Кіеве ўкраінскі лідар прапаноўваў ім звяртацца да яго пры любой патрэбе.

«Былі тут, на магілках, з украінскай амбасады, — гаворыць Жызнеўская. — Я ім пра ўсё гэта распавяла. Яны запэўнілі, што будуць звязвацца з Аляксандрам Лукашэнкам, з мясцовай

уладай. Сама я буду дамагацца выхаду на Пятра Парашэнку, каб Украіна дапамагла мне абараніць магілу сына. Па-іншаму не атрымліваецца. Бо ўсё тут разваляць, разбураць. Тым больш што нашы беларусы збіраюць сродкі на помнік Мішу. Што з ім станецца — я і думаць баюся».

Пра неадэкватную рэакцыю некаторых беларусаў на імя сына, пра стаўленне да магілы Ніна Васільеўна з мужам распавялі ўжо непасрэдна прэзідэнту Украіны, калі той прымаў іх у мінулым лістападзе ў сваёй рэзідэнцыі.

Парашэнка тады, па словах Ніны Жызнеўскай, сказаў ім: «Калі хочаце, я патэлефаную Лукашэнку і пагутару з ім на гэтую тэму, каб не чапалі магілу Мішы». Але бацькі, ведаючы, што ў кіраўніка ўкраінскай дзяржавы і без таго спраў хапае, толькі падзякавалі: можа, неяк справімся.

Аказалася, украінскі прэзідэнт асабіста ведаў Мішу Жызнеўскага, выказваўся пра яго як пра сумленнага і справядлівага хлопца. Нават назваў яго «міратворцам», бо Міша на барыкадах усё імкнуўся вырашыць мірным шляхам. Прэзідэнт запэўніў бацькоў загіблага беларуса, што будзе імкнуцца, каб Вярхоўная Рада ўнесла змены ў заканадаўства. У такім разе найвышэйшым званнем — Герой Украіны — можна будзе ўганараваць і не грамадзянаў Украіны, якія загінулі на Майдане: беларуса Міхаіла Жызнеўскага, грузінаў Зураба Хурція, Давіда Кіпіяні.

Бацька Жызнеўскага, Міхаіл Пятровіч, згадвае, што пасля сустрэчы ён адчуў яшчэ большы гонар за сына. І не толькі за яго.

«Я адчуў гонар за сына. Адчуў гонар і за Беларусь, дзе вырас такі герой. Ён ахвяраваў жыццё за свабоду Украіны. Для Мішы Украіна стала другой радзімай, і сын не саромеўся пра гэта казаць», — адзначае Міхаіл Пятровіч.

Бацька дадае, што з расповедаў камандзіра сотні, у якой Міша змагаўся на Майдане, з відэазапісаў у інтэрнэце бачна, што сын не быў агрэсіўны: «Ён заўсёды імкнуўся развесці любы канфлікт без абвастрэння. Я і сам не цярплю канфліктных сітуацый — стараюся вырашаць усё мірным шляхам. Пры гэтым наш Міша быў спартсменам, займаўся шмат гадоў каратэ — мог любому завадатару даць здачы, даць адпор. Калі ён у шэрагах самаабароны дзяжурыў на барыкадах — альбо нават не дзяжурыў, — і калі ўсчынаўся які канфлікт, заўсёды клікалі Мішу. Бо ён мог лепей за ўсіх вырашаць канфлікты».

Развіталіся з героямі Майдана дзясяткі тысяч кіяўлян. У руках — столькі ж дрыготкіх знічоў. І над людскім морам — шчымлівая да болю ўкраінская песня: «Гей, пливе кача по Тисині», — якую дужа любіў Міша Жызнеўскі.

«Мне тады падалося, — прыгадвае Жызнеўскі-бацька, — што ўвесь Кіеў выйшаў развітацца з Мішам, усімі іншымі змагарамі, палеглымі на барыкадах».

Ніна Жызнеўская

У лістападзе на вуліцы Грушэўскага ў Кіеве паставілі помнік беларускаму герою Майдана. Жызнеўскіх запрасілі прыехаць у сталіцу Украіны. Акурат на ўрачыстасці Ніна Васільеўна праз тэлебачанне звярнулася да ўкраінскага прэзідэнта. І ён пачуў маці героя, запрасіў праз памочнікаў у рэзідэнцыю.

У Гомелі ж улады ніяк не выявілі свайго стаўлення да гібелі Міхаіла Жызнеўскага — не выказалі сям'і ні спагады, ні спачування. Толькі маладыя беларусы з ліку грамадскіх актывістаў, зазначае Жызнеўскі-бацька, надзвычай паважліва паставіліся да памяці Міхаіла: «Прыязджаюць да яго на магілу з розных гарадоў, прывозяць кветкі. І нам, бацькам, дзякуюць за такога сына. Ён загінуў за свабоду не толькі Украіны, але і Беларусі».

Гомельская настаўніца і спявачка Вальжына Цярэшчанка тлумачыць, што не магла не прыйсці на гадавіну памяці Міхаіла.

«Ганаруся, што ён мой зямляк. Ён, вядома, мог бы жыць ды жыць. Міша здзейсніў подзвіг. Ён быў супраць бязладдзя, калі чалавек прыціснуты да сцяны і не ведае, як абараніцца, куды звярнуцца. Таму і паўстала Украіна, утварыўся Майдан. І Міша быў там — і загінуў. Хтосьці абараняе правы, а хтосьці — забівае іншых. Міша варты вечнай памяці, варты быць прыкладам для сучаснай моладзі. Вечная памяць майму земляку, слаўнаму хлопцу — Мішу Жызнеўскаму», — кажа Вальжына.

Жызнеўскія — Ніна Васільеўна, Міхаіл Пятровіч з дачкою Наташай — толькі што перасяліліся з найманай кватэры на вуліцы Севастопальскай ва ўласную двухпакаёўку, набытую на дапамогу

Ордэн «Герояў Нябеснай Сотні», якім пасмяротна ўганараваны Міхаіл Жызнеўскі

ўкраінскага ўрада і тамтэйшых дабрачынных фондаў. Гэта недалёка ад ранейшага шматпавярховіка, і таксама на першым паверсе.

І тут на табе — чарговае ўзрушэнне, абраза. Ніна Васільеўна з прычыны кепскага стану здароўя рэдка выходзіць з дому, часцей адчыняе акно, каб падыхаць свежым паветрам. Так было і 5 лютага.

«Я зайшла ў Наташын пакой і адчыніла акно падыхаць паветрам. Нейкі мужык, яшчэ не стары, гадоў так 38–40, стаіць пад вокнамі, паліць і нахабна мне ў твар кажа: "Ну што, бандэраўская с…ка, яшчэ мы вас тут не дарэзалі. Каго ты нарадзіла — бандыта?!" Так мне ў твар і кажа. І разумееце, проста ў акно плюе», — хвалюецца Ніна Васільеўна.

Жанчына кажа, што ніколі брыдка не лаялася, а тут — адказала, ды так, што нахабнік ажно сумеўся: «Я ніколі ў жыцці не мацюкалася, ніколі. А тут я выказалася, бо мне стала так крыўдна і балюча, што не стрымалася. Ты ж, думаю, не ведаеш ні сітуацыі, ні нас — і так абражаеш. Добра, мяне ты абразіў. А пры чым тут мой сын? Ты ж яго не ведаў, не бачыў, што ён з сябе ўяўляе».

Жызнеўская мяркуе, што незнаёмец мог быць са шматпавярховіка на Севастопальскай, дзе яны наймалі кватэру і дзе некаторыя жыльцы адразу пасля смерці Мішы абражалі яе падобным чынам, называючы загінулага сына то «бандытам», то «нацыстам».

У Гомелі, як вядома, Міхаіл пасля школы вучыўся ў ПТВ рачнікоў на газазваршчыка, наведваў рыцарскі клуб, рэканструяваў сярэднявечныя панцыры і нават дапамагаў у Навабеліцкай царкве айцу Уладзіміру падчас набажэнстваў, бо сам збіраўся стаць святаром. Але ў сямнаццацігадовым узросце хлопец раптоўна з'ехаў ва Украіну — ці то праз разлад у рыцарскім клубе, ці то з іншай прычыны. Родныя нават падавалі Мішу ў росшук.

Ён тым часам жыў і працаваў у Белай Царкве, у Кіеве. Збіраў грошы бацькам на кватэру — пра гэта ён казаў маці і бацьку, калі яны ў 2012 годзе сустракаліся ва ўкраінскай сталіцы.

На Майдане Жызнеўскі сфатаграфаваны ля намёта радыкальнай арганізацыі УНА-УНСО — ён быў яе чальцом. Сябры называюць Жызнеўскага сапраўдным барацьбітом, чалавекам з высокай меркаю адказнасці і справядлівасці. Ён называў сябе ў гонар міфічнага героя — Локі, пабраціма Одзіна, вярхоўнага бога ў германа-скандынаўскай міфалогіі.

І калі б Міша вярнуўся ў Гомель ціхім і рахманым, то суседзі, можа, і маўчалі б — такі ж гаротнік, як і ўсе. Што тут скажаш?! Але яго ўжо няма ў жывых, ён — герой «Нябеснай Сотні». Украінскі ўрад дапамагае бацькам, прэзідэнт іх да сябе запрашае. Не, не такі Мішка, як усе, — ад таго і шал бярэ недалёкіх, недасведчаных суграмадзянаў.

Неадэкватную рэакцыю гамельчукоў на гібель яе сына сама Ніна Жызнеўская звязвае яшчэ і з першай інфармацыяй, якую распаўсюджвалі і беларускія афіцыйныя СМІ пасля трагедыі на Майдане.

«У першыя дні, калі загінуў Міша, некаторыя нашы афіцыйныя СМІ пісалі, што нібыта "браткамі" на Майдане забіты бандыт Локі. Я так думаю, без каманды не аблівалі б брудам чалавека, якога не ведалі. І не было б здзеку на могілках», — мяркуе Жызнеўская.

«Міша стаяў на Майдане супраць урада Януковіча, — кажа Ніна Васільеўна. — Вось яны тут і натапырылі свае вушы. І палівалі Мішу брудам — ён жа стаяў на Майдане супраць афіцыйнага рэжыму Януковіча. Праз гэта ўлада так ставіцца і да Мішы, і да мяне. Яны баяцца страціць свае цёплыя месцы, свае партфелі».

Ніна Васільеўна дастае ліст, які нядаўна прыйшоў ад пенсіянера з Мінскай вобласці. Аўтар ліста не толькі дзякуе за выхаванне годнага і мужнага сына, але склаў яшчэ і верш «Жызнеўскаму слава!».

Міхаіл Жызнеўскі быў другой па ліку ахвярай са 106 змагароў, якія палеглі на барыкадах за свабоду і незалежнасць Украіны. Усе яны і ёсць «Нябесная Сотня», якой пакланяюцца ўкраінцы і ўвесь цывілізаваны свет. Такія ж «сотні», на жаль, множацца на паўднёвым усходзе Украіны, дзе працягваецца сепаратысцкая вайна. І ўкраінскія мацяркі гэтаксама, як і Ніна Жызнеўская, няўцешна пытаюцца на могілках: «Сынку, сынку, хто ж табе даў права мяне пакінуць?»

Фота аўтара

Тому, кто борется с чудовищами,
нужно следить за тем, чтобы самому
не превратиться в чудовище...

Фридрих Ницше

О, свобода!

Недавно в Минске в рамках одного из проектов БАЖ состоялся семинар. В небольшой, но, как водится, очень приятной компании юных коллег мы рассуждали о профессиональной этике, рассматривали примеры из практики Комиссии по журналистской этике. И разговор неизбежно привел к ситуации с французским журналом «Charlie Hebdo» — в части соответствия его карикатур общепринятым этическим принципам и стандартам.

Анатолий ГУЛЯЕВ,
доцент ЕГУ, председатель комиссии по этике БАЖ

Свобода писать и рисовать

Нет, конечно, у нас не было разногласий насчет того, что расстрел сотрудников этого издания террористами есть преступление и его невозможно оправдать ничем. Мы были едины в солидарности с коллегами и, будь такая возможность, безусловно, встали бы в ряды участников парижского марша протеста…

Но когда речь зашла о том, кто из присутствующих, будь он редактором СМИ, поставил бы на полосу рисунки вроде тех, что помещены в рождественском выпуске журнала... С карикатурой на Богородицу и младенца Христа… Или картинку, изображающую гомосексуальный акт с участием Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого…

Из девяти участников семинара семь категорично отвергли такую возможность. Собственно, уместно говорить о восьми, потому что и лектор (то есть автор этих строк) тоже был категорически против.

Хотя споров по поводу этих карикатур и самых разных мнений было много.

Собственно, и споры, и противоречивые мнения деятельность этого журнала сопровождали всегда. Как рассказывает российский коллега Виктор Пархоменко, «“Charlie Hebdo” появился на свет после того, как в 1970 году его предшественник — сатирический журнал “L’hebdo Hara-kiri” — был закрыт специальным приказом министра внутренних дел Франции за оскорбление памяти только что умершего генерала де Голля (“Харакири” отозвался на смерть экс-президента отвратительно циничной и бестактной обложкой — ее нетрудно найти в сети)» (http://www.freecity.lv/blogi-i-mnenija/412/).

«…“Charlie Hebdo” не выступал против ислама или против мусульман — на протяжении полувека (журнал-предшественник под названием “Hara-Kiri” выпускался той же группой авторов с 1960 года) это издание публиковало политическую карикатуру на всех и вся: от местного де Голля до святейшего Папы Римского», — утверждает директор Франко-российского аналитического центра «Observo» Арно Дюбьен (http://lenta.ru/articles/2015/01/12/observo/).

Да, действительно, журнал не специализировался на мусульманах, а публиковал карикатуры на ведущих политиков, святыни христианства и ислама, в том числе на пророка Мухаммеда, рисунки часто были весьма непристойного характера. Последней такой публикацией — в сентябре 2012 года — стал отклик на любительский фильм «Невинность мусульман» и вызванные им

беспорядки в арабских странах с американским присутствием.

Впрочем, целый ряд публицистов считает, что именно благодаря сомнительному уровню и малоприятному характеру юмора «Charlie Hebdo» и служит наилучшим показателем свободы слова, поскольку ее смысл — в том, что разрешены, среди прочего, и неумные, некрасивые, вызывающие у других недовольство высказывания.

Сергей Медведев (forbes.ru) считает, что французские экстремальные сатирики взяли на себя амплуа шутов. А шуту позволено гораздо больше, чем другим, над ним не властны законы общества. Карикатуры «Charlie Hebdo» часто и преднамеренно переступали границы вкуса и общественных приличий, но таковы якобы законы их жанра — жанра карнавала.

Каковы законы шутовского жанра, кто их установил и почему над ними не властны законы общества, Сергей Медведев не объясняет. Но смех, по его мнению, — это спасительный клапан-хлопушка, взрыв понарошку, позволяющий избежать куда более глубоких социальных потрясений.

Как видим, в данном случае эта «хлопушка» стоила очень дорого. Если, конечно, считать, что каждая человеческая жизнь бесценна…

Ситуация с «Charlie Hebdo» породила очень много разговоров с утверждением: свобода слова есть свобода писать и рисовать все что угодно! Не только в западноевропейских — на наиболее либеральных российских информационных ресурсах вроде «Эхо Москвы» этот тезис декларируется прямо-таки взахлеб. На других, менее либеральных, — не взахлеб, но все же…

В обсуждениях свободолюбивых белорусских ресурсов все поскромнее, но смысл все равно тот же: раз свобода — в СМИ можно и говорить, и писать, и рисовать все что угодно! И законы общества над нами не властны!

Законы общества

Не будем вести речи о юридических законах, законах государства, которые, как известно, действуют сверху вниз и принудительно. Поговорим о законах общества, то есть законах нравственных, этических, которые, как тоже известно, действуют снизу вверх и добровольно.

Вспомним, что не самый первый де-факто, но первый явственно сформулированный и принятый профессиональным сообществом этический Кодекс журналистов появился в Швеции в 1923 году.

А основная причина его появления — то, что принятый здесь же, в Швеции, в 1766 году первый в мире Закон о печати был уж очень либеральным и в обществе зрело недовольство неограниченной свободой тогдашних репортеров. В результате длительных дискуссий был принят профессиональный этический Кодекс журналистов — документ, не прописанный юридически, но признанный сообществом.

Во многих отношениях он был строже Закона о печати — как, впрочем, и большинство этических кодексов планеты, принятых позже. Основной мотив принятия подобных кодексов — борьба журналистов против вседозволенности в журналистской работе. То есть — самоограничение.

С этого начался процесс, основанный на внедрении в журналистскую практику этических стандартов и принципов и названный потом процессом саморегулирования СМИ. «Саморегулирование СМИ — это совместные усилия профессионального сообщества средств массовой информации по добровольному определению принципов, руководящих работой редакции, и их соблюдению в открытом процессе информирования общества», — писал известный эксперт Миклош Харасти (Бюро представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ. Вена, 2008. С. 9).

С момента появления первых этических кодексов прошел уже почти век, сейчас их (я имею в виду только национальные), по разным данным, уже более ста. Все эти кодексы формировались в разных условиях, в разное время. На них накладывали отпечаток условия, в которых работают журналисты.

В Кодексе БАЖ сразу несколько пунктов призывают к солидарности с коллегами, что в условиях давления власти на негосударственные СМИ вполне логично. В этических нормах журналистской деятельности в Таджикистане, принятых в 2009 году, педалируется принцип, что СМИ и журналисты при освещении любых тем должны сохранять национальную самобытность и уважение к культуре других народов. У коллег в Южной Африке этические принципы рекомендуют помнить о расовой равноценности. В этическом кодексе Швейцарии много говорится не только об обязанностях, но и о правах…

В то же время в основных стандартах профессиональной этики большинство кодексов схожи. Финский ученый Ларс Бруун проанализировал 59 национальных журналистских кодексов, обзор которых был опубликован в сборнике «Профессиональный кодекс журнализма» (http://uchebnikionline.com/gurnalistika/teoriya_zhurnalistiki_-_pristupenko_to/kodeks_profesiynoyi_etiki_zhurnalistiv_ukrayini.htm). Согласно Брууну, большинство кодексов осуждают клевету, оскорбление, дискриминацию по национальному, половому, религиозному, ментальному и иным признакам.

Международная федерация журналистов в пункте № 7 «Декларации принципов поведения журналистов» прямо говорит: «Журналист должен отдавать себе отчет в той опасности, которую таит в себе призыв к дискриминации, распространенный через СМИ, и должен сделать

все возможное для того, чтобы избежать даже невольного стимулирования дискриминации на основе расы, пола, сексуальной ориентации, языка, религии, политических или иных взглядов, национального и социального происхождения».

Рекомендации по этике итальянских журналистов декларируют: основная обязанность журналиста — уважать человека, его достоинство, право на неприкосновенность частной жизни и никогда не дискриминировать на основе расы, религии, пола, физических и ментальных особенностей…

И, наконец, Хартия профессиональной этики журналистов Франции требует «…принимать на себя ответственность за все производимые профессиональные медиапродукты, в том числе анонимные; уважать достоинство лиц, а также презумпцию невиновности…» (http://www.snj.fr/IMG/pdf/Charte2011-SNJ.pdf).

То есть мы можем уверенно говорить, что законы общества во всяком случае не поощряют оскорбительных действий по отношению к любому лицу или группе лиц, их верованиям, менталитету, ценностям.

Может быть, в этом и заключается смысл свободы слова?

И еще о свободе писать и рисовать…

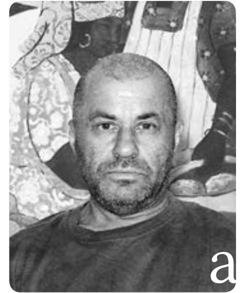
Неоднозначная выставка, посвященная Холокосту, открылась недавно в эстонском Тарту. Работы художников пытаются трактовать события того времени в юмористическом ключе.

Отметим: в годы Второй мировой войны практически все евреи, не успевшие покинуть Эстонию, были уничтожены. Помимо тысячи эстонских евреев, на территории страны были убиты около 10 тысяч евреев из других стран, сообщает NEWSru Israel.

Экспозиция выставки вызвала бурю возмущения. С требованием закрыть ее выступили не только еврейские общины, но и должностные лица многих стран. «Тошнотворным глумлением» над памятью миллионов жертв Холокоста назван в заявлении центра Симона Виенталя один из самых шокирующих элементов экспозиции — видеоролик, на котором голые люди играют в салки в бетонном бункере, изображая, по задумке автора, узников концлагеря Освенцим перед гибелью в газовой камере. «Такому извращенному юмору не место ни в одной стране мира, тем более той, где преступления Холокоста совершали не только немцы или австрийцы, но и местные, эстонские пособники нацистов», — сказал Эфраим Зурофф, руководитель израильского отделения Центра (http://izrus.co.il/diasporaIL/article/2015-02-10/26858.html).

Так, может быть, не все и не по всякому поводу можно писать и рисовать?

Пра паліткарэктнасць і свабоду выказванняў

Владимир ГУТКОВСКИЙ,
Нью-Йорк

Отпраздновали католическое Рождество, окончились новогодние праздники... Студенты, как водится, одарили алкоголем, а поскольку учитель откуда-то из «Раши», то бутылки большие, и теперь у меня запас до весны… А самый продвинутый ученик, твердо зная, что у восточноевропейских «всё не так» и что-то слышав про 7 января, со словами «Happy new year!» радостно поздравил меня с Новым годом на православное Рождество. Его мама — мой преданный читатель. Подарок, скорее всего, выбирала она. Я помню радостную улыбку на лице студента, и если у меня была такая же, то непременно должна была слететь с лица, как только развернул подарок. В коробке вместо традиционной бутылки была упаковка с надписью: «Writer's quotation box» («Коробка с цитатой писателя»). Коробка оказалась шкатулкой для письменных принадлежностей. На боку надпись: «The writer must write what he has to say, not speak it. — Ernest Hemingway» («Писатель должен писать то, что он имеет сказать, а не говорить об этом. — Эрнест Хемингуэй»). Ну представьте даму, с которой мы иногда ведем дискуссии. А теперь прикиньте соответствующую цитате русскоязычную идиому. Конечно, можно было и обидеться. Но… улыбка любимого ученика и сам факт, что поднесли не водку….

В общем, переосмыслил я надпись, и послужила она катализатором творческого процесса.

«The writer must write what he has to say».
Ok, пишу.

О политкорректности и свободе выражения

Неси это гордое Бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.
Но чем ты к успеху ближе,
Тем лучше распознаешь
Языческую Нерадивость,
Предательскую Ложь.

Джозеф Редьярд Киплинг
«Бремя белого человека»

На днях P.E.N. (ПЕН-центр. — *Ред.*) призвал к дискуссии о свободе выражения. Мое мнение на эту тему однозначно и неизменно: это здесь, в Америке, свобода выражения дарована первой поправкой к Конституции США, но в остальном мире за нее надо бороться. А свобода стоит борьбы. На сайте журнала «Big Open World Magazine» есть страница: «Свобода выражения». Поэтому тему я переадресовал своим читателям. Народ активно включился в дебаты: мнения разнообразны, порой разнополярны, но когда дело касается конкретного автора, то ни один не хочет чтобы ему «закрывали рот».

Ну, продолжаем работать, верстаем очередной номер журнала. Не успели к концу года — так будет не последний выпуск уходящего, а первый наступившего 2015-го. Жизнь учит не суетиться, главное — результат.

Монотонность прервал призыв P.E.N. подписать петицию протеста против терактов в Париже. Документ заканчивается фразой: «Мы призываем ответственные органы и учреждения удвоить свои усилия по защите тех, кто работает на передовой линии свободного выражения во всем мире, лично рискуя, чтобы высказать спорные точки зрения. Мы призываем к широкому движению в защиту права на инакомыслие, которое образует хребет свободы выражения».

Все политкорректно, интеллигентно и… обтекаемо.

Первым в списке подписавшихся — Вуди Аллен. Не часто актер становится членом писательской организации. Но этот интеллектуал заслуживает того, чтобы к его голосу прислушались... В Бруклине мы жили в районе, о котором спел Оскар Бентон в знаменитом шлягере «Bensonhurst Blues». Если пофантазировать, может, вот в этом ликеро-водочном на Бэй Парквей «отоваривался» Джордж Гершвин. Здесь родился легендарный Аль Капоне и, возможно, пацаном бегал вот по этим же улицам. Ставший «нашим» район — родина Барбары Стрейзанд и Вуди Аллена. И как не поддержать инициативу великого «почти земляка»!

Хотя, если уж о свободе выражения, мне понятнее была бы идея депортации не желающих ассимилироваться радетелей шариата куда-нибудь туда, поближе к их святыням. Кто-то хочет построить всемирный халифат? Но «светлое будущее» нам уже строили, «мировую революцию» — тоже. «Третий рейх» свой «порядок» насаждал. Теперь вот представители цивилизации XV столетия свои понятия навязывают — и не у себя в пустыне, а в Европе! Жил я на Востоке… Не скажу, что все там было плохо. Было и хорошее, даже очень, и люди вокруг меня были хорошие. Скажу только, что, если бы тот Восток жил тогда по шариату, именно за хорошее меня и окружающих меня хороших людей забили бы камнями… Поэтому в халифат не хочу. Меня вполне устраивает высокоразвитая цивилизация в самой передовой стране мира. С самого прибытия в которую я взял за правило: не мне критиковать страну приютившую. И если что писал, то, значит, сильно уж за живое зацепило. Так было, когда зарвавшиеся исламисты намеревались построить свой центр с мечетью на месте именем же ислама поверженных «близнецов».

Общественный совет Манхэттена поддержал идею — как символ непричастности ислама к терактам. Одобрил строительство и президент США. В прессе появлялись сообщения, что смета составляет сто миллионов, что инициаторы строительства исламского центра собрали столько-то денег... Телевидение показывало интервью с имамом Фейсал Абдур-Рауфом, лидером исламской общины Нью-Йорка.

Но строительство мечети на костях и прахе тысяч погибших вызвало гнев жителей Нью-Йорка, да и всей страны. Мой журнал тогда опубликовал репортаж с митинга протеста. Впечатляющие снимки: совершенно разные люди, представители разных убеждений и культур заняли одинаково протестную позицию. Был ли погожий день или лил дождь, люди стояли с плакатами, собирали подписи, выступали с трибуны.

Байкеры — эти вольные и хорошо организованные представители своеобразного культурного пласта — кружили вокруг митинга, поддерживая протестующих. Люди разных национальностей, всех земных рас сообща выступили против угрозы исламизации, сочтя мечеть на месте башен-«близнецов» символом наступательного глумления. Тогда, в 2011-м, мы не знали, чем этот протест закончится.

Прошло четыре года. И вот сообщение: в субботу 18 октября 2014-го в Нью-Йорке состоялось освящение закладки православного греческого храма, восстанавливаемого после теракта 11 сентября 2001 года. Церковь в честь святителя Николая Чудотворца была разрушена в результате обрушения небоскребов, которые подверглись атаке самолетов, захваченных террористами.

Справедливо. А как же пресловутая политкорректность? Общество выздоравливает и, если называть вещи своими именами пока не решается, то действия уже становятся адекватными.

В письме P.E.N., поднявшем вопрос свободы выражения, значительное внимание уделяется проблеме самоцензуры. Политкорректность сродни самоцензуре. И то, и другое, на мой взгляд, не имеет ничего общего со свободой выражения. Негра негром не назови. Ну а кто он, если не негр? По канонам политкорректности он — афроамериканец. Китайца никто азиямериканцем, как и выходца из Европы — евроамериканцем, не назовет. Сами негры над этой ситуацией и посмеиваются. В строительной компании рабочий просит новый мастерок.

— Дайте мне вон тот, с черной ручкой.

Стоящие рядом чернокожие коллеги деланно возмущаются:

— Как ты сказал?! Ты сказал «черной»?!

— Ок, дайте мне с ручкой афроамериканского цвета.

Вокруг дружный смех.

9 августа 2014 года в городке Фергюсон 18-летний чернокожий Майкл Браун погиб после того, как в него несколько раз выстрелил полицейский Даррен Уилсон. По свидетельствам очевидцев, дело обстояло так: двое мужчин, одним из которых был Майкл Браун, отказались выполнить приказ полицейского остановиться, а когда Уилсон собрался выйти из машины, Браун ударил его по лицу и попытался отобрать пистолет.

После гибели подростка в городе Фергюсон начались беспорядки. Был введен комендантский час. Обьявлен режим чрезвычайного положения. После того как протестующие открыли огонь по полицейскому вертолету, ввели запрет на полеты на высоте ниже 900 метров. За время протестов были задержаны несколько десятков человек.

Уилсон был взят под стражу, люди вышли на улицы с требованием как можно более сурового наказания для полицейского. И о чудо! В штате Миссури суд присяжных, среди которых были три афроамериканца, оправдал полицейского Даррена Уилсона. В эпоху воинствующей политкорректности такое иначе как прозрением не объяснишь.

Ох уж эта пресловутая политкорректность — наследие уколотых хиппи и не вкусивших коммунистического «рая» либералов! Мои приятели из местных, голосующие не за демократов, а против республиканцев, свою студенческую молодость провели «хиппуя» и под кайфом. Потом остепенились, окончили престижные университеты (на родительские деньги, естественно), открыли успешные фирмы, получили родительское наследство, а в душе остались не знавшими бед и потому благодушными либералами. Такие поддержат и повышение налогов на состояние и наследство, не понимая, что рубят сук, на котором сидят.

Те же, кто прибыл из социалистического лагеря, иначе как бывшими узниками этого лагеря себя не считают. И с удивлением смотрят на протестующих против войны в Ливии или Ираке пацифистов или выкрикивающих нелепости участников акции «Захвати Уолл-стрит»: «Развитого социализма они не хлебнули!»

Когда «Захвати Уолл-стрит» начали стекаться к зданию Нью-Йоркской фондовой биржи, толерантностью местных стражей порядка стоило восторгаться. Толпу бузящих молокососов тщательно оберегали от возможных инцидентов и, в конце концов, загнали в близлежащий скверик, где «протестующие» разбили лагерь. Погода не летняя. «Захватчики», завернутые в одеяла, тусуются внутри «загона», толкая спичи и согреваясь кофе. По наружному периметру декоративного чугунного заборчика заботливые копы охраняют их покой.

На третий день «протестов» разбиравшее любопытство взяло верх, и я потащился в Манхэттен. Картина впечатляющая: трохи озябшие и уж точно «отмороженные» юнцы, увидев интересующегося, бросаются к оградке и… просят пожертвования. Дело в том, что деньги нужны, а Уолл-стрит они пока еще не захватили. Для вящей убедительности в правоте своего дела суют буклетик (у них и пресса своя — 20-страничное полноцветное издание). Содержание до боли знакомо. Коротко его можно охарактеризовать так: «Забрать и поделить». Буклетик в скверике не изготовишь. Чья-то направляющая рука, не завернутая в одеяло и не мерзнущая в скверике, курирует «революционеров». Потому как почти все они не то чтобы организоваться, а и сообразить, что происходит, вряд ли в состоянии. Но… именно факт руководства политкорректно всеми замалчивался. Народный, мол, протест. Или «часте-народный».

Конечно, все утихло. Конечно, сгинет и революционная романтика этой конкретной озябшей толпы. Закончится студенческая молодость, обретут своих хозяев дипломы «гарвардов» и «принстонов». И самые везучие из тех, кто так ненавидел фондовую биржу, будут работать там, на незахваченной Уолл-стрит.

Ад рэдакцыі: Крыху больш як дзесяць гадоў таму ў Светлагорску, што на Гомельшчыне, выходзіла незалежная газета «Регион-вести». Яе заснавальнікам і галоўным рэдактарам быў Мікалай Паседзька. Бажаўцы «са стажам» выдатна памятаюць гэтага добрага і шчырага чалавека, сумленнага і таленавітага журналіста. У 2003 годзе штотыднёвік «Регион-вести» спыніў выхад, як і некалькі дзясяткаў іншых недзяржаўных выданняў, — хто раней, хто на два-тры гады пазней. У тыя часы ціск на незалежную прэсу з боку ўладаў быў надта моцным: дзяржаўныя друкарні датэрмінова разрывалі з газетамі кантракты, рэкламадаўцы перасталі размяшчаць на іх старонках рэкламу (паводле рэкамендацый «зверху»), пастаянна ўзнікалі праблемы з арэндай памяшканняў, з'яўляліся судовыя зыскі «пакрыўджаных» чыноўнікаў…

Мікалай Паседзька доўга шукаў працу ў Светлагорску, аднак часта чуў: «Мы не супраць вас прыняць, аднак, даруйце, не можам…» І тады ў 2004-м паехаў журналіст у пошуках лепшай долі і, каб элементарна зарабіць на кавалак хлеба, у Швецыю. Там друкаваўся ў буйных газетах, дзе яго артыкулы перакладалі на шведскую мову. А праз год наш сябра і паплечнік атрымаў прэстыжную прэмію міжнароднай арганізацыі «Рэпарцёры без межаў», якую яму ўручаў старшыня Саюза журналістаў Швецыі.

Неўзабаве да Мікалая прыехала і яго жонка Тамара, якая цяпер выкладае рускую мову ў шведскай школе.

Я вельмі рады, што мы з Міколам «знайшліся», што ён жывы і здаровы. Хаця, як ён расказаў, шведскія ўрачы нядаўна выцягнулі яго літаральна «з таго свету». І параілі больш бываць на свежым паветры, на прыродзе. Вось Мікола і бывае… на рыбалцы, пра што я і папрасіў яго напісаць для «Абажура».

Уладзімір Дзюба

Особенности национальной шведской рыбалки

Николай ПОСЕДЬКО, Швеция, озеро Глан

— Вон там, между кустов, яма. И смотри вправо, где камень большой. Там тоже. А туда не бросай — корчи, верный зацеп будет, потеряешь снасть. Дай мне карту, — командует Улоф.

Я протягиваю ему карту озера, и он тщательно ставит крестики — синие, красные. Взгляд на воду, взгляд на карту: синие — ямы, красные — верный зацеп.

Часть озера промаркирована. Для рыбака эта карта бесценная. Это как разметка глубинных фарватеров в шхерах для подводной лодки. Теперь я чувствую себя командиром субмарины, готовым сразиться с сильным противником.

— Не спеши, — одергивает мою прыть друг. — Сначала подумаем, как обмануть рыбу.

Это значит, что нам предстоят неспешные, часа на полтора-два, приготовления собственно к рыбалке. Надо учесть каждую мелочь, отрепетировать забросы, определить направление ветра, найти среди торчащих из воды кустов и камыша «оконце» для вываживания рыбы. Все это надо сделать сейчас, потом будет поздно.

И вот все снасти на берегу, все, что нам может и должно пригодиться.

— Стол ставим здесь, стулья — вот здесь, костер разводим там, пакет для мусора положи туда, — голос старшего по рыбалке (так я называю Улофа) не терпит никаких возражений.

Я знаю, что после нас все должно быть не просто чисто. Мы должны сделать так, чтобы никто и не подумал, что здесь вообще были люди. Привычка оставлять после отдыха на природе идеальную чистоту у шведов давно трансформировалась в потребность.

— Билет при себе? — напоминает Улоф. Важное замечание. Без билета рыболова — на водоем ни ногой. Святая заповедь. Конечно, выехав семьей на природу, можно и без всякого билета посидеть с удочкой на берегу, никто тебя за это не упрекнет. Но если ты серьезно...

Про снасти и страсти

Каждый год в начале января я получаю по почте конверт. В нем новый билет рыболова и счет на оплату. Мне вежливо и радостно сообщают, что я должен уплатить 130 шведских крон (13 евро) за право ловить рыбу в 15 озерах района, где я проживаю. При этом прилагается подробная карта «моих» озер и кратчайших маршрутов, как туда добраться. Билет действителен на год (!), а озера находятся в «велосипедной» доступности. Удобно и выгодно: никакой

Принадлежностей для рыбалки — не счесть

В прошлую рыбалку с блесны Улофа на озере Мессельн сошла огромная щука, прямо на наших глазах, у берега.

Он не отвечает и начинает «оживлять» снасти. Это значит, что ты и снасть должны жить одной жизнью, быть одним единым. Свои мысли и желания ты должен передать ей, снасти. Процесс кропотливый, но мой друг терпелив.

Из года в год областная газета «Norrköpings Tidningar» публикует список самых крупных в своей номинации рыб, выловленных в водоемах области Ёстергётланд. Перечень состоит из (внимание!) 53 видов рыб. И это еще не вся рыба, которая ловится здесь. Там же фамилии счастливых рыбаков и названия водоемов, где были выловлены рекордсмены.

Чтобы попасть в этот список и получить заветные кубки, медали и небольшое денежное вознаграждение, достаточно в ближайшем рыболовном магазине взвесить и зарегистрировать свой рекордный улов, сфотографировать трофей и отослать все материалы в газету.

Но... Большинство рыбаков этого не делает, поэтому список не всегда отвечает реалиям. А если точнее — совсем не отвечает. Например, зарегистрированная в этом списке щука в 12 кг оказалась на два кило легче той, которую на моих глазах выловил в августе мой приятель. Просто он поленился ее регистрировать.

Но все же быстро пройдем по списку рекордсменов за прошлый год: окунь — 1,5 кг, лещ — 5 кг, судак — 6 кг, карп — 8 кг, лосось — 10 кг, плотва — 700 г, линь — 2,2 кг, угорь — 1,5 кг.

Вам судить, большие это трофеи или нет. Но простор для рыбацкого творчества, согласитесь, есть.

тебе предоплаты за каждую отдельно взятую рыбалку.

Существуют разные виды билетов: суточные, дневные, билеты на троллинг, семейные, групповые. Все они имеют разную цену, но назначение у всех одно — доставить людям удовольствие.

Мой билет за № 759, мой Fiskkort, которым я дорожу и горжусь и который при случае предъявляю как пропуск в новый удивительный мир, где радость победы от горести неудачи отделяют порой секунды. Где встреча с друзьями вдохновляет, и ты получаешь столько эмоций! Все это называется рыбалкой.

— Нет, Улоф, билет рыбака я не забыл.

Солнце уже высоко, но нам спешить некуда, все главное впереди, и сейчас мы все подготавливаем для того, чтобы перехитрить рыбу.

У Улофа к рыбе отношение особое, я бы сказал — уважительное. Глупой он ее никогда не считает, наоборот, удивляется ее уму и смекалке. Я с ним отчасти соглашаюсь, поскольку не раз испытал на себе необъяснимые рыбьи хитрости.

— Ты леску поменял?

— Нет, — отвечаю я и отвожу глаза.

Я виноват, не послушал совета своего друга. Ему это не нравится, и он ворчит себе в бороду. Улоф считает, что настоящий рыбак должен ходить «на дело» с леской, а не ниткой. А леска становится по прочности ниткой после десятка хороших рыбалок. Для него это важно, для меня — нет. Я соглашаюсь, что рыбак я, видимо, не такой уж и матерый. Приятель примирительно хлопает меня по плечу.

Рыбалка в Швеции — удовольствие дорогое, и менять за сезон два-три, а то и четыре раза полный комплект лесы может позволить себе далеко не каждый Улоф. Что есть, то есть.

— Какую сегодня рыбу собираешься упустить? — подначиваю я его. — Как в прошлый раз?

О друге Улофе Нюстроме

Сегодня тепло, последние дни апреля. Рыбалку мы выбрали специально под судака, который нерестует, и мы надеемся на удачу. Впрочем, не побрезгуем и другой рыбой.

Пальцы Улофа ловко настраивают катушки, проверяются донки, поводки, грузила. Долго думает над поплавками…

«Пальцы Улофа» сказано, конечно, сильно. На правой руке у него всего два, на левой — три. Итого ровно половина из того, что дал Бог. Остальную половину забрала лесопилка, «отблагодарив» за

двадцать лет «сотрудничества» с ней. Как он мне рассказывал, пальцы «уходили» по одному, и, когда однажды, сидя вечером на берегу, Улоф подсчитал то, что осталось, — понял, что пора уходить.

Мы проезжали мимо развалин той лесопилки, и, скосив глаза, Улоф от души выругался по-шведски. Так, как умеет делать только он. Жить ему пришлось с тем, что не успел «отдать» лесопилке. От друзей же он получил уважительное прозвище «Клешня», на которое ничуть не обижается.

Собираясь на рыбалку, я знал, о чем в первую очередь спрошу Улофа. История эта широко известна в узких кругах специалистов по донкам, крючкам и поплавкам. За годы она обросла такими домыслами, что отличить, где правда, а где нет, уже невозможно. Каждый рассказчик излагал ее по-своему — и часто от первого лица. Мне же хотелось все услышать от САМОГО.

— Губбе, — начинаю я. «Губбе» в переводе со шведского «старик». Часто это может быть, как и у нас, обращением к молодому, на которое никто не обижается. Мой приятель — тем более, ведь ему уже 83 года. — Губбе, расскажи про сома.

Улоф стоит на берегу, как скала. Седая борода повернута к ветру, куртка распахнута, ноги словно вбиты в камни. Чертовски крепкий старик!

— Пошли, — бросает он.

Мы идем к домику, приросшему к скалам. На скалах растут (а скорее всего — выживают) хилые кривоногие березки. Всюду жизнь!

Мы идем к домику, где Улоф родился и вырос, где родились и выросли его братья и сестры, откуда родители ушли в последний путь.

Издали домик кажется игрушечным — да он такой и есть. В открытые двери видна маленькая кухня, в ней — о, чудо! — русская печь. Русская печь, как в наших белорусских деревнях! Я говорю об этом Улофу, он улыбается и рассказывает, как тепло было на этой печи зимой.

Слева комната чуть побольше. Семье она заменяла и спальню, и гостиную.

— Здесь мы делали уроки, — погрузился в воспоминания старик.

Над печью висит почерневший от времени небольшой корабельный колокол — рында. Читаю выбитые буквы: CLAS FLEMING. На этом корабле служил его дядя, который и привез колокол в подарок своему отцу, деду Улофа.

За домом мой взгляд упирается в «динозавра». Огромные железные колеса «Фордзона» вросли в землю. Читаю на табличке: 1928 год. Вот это да!

Друг доволен, видя мое удивление.

Мы садимся на невесть откуда взявшееся здесь бревно. Улоф кряхтит, я молчу. Он начинает сам.

— Года два назад я здесь рыбачил с друзьями. Ну и потехи ради решили завести трактор, который ты видел. И ведь завели!

Все, что мне было показано, достойно любого музея. Один ледобур фирмы «Harno» образца 1911 года чего стоит! Об этом я говорю старику. Он соглашается и продолжает свой рассказ.

Трофеям — почетное место

История про сома на озере Глан

— Началось с того, что мой отец рыбачил на лодке ближе к тому берегу, — рассказывает Улоф. — Сидел в зарослях. Опускались сумерки, и он собирался закончить рыбалку. И в этот миг буквально у борта лодки увидел ЕГО. Отец говорил, что это был именно миг: огромная пасть схватила плававшую рядом утку и скрылась в глубине. Отец в ужасе поплыл к берегу.

Назавтра он рассказал об этом на работе. Он был лесорубом, и приятели-лесорубы ему поверили: мало ли что в рыбацкой жизни случается. Прошло несколько дней, а отец все не мог забыть той встречи.

Дед мой был тоже заядлый рыбак, жил недалеко от нас, на берегу залива. Я показывал тебе, ты знаешь, где. На рассказ моего отца дед ответил, что тут раньше ловили огромных сомов, но это было в прошлом. А сейчас... Хотя нужно попробовать.

Мне было 14 лет, и я с интересом слушал эти разговоры. И как же мне хотелось поймать этого великана!

Да-а-а. Проблема ведь не в том была, как его поймать, главное — как вытащить на берег. Никакая леса не выдержит.

Мужики приезжали, пили самогон, думали, спорили. Никто ничего толкового не мог предложить. Вот этот «Фордзон» — отец купил его на ярмарке в кредит, вот этот американский трактор здорово помогал ему в работе. Дед и обратил на него внимание.

В который раз осмотрели место на озере, где отец видел огромную рыбу, и дед нашел там яму. Да, в ней может быть сом, решили все, попробуем…

На лебедку «американца» закрепили трос с мизинец толщиной, дед привез специально

выкованный крюк — во-о-т такой! На крюк нацепили курицу из нашего хозяйства. На трос повесили колокол, чтобы, значит, дал знать, если что. Такой сигнализатор поклевки. Всю эту снасть на лодке оттарабанили к яме, забросили и стали ждать.

Прошли сутки — ничего, вторые — тоже. Уже друзья отца стали посмеиваться, уже выпили весь самогон и стали заезжать к нам реже. На четвертый день — я это помню, как сейчас, — на четвертый день рано утром меня разбудил страшный рев моего папаши. Выглянув в окно, я увидел, как он в трусах бегает вокруг трактора. Я выскочил на улицу — и что увидел?! Трактор дергался, как живой, трос то натягивался, то ослабевал. В такт ему звонила рында. Да, подумал я, это явно не щука.

Отец немного успокоился, завел трактор и стал наматывать трос на лебедку. По времени даже не знаю, сколько это продолжалось. На берегу стояла вся наша семья. Наконец метрах в трех от берега я увидел ЕГО. Точнее, голову огромного сома. О Боже, что это была за голова!

Отец закричал, чтобы я багром цеплял его, а я не могу, тело дрожит, руки не слушаются. Тогда отец сам все сделал и уже на берегу оглушил его дубиной.

Да-а-а... Почти 110 килограмм был. Такая вот история.

Поводки «от Лейфа»

Сегодня мы решили устроить соревнование — так интереснее. Настоящий рыбак никогда не чувствует зависти к сопернику и всегда готов помочь ему в вываживании рыбы. В Швеции это аксиома. Тебе искренне сочувствуют при неудаче, не забывая при этом пошутить, но ты все понимаешь, и нет смысла обижаться. Рыбалка учит тебя так же искренне радоваться удачам друга или огорчаться вместе с ним. Как бы то ни было, но положительных эмоций все равно больше.

Поэтому сегодня у нас соревнования. Кто кого? Все по-честному: у каждого по три донки с червячками и по три с живцом. Но помним, что охотиться будем на судака.

Солнце ушло на противоположный берег озера и уже начало касаться верхушек деревьев, когда мы закинули свои снасти.

— У Лейфа взял какие-то новые поводки, — хвастается Улоф. — Должны принести удачу.

Он любит в рыбалке всякие находки, следит за новыми рыбацкими «штучками», совершенно современный старик.

Я молчу. Потому что мои поводки тоже «от Лейфа».

В каждом населенном пункте Швеции существует магазин для рыбалки. Не какой-нибудь захудалый отдел при супермаркете, а именно магазин — с заслуженной претензией на солидность, — где есть ВСЁ.

Но это не просто торговая точка. Это еще и некий рыбацкий клуб, где ты встречаешься с друзьями и можешь рассказать или послушать сам очередную удивительную историю, вроде истории Улофа про сома. И рыбаки-коллеги охотно верят. «Не верю!» — здесь не услышишь.

Лейф, хозяин магазина, заботливо заварит кофе и угостит им всякого, зашедшего «на огонек». Совсем не обязательно что-то покупать, достаточно просто сказать: «Хей!» («Привет!») — и ты уже свой.

Свой магазинчик Лейф Андерссон открыл 15 лет назад. Сначала это была торговля велосипедами. Но ведь Лейф и в душе, и по жизни рыбак! Так появились товары для рыбалки. Магазин крошечный, и я не знаю, какую прибыль получает его хозяин. Но самое главное он уже получил — уважение всех рыбаков. Такая наша палочка-выручалочка.

Кстати, свою крупную рыбу — щуку весом 13 кг — он тоже поймал.

«Хемта ховет!»

Донки заброшены, мы сидим, немного расслабившись, и пьем кофе. На рыбалке железный закон — ни капли спиртного. Даже пива. За многие годы я ни разу не встречал выпивающих рыбаков, здесь это не принято. И это тоже особенность шведской рыбалки.

Удилища разбросаны по всему берегу. Каждому хочется, чтобы первая рыба была именно его. Вслух об этом не говорят, но рыбацкое суеверие присутствует.

С каждой минутой ты чувствуешь в себе растущее волнение, которое скоро перейдет в азарт, борьбу, — и остановиться будет уже невозможно. Но это — если будет клев.

И он не заставляет себя ждать.

По удилищу Улофа видно, как его донку «охаживает» рыба. Резкие удары, резкие изгибы удилища. Улоф бросает кофе и бежит к берегу. Я с подсаком — за ним. Вытаскивает снасть — живец цел и невредим, отчаянно бьет хвостом. Соглашаемся, что это судак атаковал живца, что называется, примерился.

Я развожу костер, собираясь запечь свою первую рыбу. Такая у меня традиция, придуманная мною же. Но пока запекать нечего.

На моем удилище забренчал колокольчик. Бросаю все и бегу. Напрягся и Улоф. Знаю, что на этой донке у меня крупный червяк, значит, лещ или линь. Хищник вряд ли сейчас пойдет на эту приманку.

Подсекаю — есть! Что-то тяжелое. Сопротивления почти нет, но идет с трудом. Надо воспользоваться секундами растерянности рыбы и взять инициативу в свои руки. Через пару секунд рыба пришла в себя и начала из стороны в сторону

То самое любимое озеро

водить лесу. Да, это будет лещ, судя по всему, «трофейный».

— Хемта ховет, — ору. — Тащи подсак!

Улоф уже на месте, весь в готовности и с подсаком наперевес. Вывожу на удобное место (не зря долго готовились при поиске «оконцев»), еще пару секунд — и Улоф ловко берет рыбу подсаком.

Вся в золоте, красивая рыба бьется на берегу. Все!

Лещ потянул за три килограмма. Как и обещал, в фольгу его — и на костер.

Мой приятель смотрит на все это снисходительно. Он не ест лещей, так что все придется умять самому.

Для меня было новостью, когда узнал, что шведы не едят белую рыбу, считая ее сорной. Из речных предпочитают окуня, судака, лосося, щуку. Все остальное — без сожаления за борт. Если бы Улоф поймал леща, он бы его выпустил или отдал мне. И дело здесь не во вкусовых пристрастиях, а в количестве костей. Ведь непременно хоть одна, но может застрять в горле.

То же самое и с вяленой рыбой. Не понимают они, как можно пить пиво с рыбой, не доходит до них! Несколько раз я пытался угостить их этим исконно нашим «коктейлем», надеясь вызвать восторг. Все напрасно, лишь деликатно отмалчиваются.

В магазинах пресноводная рыба (лосось, угорь) стоит дорого. Деликатесом считается окунь, он дороже некоторых морских видов.

Большого изобилия рыбы на прилавках не увидишь. Как и рыбных консервов. Шпроты здесь в диковинку, а все остальное, мягко говоря, нашему вкусу непривычно.

Как мы поймали «мамку»

А у нас, похоже, начинается настоящий клев. Рыба всё смелее пробует наживку, постоянно провоцируя нас на пустые подсечки. И тут Улоф заорал: «Хемта ховет!»

Удилище заходило в его руках, выгнулось почти до воды. На донке был не червяк, там был живец. Я хватаю подсак и бегу на помощь. «Не тот!» — орет Улоф. Тут только я замечаю, что мой «ховет» явно будет маловат. Быстро меняю подсак и лихорадочно ищу устойчивое место. Это важно, от этого может зависеть успех или неудача. Слышно, как в прозрачной тишине звенит леса. Катушкой выбирать лесу у Улофа не получается: слишком большой трофей. Он раз за разом с большим трудом поднимает удилище и только потом выбирает снасть, раз за разом, все ближе подводя к берегу. Я вижу, как ему тяжело сражаться с рыбой, но ничем помочь не могу. Теперь все зависит от него. Медленно, буквально по сантиметру друг подводит рыбу к берегу. Теперь самый важный момент: умело приподнять голову рыбы над водой. Здесь все решают секунды, поэтому наше с ним взаимодействие должно быть абсолютным. Нужно уловить тот момент, когда рыба на мгновение успокоится, и поддернуть ее наверх.

Есть! Огромная голова появляется из воды. Я наготове — и быстро подвожу подсак под рыбу. Что такое? Подсак упирается в тело рыбы. Я не рассчитал размеры! Еще есть время утопить его глубже. Готово. Поднимаю подсак и чувствую огромную тяжесть. Улоф бросает удочку и помогает мне. Вот подсак на берегу, мы относим его подальше и только тогда переводим дух. Дыхание постепенно становится ровным, мы как-то безразлично глядим на пойманную рыбину, и только потом Улоф бросает: «А ведь мы ее вытащили».

Трофеем оказался судак без малого в десять килограмм. Если быть точным, — судачиха, с полным брюхом — килограмма на три — икры. Судачиха время от времени бьется в подсаке.

— Мамка, — говорит Улоф. — Мамка. Сколько ж там детенышей, интересно? — спрашивает он скорее самого себя.

Я повторяю: «Да, мамка…»

Мой друг, великий рыбак Улоф Нюстрем, произносит важные слова: «Надо отпускать».

И я соглашаюсь. Осторожно освобождаем рыбу от крючков и сетки, берем на руки и несем к берегу. Прощально ударив хвостом, она скрывается в глубине.

Солнце давно зашло за горизонт, но на небе еще долго держалось багровое зарево. Мы собирались домой.

Начинались белые ночи…

УБИЙСТВО НЕМЦОВА

политическая реконструкция

Владимир ПАСТУХОВ,
доктор политических наук,
публицист и адвокат, www.novayagazeta.ru

При крайней скудости доступных для анализа фактов пока можно рассматривать лишь политические версии убийства Бориса Немцова, то есть оценивать, каким именно политическим силам в настоящий момент может быть выгодно данное преступление (что, безусловно, не означает автоматически, что именно они его совершили). Тем не менее такой анализ представляется и необходимым, и своевременным, потому что это жестокое убийство уже успело стать объектом пропагандистских спекуляций и инструментом политической борьбы.

«Политика» или «бытовуха», замаскированная под политику?

Можно принять как гипотезу предположение, что убийство имело политический характер, то есть по сути своей было террористическим актом. Конечно, это только предположение, но оно выглядит достаточно вероятным, чтобы его можно было взять за основу.

По крайней мере, есть два обстоятельства, которые говорят в его пользу. Во-первых, преступление

было исполнено профессионально: отсутствие значимых результатов работы следствия в течение двух суток достоверно подтверждает это. Во-вторых, убийство было демонстративным, рассчитанным на достижение максимального публичного эффекта. Поскольку за Немцовым следили, то преступники знали и его маршрут, и место его проживания. В этом случае убийство около дома или в подъезде, как в случае с Политковской, очевидно является менее затратным и рискованным делом, чем расстрел в нескольких сотнях метров от Кремля.

Конечно, это не является стопроцентным доказательством политического характера убийства: в современной России любое частное лицо за небольшие деньги может привлечь к исполнению преступления неограниченное число профессионалов из спецслужб, не говоря уже о наемных киллерах. А нанятые профессионалы вполне могут пожелать замаскировать бытовое преступление под политическое и с этой целью исполнить его особо дерзким образом.

Но при сопоставлении этих двух предположений, при отсутствии внятных личных мотивов, чисто политическая версия выглядит более достоверной, чем бытовое убийство, замаскированное под политику.

Доминирующие версии

Если временно отбросить в сторону абсолютно правильные, но не имеющие прямого отношения к расследованию убийства заявления о том, что политическую ответственность за гибель Немцова несет власть, создавшая обстановку ненависти и хаоса в стране, то к настоящему времени озвучены две основные и, как водится, взаимоисключающие версии совершенного преступления.

Представители оппозиции выдвинули версию, согласно которой Немцов был убит по приказу из Кремля, чтобы запугать и морально подавить либерально-демократическое движение, а также с целью не допустить дальнейшей публикации его разоблачительных докладов, ближайший из которых должен был быть посвящен войне в Украине.

В свою очередь, все так или иначе близкие к Кремлю силы солидарно выступили с версией, согласно которой убийство Немцова является провокацией против власти с целью дестабилизировать положение в стране. При этом делается намек на то, что сами же оппозиционные силы и принесли Немцова как «сакральную жертву» на алтарь «цветной» революции.

Если подавить в себе нравственную брезгливость, то следует признать, что сугубо теоретически обе эти версии имеют право на существование. У каждой из них есть, однако, существенные логические изъяны, не позволяющие принять ни одну из них в чистом виде за основу.

Кремль и «утиный тест»

Предположение, что Немцова убили по приказу из Кремля или, по крайней мере, с его ведома, обладает тем преимуществом, что легко проходит старинный английский «утиный тест»: «Если нечто выглядит как утка, крякает, как утка, и плавает, как утка, то это, вероятно, утка и есть». Немцов был одним из жестких критиков Кремля, он доставлял Кремлю все больше беспокойства и был ключевым организатором всех акций сопротивления. Поэтому нет ничего удивительного в том, что после убийства Бориса Немцова у стен Кремля общество стало пытаться заглянуть за красные стены в надежде именно там отыскать заказчиков преступления.

Другое дело, что предлагаемая мотивация поведения Кремля, якобы объясняющая его заинтересованность в политическом убийстве, выглядит надуманно.

У Кремля сейчас нет необходимости каким-то особым образом деморализовать либеральную оппозицию, потому что с началом войны в Украине она и так пребывает в крайне деморализованном состоянии.

Также представляется маловероятным, что таким кровавым способом Кремль стремился предотвратить публикацию очередного доклада Бориса Немцова. Немцов не был первичным носителем секретных материалов. То, что он публиковал, являлось компиляцией сведений, либо уже известных, либо переданных ему третьими лицами. Устранение Немцова не может предотвратить дальнейшее распространение этих сведений в какой-либо другой форме, а потому является бессмысленным актом.

Напротив, риски, связанные с «решением проблемы» путем убийства лидера оппозиции, всем очевидны и должны в нормальной ситуации перевешивать гипотетические плюсы. Это только для Сталина работало: «Нет человека — нет проблемы». До этого уровня Кремль еще не дорос. Так что вопрос о мотивах поведения Кремля остается открытым, и все до сих пор высказанные предположения не кажутся состоятельными.

Оппозиция и суицидальный синдром

А вот изощренный взгляд в противоположную от Кремля сторону хоть и не воспрещен, но выглядит весьма противоестественно. Если выслушать внимательно сторонников правящего

в России режима, то возникает устойчивое впечатление, что из поколения в поколение в российской оппозиции по наследству передается суицидальный синдром — странная и непреодолимая тяга к самоуничтожению ради того только, чтобы сделать жизнь в Кремле сложнее.

Какое бы политическое убийство ни происходило в России (или в связи с Россией) в последние годы, будь то Листьев, Политковская или Литвиненко, со стороны Кремля звучат заявления о «сакральной жертве», которую «либеральные масоны» приносят ради разрушения стабильности российского общества.

Кремль называет убийство Немцова провокацией. В принципе, с этим можно согласиться. Но, как и в случае с версией оппозиции, возникает проблема с мотивировочной частью — если провокация, то чья?

В отличие от Кремля, в стане оппозиции в возможность в России «цветной» революции — или, как теперь принято говорить, Майдана — никто не верит.

И дело уже не в том, что подозревать оппозицию в последовательном отстреле своих лидеров и сторонников ради того, чтобы спровоцировать революцию, глубоко безнравственно («кремлевские» этого, видимо, не понимают, так как судят по себе), а в том, что в сегодняшних условиях эти жертвы абсолютно бессмысленны.

И это не только всем очевидно, но уже и доказано на практике: никаких миллионов после убийства Немцова на улицы не вышло, и никакой революции не началось. Так что провокаторов, скорее всего, надо искать в каком-то другом месте, а не в лагере либеральной оппозиции. Хотя, конечно, сама по себе мысль о провокации как мотиве преступления является очень продуктивной…

Уточнение по месту и времени

Итак, пока обе выдвинутые основные политические версии убийства Бориса Немцова не выдерживают критики, но в то же время в каждой из них содержится некое рациональное зерно. Версия оппозиции небезосновательно указывает в сторону Кремля как демиурга этого преступления, а версия Кремля не менее обоснованно обращает внимание на провокационный характер этого убийства.

Чего-то большего мы можем достичь, если сделаем два уточнения, так сказать, по месту и времени событий. Для обывателя сегодня Кремль — это Путин. Многие рассуждают почти по Маяковскому: мы говорим — Путин, подразумеваем — Кремль. Но на практике это не совсем так, Кремль — гораздо более широкое понятие, чем Путин. Это огромный конгломерат политических сил, с вроде бы совпадающими интересами и взглядами, но при этом очень разных и постоянно борющихся между собой за влияние на Путина как центр принятия всех окончательных решений. Те или иные инициативы не обязательно должны рождаться исключительно в центральной точке этой властной конгломерации, они могут возникать и на ее периферии.

После начала необъявленной войны с Украиной вся эта масса властных группировок пришла в движение. Но проблема в том, что двигаются они неравномерно — кто-то очень быстро, кто-то помедленнее, а кто-то и вовсе предпочел бы стоять на месте, имитируя движение. В результате в то время, как консолидация общества вокруг власти возросла вследствие войны и начала так называемой «мобилизационной политики», дезинтеграция внутри власти резко усилилась. Там появилось много новых «несистемных» по отношению к «кремлевским старожилам» групп, ранее бывших маргинальными, которые теперь активно претендуют на свою долю властного влияния.

Таким образом, заказ на убийство Немцова мог прийти не из центра «властной вертикали», а откуда-то сбоку, из какого-нибудь обрезанного сучка, и иметь вполне осознанную и провокационную цель — создать такую обстановку в стране, чтобы именно этот сучок стал центром «русского мира».

Придет тот, кто сильнее меня

На входе в экономический кризис 2008 года Кремль совершил крайне неудачный политический маневр, организовав временную передачу власти от Путина к «либеральному» политическому преемнику. Эксперимент не удался, во многом из-за кризиса, но еще больше из-за бешеного сопротивления новых олигархов, коррумпированных силовиков и легализовавшихся криминальных структур. Вместо модернизации и консолидации российское общество получило раскол элит, возникла «либеральная фронда» — довольно поверхностное движение верхушки городского среднего класса, не имевшее серьезной массовой поддержки, но сумевшее на пике активности сильно напугать консерваторов во власти и запустить механизм политической реакции.

Путин, вставший на сторону консерваторов, оказался в положении, когда каждый сделанный маленький шаг тут же требует следующего, причем большего. В конце концов, пытаясь совладать с так называемым «болотным процессом», Кремль свалился в полномасштабную

контрреволюцию, полный пересмотр политических и экономических ориентиров своей внутренней и внешней политики с момента перестройки. Война была практически неизбежным условием получения массовой поддержки этой реакционной политики, и она началась строго по расписанию.

Сделав последовательно все эти шаги, Путин привел в движение исторические силы, которые больше, чем он сам, и которыми он не в состоянии управлять. Если раньше самым сложным для Кремля было сдерживать либеральную оппозицию, то теперь с каждым днем ему все труднее будет сдерживать своих собственных адептов, которые не удовлетворены достигнутым и хотят всего и сразу.

Путин оказался в положении «вечно догоняющего»: что бы он ни сделал «плохого», с точки зрения либералов, этого все равно оказывается мало — с точки зрения черносотенцев.

От «Новороссии» к «Великороссии»

Все, что имеет отношение к «проекту Новороссия», — это не об Украине, а о России. В Донбассе обкатываются социальные модели и перспективные идеи, которые в России долгие годы берегли вовсе не для украинцев, а лелеяли для себя.

Реставрационный проект родился не вчера, как не вчера начал зажигать Дугин и не вчера вспенился Кургинян.

С конца 80-х эти люди разглагольствовали о евразийстве, мечтали об империи и проклинали западный либерализм. Они не смогли стать «русским мейнстримом», но сторонников у них в среде чиновничества и среди «номенклатурной буржуазии» (вроде того же Малофеева) всегда было немало.

Маневрируя между внутренней оппозицией и внешним давлением, Путин приоткрыл этим силам дверь в большую политику, надеясь, что сможет держать их в прихожей, пугая иностранцев. Но им тесно в сенях, они хотят в залу. Крым и Донбасс для этих людей — это история вовсе не о возвращении русских земель, а история об их преобразовании. В «Новороссии» обкатывается социальный проект, содержание которого заставит содрогнуться не только сторонников Бориса Немцова, но также многих тайных и явных друзей Путина. По сути, это проект реакционной ренационализации и создания, выражаясь политкорректно, «корпоративного государства» тоталитарного толка. Недаром в этом проекте крайне правые силы так легко и непринужденно соединились с крайне левыми. Всем им уже давно тесно в рамках «проекта Новороссия», и они требуют от Кремля, чтобы он начал «проект Великороссия».

Но Кремль не торопится, это вовсе не входило в его первоначальные планы, не говоря о том, что если эти люди «из сеней» войдут в залу, то многие из тех, кто сейчас находится в гостиной, окажутся лишними, в том числе, возможно, и повелитель Кремля.

Кому нужен «русский Майдан»?

Сейчас происходит то, что многие предсказывали год назад, когда все начиналось. Путин не готов идти так далеко и так быстро, как этого бы хотели те крайне реакционные силы, которые он разбудил и вовлек в политический процесс ради поддержания «политической стабильности», то есть сохранения своей власти. С каждым днем дистанция между Путиным и этими силами будет нарастать. Соответственно, будет расти желание этих сил «подстегнуть» Кремль, заставить его идти с ними нога в ногу. И если кому-то кажется, что люди, на плечи которых была возложена грязная и кровавая война, которые осуществляли безропотно ее военное, организационное и пропагандистское обеспечение, могут быть легко управляемыми, то он глубоко заблуждается. Эти люди не просто хотят своей доли власти, они хотят воплощения своей мечты, если не во вселенском, то хотя бы во всероссийском масштабе. Вся Россия, по их мнению, должна стать Донбассом, и всякий, кто к этому не готов, поневоле становится их оппонентом.

Путин пока к этому не готов, и поэтому растет раздражение — посмотрите на эволюцию взглядов «шестерки» Стрелкова (Гиркина), что уж говорить тогда о том, что происходит в душе «генералов» этой войны. А вместе с раздражением растет желание поставить Путина в такое положение, когда он вынужден будет даже не пойти, а побежать стремглав в политический ад.

Так получилось, что если и есть сегодня силы, заинтересованные в том, чтобы в России начался ну хоть какой-нибудь Майдан, то это вовсе не либералы, американцы и прочие «чистюли». Майдан нужен сегодня «черносотенцам» для того, чтобы подтолкнуть Путина к активным действиям, заставить его сделать то, чего они с такой надеждой ждали от Януковича.

Старая история на новый лад

Если убийство Немцова было провокацией, а все действительно указывает на это, то это была провокация со стороны тех сил, которые стали сейчас главным союзником власти в борьбе с либеральной оппозицией, но которые не удовлетворены ни своим положением во власти, ни темпами контрреволюционного движения. Эти силы заинтересованы в том, чтобы спровоцировать массовые выступления, которые в данный момент обречены на провал (поскольку в обществе нет революционной ситуации), но которые могут заставить напуганную власть пойти на ужесточение режима. Эти силы не ограничиваются разного рода идеологическими кликушами, вещающими о новом «русском мире», они имеют огромную поддержку внутри аппарата власти и особенно внутри силовых структур. Им всем нужно новое 9 января, чтобы сделать политическую деградацию режима необратимой.

Парадоксальным образом эти люди стали жертвами самогипноза. Они, наверное, единственные, кто истово верит в «оранжевую угрозу» для России и внушает страх перед ней Кремлю. Они так долго об этом кричали, что им стало казаться, что малейшего толчка достаточно, чтобы этот Майдан начался. Это то, к чему приводит долгое нахождение психики в «отмобилизованном состоянии».

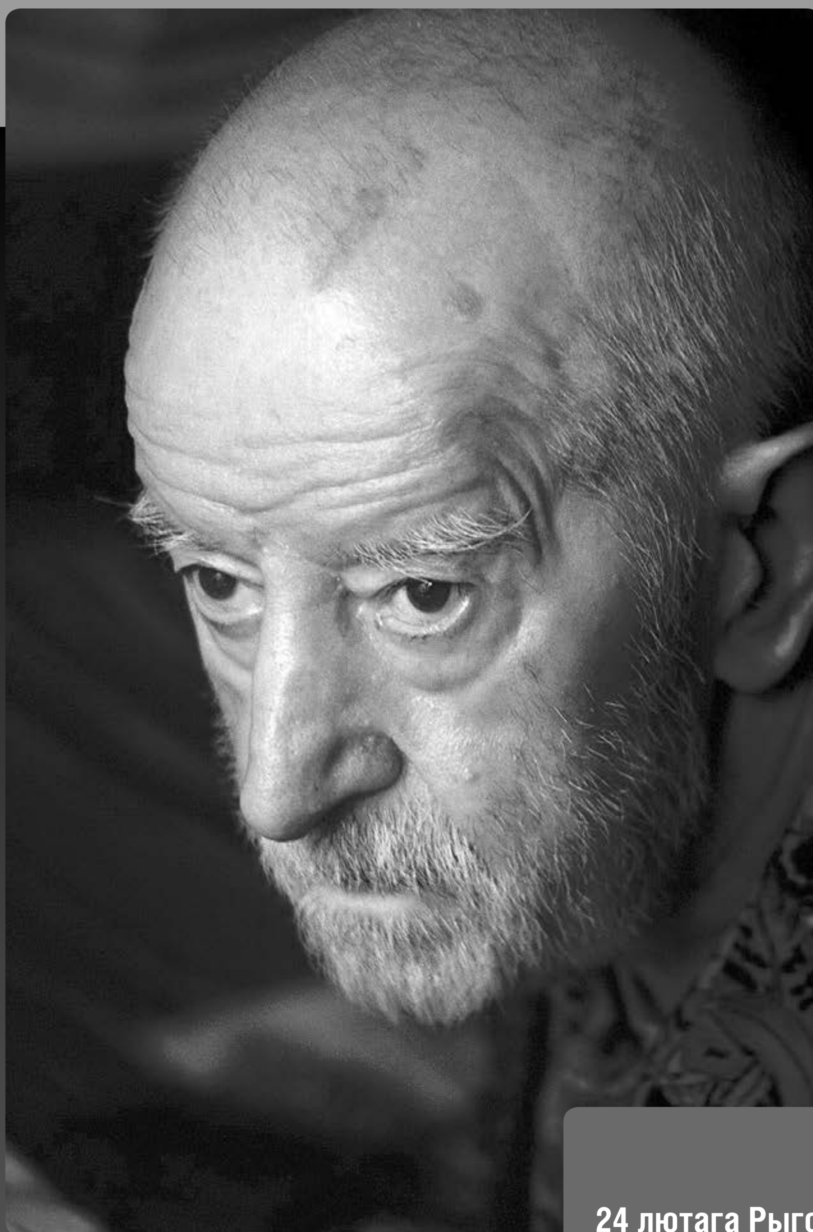
Они так долго пророчествовали о том, что оппозиция совершит «сакральную жертву», что устали ждать. По всей видимости, кто-то решил принести эту жертву вместо оппозиции, подтолкнув революцию ради окончательной победы контрреволюции.

А все остальное, в общем-то, известно из прошлого опыта. Кто-то устанавливает наружное наблюдение за неблагонадежным Немцовым из высших соображений, кто-то сливает данные слежки криминальным структурам, кто-то услужливо находит «нужных» отморозков, кто-то дает этим отморозкам деньги и оружие. Это старая история, рассказанная на новый, еще более кровавый и трагический, лад.

Фото: Евгений Фельдман, «Новая газета»

Дзядзька Рыгор

Дзённік апошніх сустрэч

Сяргей ШАПРАН

24 лютага Рыгору Барадуліну было б 80. Ён паспеў сустрэць сваё 79-годдзе, а праз тыдзень, 2 сакавіка мінулага года, яго не стала. Дзядзька Рыгор пайшоў, як сам пісаў, у неба пехатою…

З Барадуліным я пазнаёміўся ўзімку 1999 года, падчас Міжнароднага фестывалю праваабарончага кіно, які праходзіў у мінскім ДК прафсаюзаў. Папрасіў тады сказаць колькі слоў для газеты «Имя», дзе я працаваў. Адразу дамовіліся пра другую сустрэчу і новае, ужо вялікае, інтэрв'ю.

З Глебам Лабадзенкам

Неаднойчы бачыў яго на вуліцах Мінска (звычайна на тагачасным праспекце Машэрава, дзе і па сёння месціцца выдавецтва «Мастацкая літаратура», у якім працяглы час працаваў Барадулін, пакуль з прыходам новай улады не быў выправаджаны на пенсію). Рыгор Іванавіч уяўляўся чалавекам замкнёным, які «сам у сабе». Кожнага разу, калі выпадкова сустракаў яго, ён ішоў, засяроджана гледзячы сабе пад ногі, і толькі зрэдчас пазіраў на сустрэчных. «Барадулін — класік, да яго не падступіцца», — прыкладна так разважаў я тады. Але насамрэч усё аказался іначай, і з той выпадковай сустрэчы ў 1999-м і пачалося нашае знаёмства.

Трэба сказаць, што працяглы час я ніяк не мог прызвычаіцца называць Барадуліна «дзядзькам Рыгорам», пра што ён настойліва прасіў, і яшчэ доўга Барадулін быў для мяне «Рыгорам Іванавічам». Праўда, пасля, калі пачаў звяртацца да яго «дзядзька Рыгор», сказаць «Рыгор Іванавіч» было ўжо немагчыма.

Ужо ад самага пачатку я разумеў, з кім звёў мяне на гэты раз лёс, і таму амаль усе гэтыя пятнаццаць гадоў занатоўваў нашы гутаркі і сустрэчы. Дзённік гэты велізарны, таму прыгадаю толькі самае адметнае з таго, што было ў апошні год жыцця Рыгора Барадуліна і чаму я стаў сведкам.

4 студзеня 2013 г. Быў у Барадуліна ў 6-й бальніцы, куды ён патрапіў перад самым Новым годам. Рэч у тым, што дзядзька Рыгор, хоць даўно ўжо праз хваробу Паркінсона нікуды не выходзіў, але па настойлівых просьбах Алы Станіславаўны Сакалоўскай (укладальніцы «Кстоў» і некалькіх іншых яго кніг, што выдала Рымска-каталіцкая парафія Святога Сымона і Святой Алены) паехаў 28 снежня ў Чырвоны касцёл, каб падпісаць кнігі, і, калі выходзіў, паслізнуўся і ўпаў, у выніку левае плячо зламанае. Учора зрабілі аперацыю.

У палаце знаходзілася Ала Сакалоўская — трэба, каб у Барадуліна пастаянна нехта дзяжурыў, нават уначы, таму яна ходзіць па чарзе з яго жонкай Валянцінай Міхайлаўнай. Дзядзька Рыгор збіраўся вячэраць. Выглядаў бадзёра, часам нешта расказваў і нават жартаваў. Між іншым я запытаўся, ці праўда, як пісала ў 1968 годзе Ларыса Геніюш у лісце да Адама Мальдзіса, што ён збіраўся на вайну ў В'етнам. Дзядзька Рыгор рассмяяўся: «Ніколі такога не было. Гэта, відаць, нехта па п'янцы сказаў». А пазней, калі загаварылі пра Уладзіміра Някляева, казаў: «Гэта геній. Гэта апошні геніяльны беларускі паэт». Ён часта так гаворыць пра свайго сябра апошнім часам.

11 студзеня. Глеб Лабадзенка (з ім мяне пазнаёміў дзядзька Рыгор, калі Глебу было шаснаццаць гадоў, і не раз казаў тады: «Гэта наша апора і змена»; з таго часу Глеб зрабіўся нашым агульным сябрам) распавёў, што Барадулін прымае нейкія дарагія лекі ад хваробы Паркінсона (каштуюць 2 мільёны, гэта больш за 200 даляраў), іх хапае на паўтара месяца. Але дзядзька Рыгор кажа, што яны дужа дарагія і не дапамагаюць. Глебаў знаёмы ўрач папярэдзіў, што, калі Барадулін перастане іх прымаць, праз паўгода не толькі не зможа падымацца з ложка, але і гаварыць. Таму трэба яго пераканаць, каб працягваў прымаць. Да таго ж неабходна недзе знайсці грошы, бо тых лекаў, што ёсць цяпер, хопіць на паўтара тыдня.

21 студзеня. Дзядзьку Рыгора так напалохалі тыя перспектывы, якія намаляваў яму Глеб, у тым выпадку, калі адмовіцца ад лекавання, што ўжо двойчы сёння званіў і прыспешваў, каб прыйшоў Глебаў доктар і выпісаў рэцэпт.

17 лютага. З раніцы пазваніў Барадулін, запытаўся, калі прыйду да яго… Быў у дзядзькі Рыгора пасля трох. Ён сядзеў на ложку, выглядаў не надта добра. Ужо пасля Валянціна Міхайлаўна казала, што пару дзён таму яго неяк так недарэчна павяло ўбок, што іх знаёмы ўрач Сарокін не выключае перадінсультны стан, таму трэба выклікаць «хуткую» і класціся ў бальніцу. Валянціна Міхайлаўна гаварыла, што хоча легчы разам, бо дзядзька Рыгор не ў стане сам нічога рабіць.

Я прачытаў канчатковы варыянт інтэрв'ю, якое зрабіў для «Новага часу» (раней Барадулін сам вычытваў інтэрв'ю, але апошнім часам я яму чытаю). Заўваг практычна не было, дзядзька Рыгор

толькі папрасіў дадаць у тэкст падзяку ксяндзу Уладзіславу Завальнюку. Да таго ж прапанаваў даць напрыканцы верш:

Ідэя для таго даецца,
Каб ціха ехала страха.
І чалавецтва,
І авецтва
Не могуць жыць
Без пастуха…

19 лютага. Увечары ўжо другі раз пазваніў Барадулін, сказаў, што вершы, якія даю ў інтэрв'ю, пойдуць таксама ў часопісе «Дзеяслоў», — дык што рабіць? Я адказаў, што вершаў тых няшмат, усяго пяць, таму нічога страшнага ў тым не бачу. Барадулін: «І праўда, я ж не скраў іх». Пасмяяўшыся, развіталіся.

23 лютага. У пяць гадзін былі ў Барадуліна разам з маім сябрам Дзянісам Абухоўскім (мы ўжо былі ў дзядзькі Рыгора, калі ён ляжаў у бальніцы; Дзяніс, геадэзіст па адукацыі, мае толькі тое дачыненне да літаратуры, што любіць чытаць добрыя кнігі). Не думалі быць доўга, тым больш што ў гасцях у дзядзькі Рыгора была Наталля Давыдзенка (даўняя яго сяброўка, з якой яны разам працавалі ў выдавецтве «Мастацкая літаратура» і з якой мы падрыхтавалі кнігу ліставання Барадуліна з мамай Акулінай Андрэеўнай «Паслаў бы табе душу…»). Але дзядзька Рыгор не раз казаў, каб пабылі яшчэ. Таму неяк само сабой сталася, што праседзелі тры гадзіны.

Валянціна Міхайлаўна заварыла гарбату, паставіла на зэдлік пачастунак, у тым ліку апельсінавыя вафлі, якія дужа падабаюцца дзядзьку Рыгору, — ён, нават не дачакаўшыся гарбаты, неаднойчы прасіў, нібы дзіцёнак: «Хачу вафельку». І пасля яшчэ і яшчэ, і Наталля Аляксееўна карміла яго, бо сам ён рухацца не мог — сядзеў у крэсле, нахіліўшыся ўперад і абапершыся правай, здаровай рукой на стол, левая, падпяразаная, была схаваная пад майкай.

Першае пытанне Барадуліна да Дзяніса было нечаканым: «Вы каталік?» — «Не, праваслаўны». — «Ну, нічога, — сказаў дзядзька Рыгор, нібы супакоіў, — Бог усё роўна адзін». Увесь вечар сядзелі ці ўтрох, ці ўсе разам — з Валянцінай Міхайлаўнай і Наталляй Аляксееўнай, гаварылі пра многае. Дзядзька Рыгор зрэдчас нібыта паглыбляўся ў свае думкі (нават здавалася, што яму становіцца блага), а часам уважліва слухаў, ці жартаваў, ці смяяўся разам з усімі. Сёння ён даволі часта падтрымліваў размову, чаго даўно не заўважаў за ім, — звычайна ён больш слухае. Калі ж нешта цяпер казаў, дык пераважна глядзеў на Дзяніса. Ужо пасля папрасіў, каб я ўзяў для майго сябра ў кніжнай шафе кнігу ліставання з мамай «Паслаў бы табе душу…». (Гэтую кнігу дзядзька Рыгор абяцаў падараваць Дзянісу пасля таго, як я сказаў, што той дужа пяшчотна ставіцца да сваіх бацькоў, і цяпер падпісаў: «Дарагому Дзянісу Абухоўскаму з зямляцкай павагай», — з зямляцкай, бо Дзяніс паходжаннем, як ён сам кажа, з *В*оршы, на што адразу звярнуў увагу Барадулін. Адзначыў іншым разам: тое, што Дзяніс «з мясцін Караткевіча, гэта многа значыць, таму што не з пустых мясцінаў».) Пасля падарыў яшчэ некалькі кніг і, пасунуўшыся ў крэсле да пісьмовага стала, пачаў падпісваць. Затым доўга яшчэ сядзелі і гутарылі. Ужо на развітанне папрасіў дзядзьку Рыгора сказаць колькі слоў майму сябру пад запіс у якасці «настаўлення», і Барадулін, гледзячы Дзянісу ў вочы, гаварыў:

— У маім узросце пры маім здароўі часам не хочацца жыць, думаеш, калі няможацца, — толькі б памерці. Але, калі бачыш такіх маладых людзей, як Дзяніс, душа радуецца, і жыць хочацца. У нас часам гавораць, што ўсё ўжо, у Беларусі няма ні культуры, нічога, але, пакуль будуць нараджацца Дзянісы, усё будзе нармальна. Я думаю, што маладая змена ўсё-ткі ўтрымае нацыю. А калі будзе нацыя — будзе і дзяржава, будзе дзяржава — мы будзем ва ўсім свеце… Я жадаю Дзянісу быць такім жа шчырым, такім жа светлым беларусам. І каб ён быў не адзін, каб іх было многа — было многа Дзянісаў. Я ж кажу, што, калі ён упершыню прыйшоў да мяне ў бальніцу, я адразу паздаравеў: у мяне і плячо стала гаіцца, і я спаў добра, і снілася нешта светлае — амаль камунізм… Я проста нізка кланяюся бацькам Дзяніса, якія

З Наталляй Давыдзенка, Дзянісам Абухоўскім і жонкай Валянцінай Міхайлаўнай

далі Беларусі, далі свету такога светлага, такога чыстага. Дзякуй ім, нізкі паклон. Як гавораць, каб ягонага роду не было пераводу.

— Якраз сёння пляменніца ў Дзяніса нарадзілася.

— Вось бачыце. І пляменнікі яшчэ будуць. Безумоўна, пляменніцы трэба, але ўсё-ткі пляменнікі больш патрэбны… Трэба, каб было і таго, і таго. Без пляменніц не будзе пляменнікаў, без пляменнікаў не будзе пляменніц. Усё, замкнутае кола.

Дарагі Дзяніс, каб вы былі і дажылі да ста год, каб вы жылі светла, каб у вас было ўсё добра, каб усё-ўсё, пра што вы думаеце, здзейснілася. Думайце пра светлае — і будзеце жыць светла… Мне настолькі прыемна вас бачыць, што вы нават не ўяўляеце. Я кажу, што часам устаеш ці кладзешся спаць — і ўжо такі дрэнны настрой, такі дрэнны настрой… А пасля раптам такое святло, такая вясна на душы… Значыць, ёсць беларусы, і значыць, жыць будзе Беларусь. Беларусь будзе вечная… Так што, Дзянісенька міленькі, на вас трымаецца будучыня, на вас трымаецца Беларусь, жывіце, жывіце і працуйце. Хай з вамі будзе Бог.

Мы ўжо збіраліся сыходзіць, але Барадулін зноў пачаў гаварыць. Прыгадаў у тым ліку і Уладзіміра Някляева, якога ўспамінае практычна кожнага разу, бо дужа непакоіцца пра яго далейшы лёс — Някляева хоць і вызвалілі з-пад хатняга арышту, але далі ўмоўны тэрмін. «Самае цікавае, — гаварыў Барадулін, — што Някляеў жа напалову беларус…» Па яго словах, «тонкая душа маці», мусіць, і зрабіла ўплыў на Някляева. «Наогул, ён дужа цікавая асоба, дужа цікавая, — працягваў Барадулін. — А наконт палітыкі — ён як улез у яе, дык яму цяпер цяжка яе кінуць, бо будуць гаварыць, што спалохаўся. Дый як кінуць, калі столькі прайшоў? Тым больш што наперадзе лета чакае, — яго ж яшчэ могуць пасадзіць. Але можна не садзіць чалавека, а толькі падвесіць. Гэта ў савецкі час расказвалі: Сталін выклікае, глядзіць на чалавека, а пасля гаворыць: “Расстрелять… (паўза) следовало бы”. І хоць чалавека адпускаюць, але яго ўжо няма! Разумееце, ён жывы, але яго па сутнасці няма. Так і з Валодзем». Тым не менш, на думку Барадуліна, рана ці позна, але і ў Беларусі будзе ўсё добра. «Павінна быць, — казаў ён. — І я думаю, што Дзяніс будзе жыць пад бел-чырвона-белым сцягам і спяваць “Мы выйдзем шчыльнымі радамі”». І ўжо на развітанне папрасіў майго сябра: «І перадайце, калі ласка, падзяку вашым бацькам за вас. Абавязкова перадайце. Абяцаеце, што зробіце гэта?»

24 лютага. Разам з Някляевымі наведалі Барадуліна. У яго ўжо былі госці — Наталля Давыдзенка і Ганад Чарказян. Уладзімір Пракопавіч, як толькі зайшоў, наблізіўся да Барадуліна, прыабняў яго, і дзядзька Рыгор бездапаможна, як дзіцёнак да дарослага, прытуліўся да яго, і доўга яшчэ так яны былі разам, нічога не кажучы. Пасля Някляеў сказаў: «Я ўжо забыўся, у які раз прыходжу на твой дзень народзінаў. Мусіць, ужо які-небудзь саракавы. І дзякуй Богу, жыццё доўжыцца. Трохі ты прыхварэў, але я думаю, што гэта пройдзе».

Увесь час Уладзімір Пракопавіч імкнуўся падняць настрой сябру — жартаваў і гучна казаў вясёлыя тосты кшталту: «За паэта Беларусі, геніяльнага чалавека, нашага сябра, легенду беларускай

З Уладзімірам і Вольгай Някляевымі, 24 лютага 2014 г.

сучаснасці і будучыні, майго і ўсіх Рыгора Барадуліна — два разы коратка, на трэці раз працягла, на лік “тры”: ура, ура, ура-а-а!» А ўзяўшы паперкі з віншаваннямі Барадуліну чытачоў, якія я раздрукаваў з сайта «Нашай Нівы», Някляеў зрабіў выгляд, што чытае: «У мяне ў школе спыталіся: “Якое ваша любімае беларускае слова?” Я сказала — Барадулін». І ўдакладніў: «Не, тут так: “я сказала”, ёсць яшчэ “я сказаў”, а пасля — “мы сказалі — Барадулін”». Усе весела засмяяліся… Ужо пазней дзядзька Рыгор заспяваў, і Някляеў падхапіў разам з сябрам: «Сто год, сто год хай доля бачыць нас! Сто год, сто год, яшчэ раз, яшчэ раз — хай доля любіць нас!..» Пасля далучыліся ўжо ўсе і праспявалі «Сто год» пяць разоў запар… Развітваючыся, Някляеў сказаў: «Бывалі ў нас з табой і весялейшыя дні народзінаў, але і гэты някепскі, я табе скажу. Дык пра што мы будзем сумаваць? Не будзем ні пра што сумаваць, а будзем думаць, што Бог нам дапаможа і ўсё ў нас яшчэ будзе добра… Ой, каб ты падняўся ды паехаў у Вушачы і каб я да цябе туды прыехаў, тады можна было б лічыць 2013-ы шчаслівым годам».

25 лютага. Прынасіў дзядзьку Рыгору новыя віншаванні чытачоў «Нашай Нівы». У яго ўжо былі Барыс Пятровіч і Анатоль Івашчанка. Пагаварылі мо гадзіны дзве. З таго, што запомнілася: дзядзька Рыгор прыгадаў аднаго чыноўніка, які расказваў яму ў бальніцы, што нібыта існуе загад пра скарачэнне колькасці беларускіх школ.

«Каб хто адшукаў гэты дакумент», — гаварыў Барадулін, запытальна гледзячы на нас… Калі ж зайшла размова пра другі СП і пра Шамякіна, які не захацеў уступаць у той іншы СП, бо там, па яго словах, адны творчыя імпатэнты, Барадулін заўважыў: «Шамякін быў добры чалавек. Зорак з неба не хапаў, але і подласцей не рабіў». Пазней жа прыгадаў Алеся Разанава, які ў свой час нібыта абвінаваціў Барадуліна ў тым, што ён сапсаваў яго першую кніжку. «Але я толькі параіў яму прыбраць два вершы, іначай кніжка магла не выйсці, толькі і ўсяго», — казаў дзядзька Рыгор.

Між іншым, ужо перад маім сыходам Барадуліну пазваніла дачка Ілона. Дзядзька Рыгор доўга гаварыў з ёй, дакладней — больш слухаў, сам жа казаў: «Дзякуй, залатая, дзякуй, залатая, залатая, залатая… Я люблю цябе».

Я яшчэ папрасіў Барадуліна падзякаваць тым чытачам, хто яго павіншаваў. Дзядзька Рыгор казаў: «78 — дата адначасова і добрая, і сумнаватая, таму што часу застаецца ўсё менш і менш, але вось калі чытаў вашыя віншаванні — маладзеў на некалькі дзясяткаў гадоў і пачынаў сябраваць з усмешкай, якая раней была ў мяне заўсёды, а цяпер ужо рэдкай госцяй. Усім, хто павіншаваў мяне з днём нараджэння, дзякуй. Дзякуй вам усім, хто помніў, хто ўспомніў, хто помніць. Жадаю, каб вас кожнага віншавалі са стагоддзем. Хай вам будзе светла. Хай з вамі будзе Бог».

8 красавіка. Калі патэлефанаваў Барадуліну, ён найперш сказаў: «А якраз сёння вас прыгадваў! Калі вы зойдзеце?» Апошнім часам ён часта так гаворыць.

Валянціна Міхайлаўна яшчэ ў калідоры паведаміла, што дзядзька Рыгор у вельмі дрэнным стане: трэці дзень яна не разумее, што ён кажа, а ён не хоча намагацца гаварыць, таму яна будзе «перакладчыкам».

Барадулін сядзеў у крэсле, ветліва ўсміхнуўся. Я пачаў расказваць пра Някляева, пра шумныя падзеі вакол яго рамана «Аўтамат з газіроўкай…». Нешта сказаць хацеў і дзядзька Рыгор, але зразумець яго не маглі ні я, ні Валянціна Міхайлаўна, у выніку наша размова ператварылася ў мой суцэльны маналог. Толькі ўжо перад развітаннем Барадулін сказаў (я ледзь-ледзь зразумеў, хутчэй, здагадаўся), што ён перапіша вершы для «Новага часу», і каб я пасля зайшоў іх забраць. На маё пытанне Валянціна Міхайлаўна адказала, што Барадулін па-ранейшаму працуе, цяпер, напрыклад, піша пра музычныя інструменты — для малюнкаў Арлена Кашкурэвіча, але почырк дужа неразборлівы.

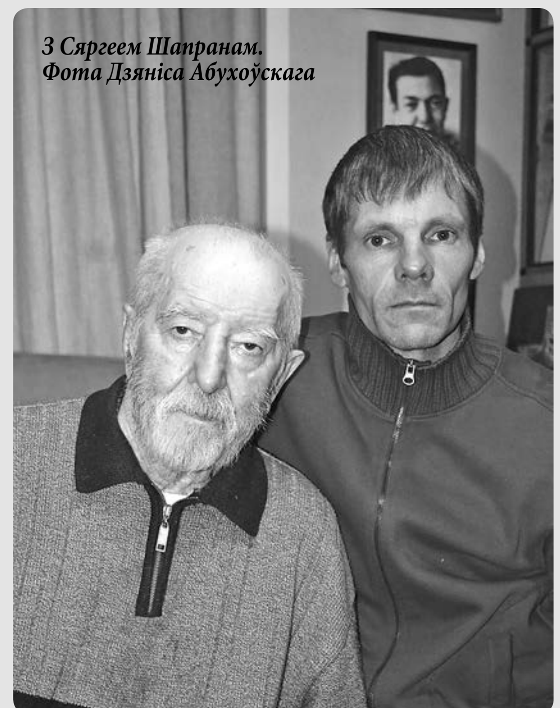
9 красавіка. Патэлефанаваў Барадуліну. Дзядзька Рыгор: «Я толькі збіраўся вам званіць». — «А што здарылася?» — «Ды я проста так». Дзіўна, але па тэлефоне чамусьці лепей разумею, што ён кажа…

Прабыў у Барадуліна каля трох гадзін. Найперш ён даў мне нататнічак з вершамі, каб я падрыхтаваў нізку для «Літаратурнай Беларусі», дадатку да «Новага часу». Пасля ўспомніў, што недзе ў яго былі вершы з цыкла «Цыганскі лёс». Доўга іх шукаў, але не знайшоў, таму вырашылі дачакацца Наталлю Давыдзенка, якая неўзабаве павінна была прыйсці (разам з ёй Барадулін апошнім часам разбірае свой архіў і многія матэрыялы передае ў Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва). Чакаючы Наталлю Аляксееўну, я папрасіў напісаць колькі слоў падтрымкі Зміцеру Дашкевічу, лідару «Маладога фронту», які дасюль сядзіць у турме. Барадулін напісаў на велікоднай паштоўцы:

«Нязломны Зьміцер!
Трымайцеся!
Беларусь таксама любіць Вас!
І ганарыцца!

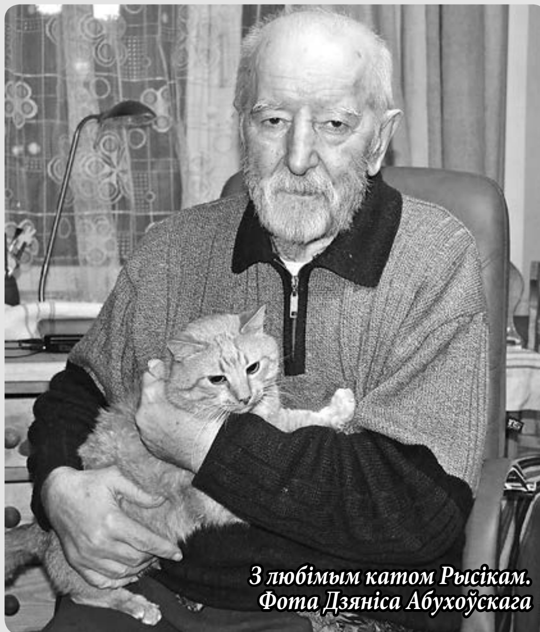
Дзядзька Рыгор
9 красавіка 2013»

Калі прыйшла Наталля Давыдзенка, гаварылі пераважна пра «Вушацкі словазбор», які яна падрыхтавала і пра які з захапленнем цяпер распавядала. Слухаючы яе, Барадулін часам смяяўся, часам з цікаўнасцю глядзеў на мяне, чакаючы маёй рэакцыі на тыя ці іншыя прыклады з кнігі, пра якія апавядала Наталля Аляксееўна. (Поўнае выданне «Вушацкага словазбору» было даўняй марай Барадуліна і адной з мэт, як ён сам не раз казаў, яго жыцця. Але давесці гэтую справу да лагічнага фіналу — сістэматызаваць, апрацаваць і перадрукаваць запісы, якія рабіў на працягу ледзь не ўсяго жыцця, — дзядзька Рыгор фізічна ўжо не мог. І добра, што такую неймаверна складаную працу зрабіла цяпер Наталля Аляксееўна.)

З Сяргеем Шапранам. Фота Дзяніса Абухоўскага

1 мая. Разам з сябрам Дзянісам Абухоўскім былі ў Барадуліна. Дзядзька Рыгор пачуваўся не лепшым чынам, але за той час, пакуль былі (а прагутарылі мы тры гадзіны), крыху разгаварыўся. Дый Валянціна Міхайлаўна пасля сказала, што дзядзька Рыгор звычайна лепей адчувае сябе ўвечары, і калі да яго прыходзяць госці.

Ледзь зайшлі ў кабінет, як за намі адразу падаліся два каты — Рысік і Кумпяк, рыжы і шэры, абодва пачалі абнюхваць Дзянісаў заплечнік. Пасля Рысік залез на канапу, Дзяніс пачаў яго лашчыць, той уладкаваўся побач і нават пачаў вуркатаць, чаго я ніколі за ім не заўважаў. Здзіўлены быў і дзядзька Рыгор — не аднойчы звяртаў на гэта ўвагу і клікаў Валянціну Міхайлаўну, каб паглядзела, казаў, што ні да кога з гасцей Рысік ніколі так не ставіўся, вось які Дзяніс светлы чалавек, што нават Рысік каля яго прымасціўся. (Дзеля справядлівасці трэба сказаць, што каго яшчэ дужа любяць барадулінскія каты, дык гэта Някляева — Рысік з Кумпяком імгненна ўладкоўваюцца нават не побач з Някляевым — на ім самім.)

З любімым катом Рысікам. Фота Дзяніса Абухоўскага

Каб павесяліць дзядзьку Рыгора, прачытаў урывак з нашай гутаркі з Някляевым, якую надрукаваў часопіс «Абажур»:

«— *А калі прыніжаюць… У засценках КДБ хіба не так было?*

— Ну і што? Хто яны такія?! Хто мяне там мог прынізіць?! Перад кім я там мог адчуваць сябе маральна прыніжаным, вінаватым? Калі б там былі людзі, якіх бы я паважаў… Ну, калі б, скажам, следчым быў Быкаў *(усміхаецца)*, а аператыўнікамі *(смяецца)* — Барадулін з Бураўкіным, і яны б мяне дапытвалі, дзяўблі: “Ты — сякі-такі, вораг народа!” — тады было б цяжкавата».

Калі адсмяяліся, Барадулін раптоўна запытаўся: «А калі будзе прысуд?» Я не адразу зразумеў, пра што гаворка, і сказаў, што падумаў пра прысуд «Вушацкаму словазбору». Дзядзька Рыгор, усміхнуўшыся, заўважыў, што гэта добра сказана, але пытаўся ён пра прысуд Някляеву. Я сказаў, што яшчэ невядома, чым усё скончыцца, — можа, не пасадзяць, але працягнуць адтэрміноўку. (Барадулін па-ранейшаму ледзь не кожнага разу пытаецца пра гэты будучы суд над Някляевым, які павінен адбыцца ў ліпені.)

Пасля крыху пагаварылі пра сябра маладосці дзядзькі Рыгора вядомага паэта Ігара Шклярэўскага, пра мастака Уладзіміра Куксо, які зрабіў выдатныя шаржы да адной з кніг Барадуліна і які даўно ўжо, як і Шклярэўскі, жыве ў Маскве. Калі ж успомнілі славутага мастака Барыса Заборава, дзядзька Рыгор прачытаў сваю эпіграму:

Он устал от женщин и соборов.
Ленинград растаял в синеве.
Без гроша сидит Борис Заборов
С маленьким Шагалом в голове.

Я яшчэ прыгадаў, што вось нядаўна Глеб Лабадзенка прыязджаў да Барадуліна з Паўлам Бераговічам, расійскім бізнесоўцам (паходжаннем з Беларусі), які, седзячы ў турме, пачаў вывучаць беларускую мову па кнізе «Дажыць да зялёнай травы…». Барадулін у адказ: «Яму гадоў трыццаць пяць. Ён ніжэйшы за Дзяніса, але ў яго такі ж самы чысты і светлы погляд, як у Дзяніса». (Ужо іншым разам ён напіша на той шмат у чым вызначальнай для Паўла кнізе: «Шаноўнаму Паўлу Бераговічу — зямны паклон! Жывуць шчырыя!»)

Калі ж размова зайшла пра выдавецтва «Мастацкая літаратура», у прыватнасці, пра тое, што там рыхтуюцца да выдання дзве яго кнігі, дзядзька Рыгор сказаў засмучана: «Нешта нічога не чуваць з імі». Я ўжо не стаў гаварыць, каб не хваляваць, што пасля выхаду ў лютым яго дзіцячай кніжкі «Сябрына» выдавецтва нібыта атрымала вымову, і таму невядома, ці выйдуць яшчэ тыя дзве кнігі. (Забягаючы наперад, скажу, што адна з іх — пад назвай «Каўчэг» — усё-ткі выйшла, але толькі пасля смерці Барадуліна. Пра другую не чуваць дасюль.)

І ўжо на развітанне дзядзька Рыгор традыцыйна казаў майму сябру на дарогу: «Дарагі Дзяніс, я хачу, каб вы дачакаліся праправнукаў, прапрапраўнукаў. Паглядзіце: падабаецца — тады яшчэ прапрапрапрапрапрапра, — каб Вам хапіла сілы на “пра” яшчэ на дужа многа гадоў, таму што такія беларусы павінны жыць і памнажацца. Хай вам будзе добра. І дзякуй, што вы ёсць… І дзякуй таму, хто знайшоў Дзяніса. Гэта тое самае, што Арарат знаходзяць: як яго ні закрываеш — ён ёсць». (Ужо іншым разам Барадулін скажа: «Вельмі светлы хлопец. Такіх зараз мала. Прыходзьце з ім часцей да мяне».)

21 мая. Быў у Барадуліна. Яшчэ недзе на пачатку размовы запыталіся адзін у аднаго, дзе цяпер Генадзь Бураўкін — яшчэ ў бальніцы? «Я якраз хацеў яму пазваніць», — сказаў дзядзька Рыгор. А крыху пазней прагучаў званок — тэлефанаваў Генадзь Мікалаевіч. Нельга было не заўважыць, што Барадулін дужа рады быў яго чуць. Пытаўся пра здароўе, зычыў трымацца, пра сябе ж казаў, што не ходзіць, спіна баліць, адзіная радасць, што, можа, «Вушацкі словазбор» выйдзе, да якога, адзначыў, Някляеў прадмову напісаў. Пасля сказаў, што ў яго для Бураўкіна ёсць сюрпрыз, і перадаў трубку мне. Генадзь Мікалаевіч запытаўся, як Барадулін пачуваецца. Я адказаў, што не горш, чым раней. «Ну то і добра», — сказаў ён і дадаў, што цяпер жыве на лецішчы. Я выказаў спадзяванне, што ўвосень мо ўбачымся. Бураўкін: «Будзем спадзявацца. Гэта вам, маладым, жыць і жыць, а нам…»

Потым я папрасіў Барадуліна прачытаць верш, што ён напісаў нядаўна Някляеву. Кажу, што Уладзімір Пракопавіч хацеў пахваліцца, але не змог прыгадаць гэты верш. Барадулін пачаў быў чытаць, але не здолеў разабраць почырк, нават Валянціна Міхайлаўна не дапамагла, аднак дзядзька Рыгор, пакруціўшы і так, і гэтак, усё ж успомніў і прачытаў, дадаўшы перад тым:

«Уладзімір Пракопавіч, ты быў, ёсць і застанешся адзіны, адзіны, адзіны ў гэтым стагоддзі і ў наступным».

Хай вышэюць крамлёўскія сцены і сцэны.
Хай круглее ў памыях прыручаны лыч.
Хай жыве правадыр, мудры і незаменны —
Уладзімір Пракопавіч!

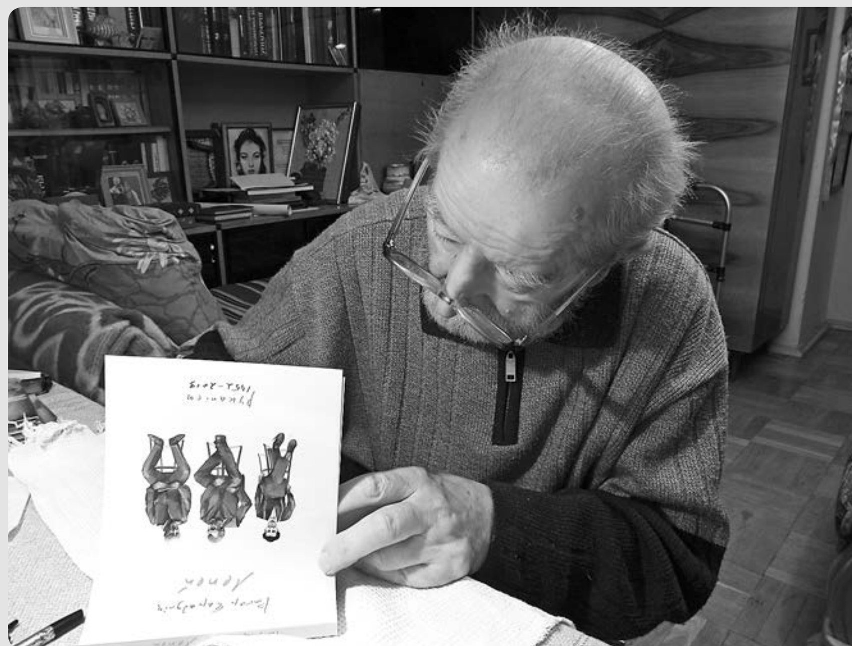
Між іншым, не ўзгадаю, у звязку з чым, але я запытаўся, як правільна казаць — «шанцуе» ці «шэнціць». Дзядзька Рыгор: «Можна і так, і так». — «А вось “выпадак” — з націскам на першы склад ці другі?» — «На другі». — «Глеб жа Лабадзенка ў сваёй “Дзіцячай ЗаМове” піша, што на першы». Барадулін, крыху разгубіўшыся, прамаўчаў.

І цяпер, і пасля ён неаднойчы прапаноўваў самагонку (хоць сам даўно не п’е, але дужа любіць частаваць; гэта здаецца дзіўным, аднак у ягонай шафе заўсёды ёсць моцнаградусны пачастунак). Я сказаў, што паспытаю, калі прыеду да яго ў Вушачу. Між іншым запытаўся, ці паедуць яны гэтым летам туды. Барадулін ажыўлена: «Паедзем», — але Валянціна Міхайлаўна запярэчыла: «Ну куды ж мы паедзем? Там халодна, трэба камін таліць. Рыгор жа не ходзіць, а прыбіральня на вуліцы. А ў мяне ў самой здароўе ўжо не тое…» І было бачна, як дзядзька Рыгор адразу разгубіўся, таму я паспяшаўся перавесці размову на іншае…

16 верасня. Быў у Барадуліна. Дзядзька Рыгор быў у добрым настроі, часам смяяўся і жартаваў. Выглядаў добра, бо нарэшце пастрыгся, праўда, не галіўся, аднак барада была не такая ўжо вялікая, як я думаў (калі папярэдне стэлефаноўваліся, дзядзька Рыгор казаў, што ў яго барада, «як у маджахеда», і каб я прыходзіў з фотаапаратам). Найперш паказаў падборкі сваіх вершаў, запытаўся, ці можна дзе надрукаваць (праўда, не памятаў, ці публікаваліся яны раней). І калі пасля я зрабіў некалькі фотаздымкаў, Барадулін заўважыў, што гэта, можа, для будучай кнігі.

Дарэчы, зайшла размова і пра Уладзіміра Караткевіча, дык я прыгадаў, што некалі Адам Мальдзіс прапанаваў мне напісаць дакументальную кнігу пра Уладзіміра Сямёнавіча. І хоць я тады адмовіўся, але цяпер думаю, што, можа, некалі і варта паспрабаваць. Гэта тым больш дзіўная прапанова, што Мальдзіс не толькі бліскучы навуковец, але адзін з найбліжэйшых сяброў Караткевіча, да таго ж аўтар выдатнай кнігі пра яго. У адказ дзядзька Рыгор працягнуў руку: «Віншую! Калі Мальдзіс такое сказаў, гэта шмат што значыць».

Ужо пазней пазванілі Някляеву. На Барадуліну была стракатая каляровая кашуля, можа, якіх 1960-х гадоў, ён неаднойчы пытаўся ў мяне, ці падабаецца яна мне. Я адказаў, што дзядзька Рыгор цяпер — дакладны персанаж з някляеўскага «Аўтамата з газіроўкай…», галоўны герой якога насіў кашулю з папугаямі (у Някляева — з «папугамі»). Я так і сказаў Уладзіміру Пракопавічу, што знаходжуся ў гасцях у персанажа з яго рамана, а Барадулін прачытаў два свае вершы:

Някляеў — перамога! Знасілены сілай лютаю,
Ён не прызнае нікога ніх…ютанькі!

* * *

Някляеў з лазні, як бярозавы венік.
Геній, авантурыст, пісьменнік.
Як нельга венік удвая складці,
Так і мацака, і ягоныя снасці.

Дарэчы, калі пілі гарбату, зноў задаліся моўнымі пытаннямі. Рэч у тым, што дзядзька Рыгор увесь час казаў «чай», таму я запытаўся: «Як правільна: “чай” ці “гарбата”?» Барадулін: «І так, і так». — «А вы як кажаце?» — «Чай». — «А як правільна: “чайнік” ці “гарбатнік”?» — «І так, і так». — «Вы як гаворыце?» — «Чайнік». — «А які аналаг расійскаму выразу “то есть”?» — «“Гэта значыць” ці “альбо”». — «А цяпер часта ўжываюць “то бок”…» Але Барадулін перапыніў мяне: «А я ўсё хацеў у некага запытацца, што такое “то бок”! Я і не ведаў!» Тут мы разам рассмяяліся.

19 верасня. Быў разам з сябрам Андрэем Палудам у Барадуліна. (Андрэй таксама надзвычай светлы чалавек; бацька двух сыноў, ён некалі быў міліцыянтам, але, не здолеўшы больш трываць ментаўскія парадкі, звольніўся і даўно ўжо працуе ў праваабарончай арганізацыі «Вясна». Дзесяць гадоў таму мы неаднойчы ездзілі ўтрох — разам з Барадуліным — у Вушачу ды па справах маёй кнігі пра Васіля Быкава, якую я тады пісаў, у Віцебск ды Гародню.) Пачуваўся дзядзька Рыгор не лепшым чынам, сядзеў у крэсле, моцна нахіліўшыся наперад, часам гаварыў не дужа зразумела, але ўсё ж зрэдчас жартаваў. Казаў, што хоць бачацца яны рэдка, аднак вельмі рады вітаць Андрэя. Гаварыў пад запіс: «Вельмі прыемна праз столькі гадоў убачыць дарагіх сяброў, і самае цікавае, што яны не змяніліся, амаль памаладзелі, і дзякуючы гэтаму ты ў нечым памаладзеў. На колькі гадоў памаладзеў Андрэй, настолькі я памаладзеў. Я Андрэю жадаю самага добрага, самага вясёлага. Я ўспамінаю вушацкую частушку:

Андрэй, не дурэй,
Не дзяры сарочкі,
Не ты ткаў, не ты праў,
Не твае і дочкі.

Андрэй, я вас чакаю ў мяне дома — і тут, і ў Вушачах. Мой дом, як гэта гавораць, — ваш дом. Прыходзьце…»

21 верасня. Патэлефанаваўшы, дзядзька Рыгор казаў, што ў яго будуць заўвагі да той нізкі вершаў, якую рыхтую для часопіса «Дзеяслоў». І прачытаў у дадатак верш «Сваячкі»:

У Някляева Вольга.
У Расіі Волга.
У абедзвюх шчырасць і глыбіня.
Над абедзвюма зорная даланя.

17 кастрычніка. Быў у Барадуліна, каб удакладніць незразумелыя месцы ў рукапісах яго вершаў. Апроч гэтага, дзядзька Рыгор напісаў мне рэкамендацыю для ўступлення ў Саюз пісьменнікаў (ён ужо даўно настойваў, каб я ўступіў у саюз, я аджартоўваўся, што не магу гэтага зрабіць, бо не пісьменнік, але дзядзька Рыгор не раз казаў: «Запомніце: вы абавязкова ўступіце»):

«Рэкамендацыя

Я, Рыгор Барадулін, даўні член саюза пісьменнікаў, даўно і добра ведаю Сяргея Шапрана, крытыка, празаіка, ён добра вывучыў нашую мову і карыстаецца ёй як роднай.

Заўсёды здзіўляе глыбіня даследавання, шырыня позірку на літаратурныя з’явы.

Рэкамендую Сяргея Уладзіміравіча Шапрана ў нашую ўсё-ткі дружную сям’ю.

Рыгор Барадулін
14 кастрычніка 2013».

Зрэшты, я заўважыў, што я ж не празаік. У адказ Барадулін разгубіўся: а як напісаць? Кажу: ну, мо даследчык літаратуры, хоць таксама мне ніякавата чуць, калі хто так мяне называе, аднак я нібыта ўжо прызвычаіўся. І дзядзька Рыгор перапісаў: «крытыка і даследчыка беларускай літаратуры». (Праўда, перапісваючы, не пакінуў сказ: «Заўсёды здзіўляе глыбіня даследавання, шырыня позірку на літаратурныя з’явы».) Шчыра падзякаваўшы, я заўважыў, што гэтая рэкамендацыя больш важкая за любы ўніверсітэцкі дыплом.

Гэта была, відаць, апошняя рэкамендацыя, якую даў у сваім жыцці Барадулін.

21 кастрычніка. Удзень пазваніў Уладзімір Някляеў — яны з Вольгай збіраюцца да Барадуліна, ці паеду?.. Дзядзька Рыгор чакаў Някляевых — падараваў ім два падпісаныя экзэмпляры «Вушацкага словазбору» і апошняе выданне «Кстоў». Валянціна Міхайлаўна накрыла стол, дзядзька Рыгор, нібы ілюзіяніст, спрактыкавана выцягнуў аднекуль з шафы пляшку гарэлкі і біклажку з самагонкай (Барадулін дужа любіць гэтую біклажку, у наборы са срэбраным кілішкам, кожнага разу падкрэслівае, што гэта падарунак Васіля Быкава). Някляеў, абраўшы самагонку, прамаўляў вершаваныя тосты за здароўе Барадуліна і яго «Вушацкі словазбор», шмат і ўдала жартаваў і ўвесь час падтрымліваў святочную атмасферу. Хоць здараліся і сур’ёзныя размовы. Так, да прыкладу, зайшла гаворка пра тое, што ў маладых літаратараў зусім цяпер адсутнічае піетэт да старэйшых. І Барадулін пагаджаўся ў гэтым з Някляевым, які працягваў: «Вось раней з павагай ставіліся да старэйшых, а цяпер цалкам ігнаруюць». Апроч гэтага, Уладзімір Пракопавіч распавёў, што калі Барадуліна вылучылі на Нобелеўскую прэмію, дык у Нобелеўскім камітэце не ведалі, што ж яны павінны разглядаць, бо на той час існавала толькі

некалькі перакладаў вершаў Барадуліна, таму яны проста не сталі абмяркоўваць яго кандыдатуру.

Між тым, сёння быў дзень нараджэння ўнука Міхася Клімковіча, таксама Міхася, яму споўнілася 55 гадоў, дык Някляеў папрасіў Барадуліна павіншаваць яго, і дзядзька Рыгор, узяўшы слухаўку, заспяваў: «Сто год! Сто год! Сто год!..» А калі Уладзіміру Пракопавічу пазваніў Павел Севярынец (пра яго Някляеў зусім нядаўна напісаў артыкул — у сувязі з выхадам Паўла на волю), дык Някляеў казаў: «Павел, ты не паверыш, сядзелі з Барадуліным і гаварылі пра цябе, а тут якраз ты звоніш…» (Хоць насамрэч яно было не так, але Уладзімір Пракопавіч — вядомы міфатворца.) Пасля Някляеў перадаў мабільны Барадуліну, і дзядзька Рыгор з ходу выпаліў: «У краіне нашай звярынец. Няхай жыве Павел Севярынец!»

24 кастрычніка. Быў у Барадуліна з дзвюх гадзін да шасці, хоць дзядзька Рыгор пачуваўся не лепшым чынам. Валянціна Міхайлаўна сказала, што такі стан у яго ўжо тры дні. Аддаў яму раздрукаваную нізку вершаў. У сваю чаргу, Барадулін паказаў верш, які толькі што напісаў рэдактару «Дзеяслова» Барысу Пятровічу, — калі я прыйшоў, якраз перапісваў на чыставік, а пасля, даўшы прачытаць, запытаўся: «Нармальна?» І потым падпісаў «Вушацкі словазбор»: «Вяльможнаму спадару Барысу Пятровічу (Сачанку) — каб быў багаты і касматы. Хай Бог бачыць!» Пасля дадаў для падборкі некалькі вершаў, у тым ліку пра Глеба Лабадзенку. Зазначыў: вось Глебу чамусьці не падабаецца, што ён прысвяціў яму верш. «Але ж я нічога дрэннага не напісаў», — неяк разгублена прамовіў Барадулін. Ён ужо ў другі раз тое кажа, і Глеб, калі мы гаварылі з ім пра гэта, прызнаўся, што яму няёмка і ён не ведае, як на гэта рэагаваць. Дык я параіў: «Рэагуй з удзячнасцю». Дзядзька Рыгор, пачуўшы тое, усміхнуўся: «Правільна сказалі».

Перад развітаннем я выйшаў з кабінета, а калі вярнуўся, дзядзька Рыгор запытаўся, літаральна свідруючы мяне пранізлівым позіркам: «Навошта прыходзіць ён, апошні сон?» Не зразумеўшы, я перапытаў. Барадулін яшчэ некалькі разоў паўтарыў сваё пытанне, нават па-руску сказаў тое самае, але я па-ранейшаму не ведаў, што ж на гэта адказаць. І толькі тады дзядзька Рыгор удакладніў, што, пакуль я выходзіў, яму ў галаву прыйшлі вось гэтыя радкі.

1 лістапада. Сёння якраз перад маім прыходам у дзядзькі Рыгора была стаматолаг, якая вырвала яму ажно чатыры зубы. Замарозка яшчэ не адышла, Барадулін казаў, што болю няма.

Гаварылі пра цыкл дзіцячых вершаў. (Неяк мне прыйшло ў галаву, што калі чаго нестае ў прыгожым беларускім пісьменстве, дык гэта імянных дзіцячых вершаў. Але хто б мог іх напісаць? Вядома, тры найлепшыя сучасныя паэты: Барадулін, Бураўкін і Някляеў. Праўда, на сённяшні дзень адзін толькі дзядзька Рыгор з аптымізмам успрыняў маю ідэю.) Барадулін сказаў, што хацеў бы лепш гэтую акцыю з Някляевым зрабіць. Патлумачыў: «Генадзя я люблю, але Някляеў мне бліжэйшы. І характарам, і сваім авантурызмам». І пасля падпісаў «Вушацкі словазбор» для Генадзя Мікалаевіча:

«Залатому сябру майму Генадзю Бураўкіну — дзякуй за ўсё!

І воплескаў,
І ўсьмешкаў кадзь
Жадаю я табе,
Генадзь.
Твой *Рыгор*
1.XI.2013 г.»

Дарэчы, не прыгадаю, у звязку з чым, але неяк успомніў сёння Венедыкта Ерафеева і яго «Масква — Петушкі», у прыватнасці, сцэнку ў цягніку, калі расказвалі гісторыі пра каханне і стары Мітрыч, які таксама вызваўся распавесці гісторыю пра каханне, прыгадаў аднаго начальніка, што плаваў па рацэ ў лодцы, «давил на себе чирьи» і плакаў, а пасля вяртаўся і «пысаўся» ў сваім кабінеце. Пачуўшы тое, Валянціна Міхайлаўна і дзядзька Рыгор зайшліся такім смехам, што я і не чакаў. Барадулін мо некалькі хвілін, адкінуўшы галаў, бязгучна смяяўся, а пасля толькі і змог, што нават не прамовіць — выціснуць з сябе: «Давил на себе чирьи!!!» — і зноў зайшоўся бязгучным смехам… Даўно не бачыў, каб дзядзька Рыгор так весела, ад душы смяяўся.

(Заканчэнне ў наступным нумары)

Фота з архіва аўтара

«Прасунутая наркамаўка»

Настасся МАЦЯШ

«Прасунутая наркамаўка» — умоўная назва для акрэслення мовы тэксту. Застаючыся ў межах афіцыйнага правапісу, «наркамаўкі», аўтар намагаецца на іншых, неарфаграфічных, узроўнях пазбавіць свой матэрыял штучных, не ўласцівых беларускай мове кампанентаў, уплываў русіфікацыі ды зрабіць яго «натуральным». У выніку маем «тэкст без мяккіх знакаў», але з уласцівымі жывой мове канчаткамі, добрым беларускім словаўтварэннем, належнымі сінтаксічнымі канструкцыямі ды разумным выбарам лексемаў.

«Прасунутую наркамаўку» даўно і шырока практыкуюць у кнігавыдавецкай справе аўтары, рэдактары, карэктары мастацкай літаратуры — тыя людзі, якія звыкла ставяцца да мовы дбайна. У журналістыцы ж немудрагелістыя прыёмы «прасунутай наркамаўкі», якія дапамагаюць зрабіць мову сапраўды беларускаю, як правіла, застаюцца на перыферыі ўвагі.

Навошта патрэбная «прасунутая наркамаўка»?

Гэтак сталася, што натуральнае развіццё беларускай мовы ўвесь час замінала, не давала спакою нашым уладным суседзям. Цягам XX стагоддзя беларускую мову імкнуліся падкарэктаваць, павярнуць «у патрэбнае рэчышча». Апекаваліся рэформамі людзі, для якіх нашая мова каштоўнасці не ўяўляла, а таму ім не балела гвалтоўнае перакройванне нашай лінгвістычнай сістэмы. Разам з перапісваннем правілаў і нормаў фармавалася ўяўленне пра беларускую як пра мову другога гатунку, ніжэйшую за расейскую. Наступствы гэтай палітыкі, мабыць, будуць адчувальныя яшчэ доўга.

У 90-я гады XX стагоддзя распачаліся працэсы дзеля надання беларускай мове статусу паўнавартаснага сродку зносінаў. Пазбаўленне ж мовы ад штучных савецкіх напластаванняў было звязанае ў першую чаргу з вяртаннем ва ўжытак класічнага правапісу. «Тарашкевіцаю» выходзілі медыі, друкаваліся кнігі.

1 верасня 2010 года набыў моц закон «Аб Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі». Яшчэ на стадыі разгляду дакументу, за некалькі гадоў да прыняцця, пачала імкліва скарачацца медыяпрастора, якая выкарыстоўвала класічны правапіс. Выдаўцы, рэдактары і аўтары матывавалі пераход на афіцыйны правапіс пазазаконнасцю «тарашкевіцы». Але разам з мяккімі знакамі з тэкстаў зніклі рэчы, якія, хоць і лічацца паказнікам «класічнасці», уласна да арфаграфіі не маюць ніякага дачынення, законам не рэгулююцца, а значыць, журналісты могуць і надалей выкарыстоўваць практычна ўвесь арсенал лінгвістычных сродкаў, каб зрабіць мову сваіх матэрыялаў больш адметнаю, сапраўды беларускаю.

Максімальна вяртаць беларускай мове яе спрадвечныя рысы, уласцівыя жывой гаворцы моманты і пры гэтым не парушаць існай заканадаўчай базы і пакліканая «прасунутая наркамаўка».

Што рэгулюе закон «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі»?

Як відаць з назвы, дакумент рэгулюе арфаграфію (правапіс) і пунктуацыю — толькі два з мноства раздзелаў навукі аб мове. Гэта значыць, што на іншых узроўнях мы можам спакойна (не парушаючы закону) абіраць варыянты, якія будуць актывізаваць унутраныя рэзервы мовы і спрыяць яе натуральнаму развіццю. Калі сцісла, арфаграфія кіруе выбарам літары пры напісанні слова: сістэматызуе правапіс галосных, зычных, мяккага знака і апострафа, вялікай і малой літараў, таксама напісанне словаў разам, асобна або праз злучок і ўсталёўвае правілы пераносу. І гэта ўсё! Астатняе — не арфаграфія!

Пунктуацыя (знакі прыпынку), у адрозненне ад арфаграфіі, гарачых дыскусіяў сярод карыстальнікаў не выклікае, таму гэтую частку закону разглядаць тут не будзем.

Што застаецца па-за сфераю рэгулявання «Правіламі»? Надзвычай важныя ўзроўні мовы: граматыка, словаўтварэнне, формаўтварэнне, лексіка, сінтаксіс, фразеалогія, стылістыка. Не выходзячы за межы афіцыйнага арфаграфічнага стандарту, мы можам пры дапамозе гэтых моўных узроўняў зрабіць са «школьнага правапісу» «прасунутую наркамаўку».

Як рэалізоўваць «прасунутую наркамаўку»? Канчаткі як паказнік «прасунутасці»

Найперш звернем увагу на граматыку — выбар канчаткаў. Варта адарвацца ад школьных уяўленняў пра скланенне назоўнікаў і ўзяць за ўзор жывую народную мову.

Назоўнікі мужчынскага роду на зычны ў родным склоне маюць канчаткі ***-у*** і ***-а***. Прычым у гаворках канчатак ***-у*** выкарыстоўваецца значна шырэй, чым акрэсліваюць граматыкі ды слоўнікі. (Пашырыла канчатак ***-а*** сумна вядомая пастанова 1933 года — дзеля набліжэння беларускай мовы да расейскай.)

Рэч у тым, што сённяшнія слоўнікі цяжка ўважаць за эталон пры выбары канчатку. Напрыклад, назоўнік *націск*, паводле іх, у родным склоне мусіць мець канчатак ***-у***: *націску*. А вось назоўнік *дзеяслоў* — канчатак ***-а***: *дзеяслова*. Але ж абодва гэтыя назоўнікі — абстрактныя, абодва — абазначаюць тэрміны. Чаму канчаткі — розныя?.. Або такі прыклад. Прасторавыя паняткі *луг*, *край*, *шлях* у родным склоне маюць канчатак **-у**: *лугу*, *краю*, *шляху*. А вось прасторавыя паняткі *горад*, *пакой* чамусьці трэба ўжываць з канчаткам **-а**: *горада*, *пакоя*.

Цэлы ж пласт словаў, паводле нарматыўнай граматыкі, можа мець і канчатак **-у**, і канчатак **-а**, у залежнасці ад значэння, у якім ужываецца лексема: *тыпа* і *тыпу*, *сінтаксіса* і *сінтаксісу*, *народа* і *народу*, *пераезда* і *пераезду*, *саюза* і *саюзу*. Складаецца ўражанне, што, каб правільна гаварыць па-беларуску, трэба ўвесь час зазіраць у арфаграфічны слоўнік, а пасля звярацца са слоўнікам тлумачальным. Інакш памылкі непазбежныя!

Але і слоўнікі не ўратуюць акуратных ды ўважлівых карыстальнікаў. Бо яны… супярэчаць адзін адному. Калі верыць «Слоўніку беларускай мовы» (галоўнаму запавету афіцыйнага правапісу), то слова *шэраг* мусіць мець канчатак ***-а***: *шэрага*. А вось паводле «Беларускага арфаграфічнага слоўніку», пастаўленага ахоўваць Закон аб мове, у родным склоне трэба пісаць *шэрагу*. І якая крыніца больш кананічная? Абедзве ж у роўнай ступені афіцыйныя, нарматыўныя!..

Адсунем слоўнікі і прыслухаемся да жывой мовы. Умоўную мяжу паміж канчаткамі ***-у*** і ***-а*** можна правесці паводле значэння назоўніку: **усё канкрэтнае, што абазначае прадмет, рэч, якую можна ўзяць у рукі, перасунуць з месца на месца, мае канчатак *-а*. Усё астатняе — адцягненыя, абстрактныя паняткі, назвы ўстановаў і пабудоваў — мае канчатак *-у***: *«Асобнае пытанне — кантроль за рэалізацыяй закону»*; *«Інфармацыі пакуль мала, аднак вядома, што прэзідэнт Емену застаецца ў аблозе ў рэзідэнцыі»*; *«Марыя перамагла 6:1, 4:6, 7:5, прычым падчас вырашальнага сэту саступала 1:4»*; *«Трэці пацярпелы бок — пакупнікі, якія часова страцілі «сваю краму ля дому»*; *«Аднойчы сябар прапанаваў сысці з заводу, каб зарабляць на жыццё рамяством»*.

Ужываць шырэй канчатак ***-у*** ў родным склоне заклікае доктар філалагічных навук Павел Сцяцко ў сваім даведніку, прызначаным і для журналістаў, — «Культура мовы». Наконт тэндэнцыі расшчапіць словаформу на дзве, надаўшы адной з іх «канкрэтызаванае» адценне і замацаваўшы за ёю канчатак ***–а***, мовазнавец піша: «Трэба трымацца адной словаформы — з канчаткам ***-у*** — дзеля стабілізацыі мовы. Тым больш што ў жывой народнай мове гэтых “навуковых” нюансаў ніхто не трымаецца». І далей: «У выкарыстанні словаформаў роднага склону мужчынскага роду з канчаткам ***-у*** беларуская мова мае шмат супольнага з украінскаю і заходнеславянскімі мовамі, дзе канчатак ***-у*** пераважае ці выступае як амаль адзіная норма, тым часам як расійская мова амаль пазбавілася канчатка ***-у*** на карысць ***-а*** (***-у*** захавалі назоўнікі ў складзе ўстойлівых выразаў: *без году неделя*)» (Сцяцко П. Культура мовы. Менск, 2002. С. 54).

Назоўнікі множнага ліку ў родным склоне, ізноў жа, арыентуючыся на жывую мову, **ужываем з поўным, а не нулявым канчаткам**: *«Без адмысловых ведаў і назіральнасці не абысціся»*; *«Нашая*

*задача — каб у гандлёвай сетцы не было небяспечнай для здароўя грамадзян**аў** ежы»*; *«У раёне Луганску зафіксавалі значную колькасць салдат**аў** без апазнавальных знакаў»*.

Перавагу поўнаму канчатку аддаем і ў выпадку назоўнікаў жаночага роду: *«Шэсцьдзясят працаў у тэхніцы калажу»*; *«Ужо з першых хвілін**аў** гульні»*; *«Медыкі ды навукоўцы не могуць выявіць прычын**аў** хваробы»*. Вынятак — назоўнікі жаночага роду, якія абазначаюць жывыя істоты: *кабет*, *жанчын*, *кароў*, *дзяўчат*, — і назоўнікі жаночага роду з асноваю на *г*, *к*, *х*: няма *рук*, *ног*, *кніг*, *мух*. У гэтых выпадках поўны канчатак у множным ліку роднага склону не развіўся.

Асабліва важна ўжываць поўны канчатак у назоўнікаў са збегам зычных на канцы асновы: *фарбаў*, *вербаў*, *гурбаў*, *паўвыспаў*, *пярэспаў*, *шэльмаў*, *астраў*. У гэтым выпадку слоўнікі «дагналі жыццё».

Вольныя нацыянальныя медыі часцей за дзяржаўныя прытрымліваюцца канцэпцыі «прасунутай наркамаўкі». Але раз-пораз і ў дзяржаўным друку бачым імкненне ажывіць фармальны падыход да моўных фактаў. У газеце «Звязда» чытаем: *«Галоўны каток краіны [...] зроблены ў форме залатога ключыка, упрыгожанага пасярэдзіне адмысловым мостам у выглядзе замерзлых хваля**ў**»* (24.01.2015); *«Дакумент заклікае дзелавыя колы кіравацца ў сваёй дзейнасці асноватворнымі прынцыпамі правоў чалавека і працоўных адносін**аў**» (17.02.2015).*

Павел Сцяцко зазначае: «Ідзе натуральны працэс выраўноўвання і словаформаў роднага склону на ўзор усіх астатніх склонаў, якія не маюць адрозненняў, звязаных з тыпам скланення. Яго прыняў на сябе генералізаваны канчатак ***-аў*** (***-яў***) / ***-оў*** (***-ёў***)» (Культура мовы. С. 71). Дык не адрываймася ад гэтага натуральнага працэсу!

«Прасунутае» словаўтварэнне

Яшчэ адзін важны паказнік беларускасці беларускай мовы — марфеміка і словаўтварэнне. Прыгадаўся такі выпадак. Сын удзельнічаў у конкурсе «Чэмпіён "Вясёлкі"». Падчас выступу ўжыў слова «спартовы». Галоўны рэдактар часопісу, Уладзімір Ліпскі, запытаў яго: дык як жа правільна — «спартовы» ці «спартыўны»? Адказ 9-гадовага хлопца: «Правільна — "спартовы"», — пракаментаваў наступным чынам: маюць права на існаванне абодва варыянты, але «спартовы» — гэта, хутчэй, «тарашкевіца». Дык вось, нягледзячы на тое, што ў свядомасці карыстальнікаў мовы «наркамаўка» і «тарашкевіца» ўлучаюць у сябе значна больш за правапіс, Закон аб беларускай мове не рэгулюе, якія структурныя часткі нам абіраць, як нам пабудаваць слова. Слоўнікі не фіксуюць лексемы «спартовы», але яе фіксуе жыццё — ды інтэрнэт: больш за 85 000 ужыванняў. *Абавязак — абавязковы, абслуга — абслуговы, абутак — абутковы, войска — вайсковы, служба — службовы, суд — судовы.* Гэта ўзоры належнага беларускага словаўтварэння, і ў гэты шэраг добра кладзецца слова *спартовы*.

Затое слоўнікі фіксуюць наступныя сумнеўныя з гледзішча беларускага словаўтварэння адзінкі: *афарміцель, вызваліцель, глушыцель, пакавальшчык, пастаўшчык, перамоўшчык, нарыхтоўшчык, вядучы, сысучы, ажыццявімасць*… якія лёгка пераўтварыць у добрыя словы: *афармляльнік, вызваляльнік, глушыльнік, пакавальнік, пастаўляльнік, перамоўца, нарыхтоўца, вядоўца, сысун, ажыццяўляльнасць*.

Цікава, што для некаторых лексемаў слоўнікі даюць два варыянты, з небеларускім фармантам і ўтвораныя паводле добрых словаўтваральных мадэляў: ~~*адбойшчык*~~ і *адбойнік*, ~~*адборшчык*~~ і *адборнік*, ~~*адзіночнік*~~ і *адзінотнік*, ~~*нелюбімы*~~ і *нялюбы*, ~~*тыпічны*~~ і *тыповы*, ~~*набальзаміраваны*~~ і *набальзамаваны*…

Недаацэньваць словаўтваральныя суфіксы нельга, бо нярэдка яны вызначаюць сэнс: *ледзяны* — вельмі халодны (*ледзяны вецер*), *лядовы* — зроблены з лёду (*лядовая хатка*); *крыштальны* — празрысты, бездакорны (*крыштальны позірк*), а *крышталёвы* — зроблены з крышталю (*крышталёвы кубак*); *акружны* — размешчаны вакол (*акружны шлях*), *акруговы* — які мае дачыненне да пэўнай акругі (*акруговая камісія*).

Часам дзеля пераадолення штучнасці паведамлення дастаткова паправіць адзін канчатак, а часам варта закрануць некалькі ўзроўняў мовы. «Звязда» піша: *«26,9 секунды ёй прайграла галоўная канкурэнтка ў барацьбе за Вялікі хрустальны глобус Кайса Мякарайнен, у яе актыве адзін промах»* (24.01.2015). Дадамо ў сказ беларускасці: *«26,9 секунды ёй **саступіла** галоўная канкурэнтка*

ў барацьбе за Вялікі ***крышталёвы*** *глобус Кайса* ***Мякрэйнэн****, у* ***ейным*** *актыве адзін промах».*

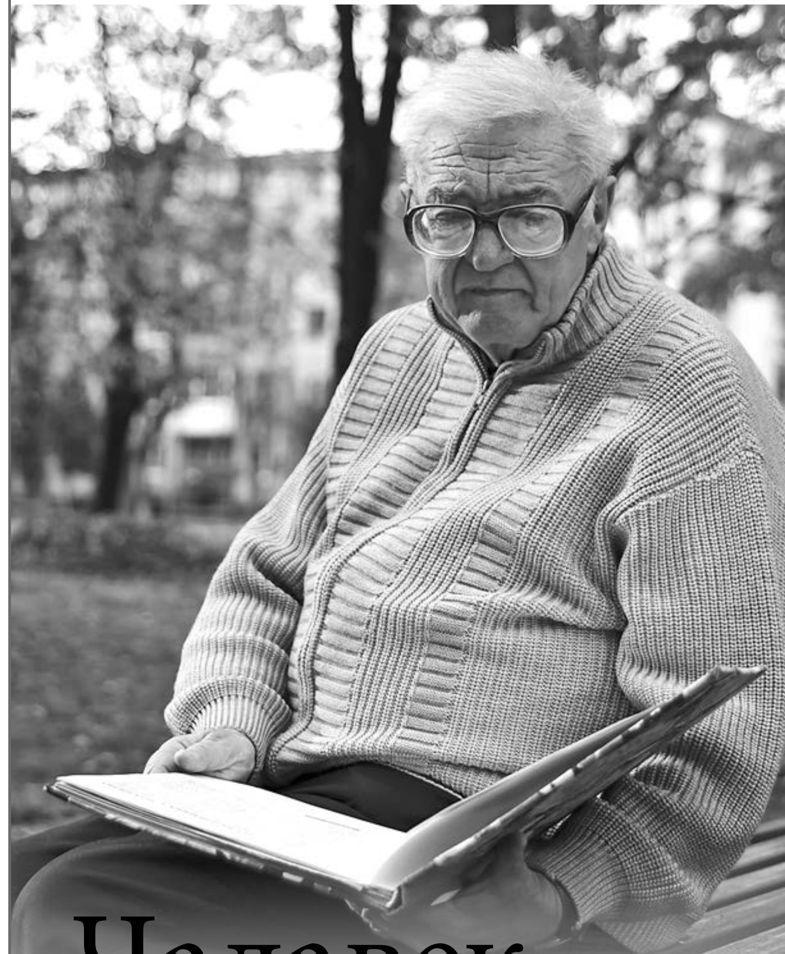
«Новыя цэны ўстаноўлены таксама на серабро, яны павысяцца прыкладна на 25 %» (Звязда. 24.01.2015). Слова «серабро» сапраўды ёсць у беларускіх слоўніках, але з якой прычыны аўтар абраў менавіта яго, патлумачыць цяжка. Пераробім сказ у рэчышчы «прасунутай наркамаўкі»: *«Новыя цэны* ***ўсталявалі*** *таксама на* ***срэбра****, яны павысяцца прыкладна на 25 %».*

«Буйная перабудова электрастанцыі адбылася ў 1912 годзе: былі ўстаноўлены новая дынамамашына і дызель магутнасцю 500 конскіх сіл, частка паветраных правадоў заменена падземнымі кабелямі» (Звязда. 24.01.2015). Слова «провад» — таксама сталы жыхар слоўнікаў, таму фармальна можна лічыць, што аўтар напісаў навіну па-беларуску. Але сапраўды беларускай мову гэтага сказу назваць цяжка. Палепшаны на ўсіх узроўнях варыянт паведамлення выглядае гэтак: *«У 1912 годзе электрастанцыю грунтоўна перабудавалі: усталявалі новую дынамамашыну і дызель магутнасцю 500 конскіх сіл****аў****, частку паветраных дратоў замянілі падземнымі кабелямі».*

Але часам і афіцыйныя сродкі інфармацыі цешаць выбарам моўных сродкаў. Загаловак «Звязды»: «***Навукоўцы*** *“сталі” на крыло*» (17.02.2015). А маглі ж «паставіць на крыло» і «вучоных».

Падсумуем сказанае. Правапіс можа быць афіцыйны («наркамаўка») ці класічны («тарашкевіца»). Афіцыйны правапіс рэгулюецца законам «Аб Правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі». Факты граматыкі, лексікі, сінтаксісу, словаўтварэння Законам аб беларускай мове не рэгулююцца. Шматлікія ж супярэчнасці і неадпаведнасці ў слоўніках дазваляюць нам абіраць тыя моўныя сродкі, што будуць вызваляць мову ад штучнасці, навязаных звонку фактаў, якія прынята лічыць прыкметамі «наркамаўкі».

Любы тэкст, фармальна напісаны па-беларуску, можна акрэсліць як беларускі ці небеларускі, або ўмоўна беларускі. Дзяржаўныя медыі з прычыны іх кансерватыўнасці ды падкантрольнасці не ў стане пакуль належна дбаць пра жывую натуральную мову на сваіх старонках. Журналісты ж незалежных нацыянальных СМІ могуць лепш парупіцца пра беларускасць сваіх матэрыялаў і пра развіццё і захаванне адметнасцяў беларускай мовы.

Чалавек, які збірае аўтографы

Былы дырэктар Баранавіцкага краязнаўчага музея Валерый Палікарпаў мае самую вялікую ў краіне калекцыю аўтографаў вядомых людзей. Калі апынаешся з ім у творчым асяроддзі беларускай сталіцы, не перастаеш здзіўляцца, колькі выбітных людзей яго ведае. З ім шчыра вітаюцца вядомыя мастакі Мікола Купава, Алесь Марачкін, Леанід Шчамялёў, паэты Алесь Разанаў і Ніл Гілевіч.

А ў эпоху цемрашальства камуністычнай ідэалогіі маладога кіраўніка за стасункі з Ларысай Геніюш звольнілі з пасады і выключылі з 5-га курса ўніверсітэта.

Алесь БЕЛЫ

Як усё пачыналася

Кнігі ён палюбіў яшчэ ў дзяцінстве. З цягам часу з’явілася жаданне больш даведацца пра аўтараў таго, што ён чытаў, а пры магчымасці і пазнаёміцца з імі асабіста.

Валерый Палікарпаў нарадзіўся ў сям’і савецкага афіцэра-артылерыста. Дома цікавіліся кнігамі, мелі ўласную бібліятэку. Праўда, назваць яе вялікай можна было з нацягам: тады вайскоўцы больш чым па 4–5 гадоў на адным месцы не затрымліваліся — сёння ты ў Кіеве, а заўтра можаш апынуцца ў Хабараўску ці Будапешце. А гэта значыць — зноў пераезд. Ну а з улікам таго, што ў нашай вялікай краіне ўсё было дэфіцытам (мэбля, дываны, крышталь…) і на новым месцы службы набыць што-небудзь было амаль немагчыма, даводзілася выбіраць — што грузіць у кантэйнеры. «Наша сям’я часцяком абыходзілася мэбляй, якую давала вайсковая часць. А кніжкі мы заўсёды вазілі з сабою, бо гэта таксама было дэфіцытам», — расказвае Валерый Канстанцінавіч.

Спачатку Валерый карыстаўся тым, што было дома, хадзіў у бібліятэку — то гарадскую, то гарнізонную. Пасля музычнага вучылішча, якое скончыў у Маладзечне, дзе, між іншым, вучыўся і бавіў час разам з Юрыем Антонавым, працаўладкаваўся ў музычную школу ў Баранавічах. Цяпер ён набываў кніжкі і папаўняў уласную бібліятэку сам. Толькі анатацыі пра аўтараў ці нават вялікага ўступу пра іх творчасць Палікарпаву падавалася мала. І ён пачаў ліставацца з пісьменнікамі, а потым з многімі і знаёміцца. Асабліва шырокі размах гэта набыло, калі паступіў у БДУ на факультэт журналістыкі. У сталіцы было шмат цікавых сустрэч — з Рыгорам Барадуліным, Генадзем Бураўкіным, Канстанцыяй Буйло…

У выніку стасункаў з цікавымі людзьмі ў бібліятэцы Палікарпава за гады навучання і працы сабралася больш за 1500 кніг з аўтографамі аўтараў. Чалавек з трыста іх ён ведаў ці ведае асабіста. І калекцыя гэта пастаянна папаўняецца. Таму яго бібліятэка часткова захоўваецца ў гаражы — дома для кніг ужо нестае месца. Ён не проста збірае іх — чытае і перачытвае. Для Палікарпава аднолькава цікавыя і проза, і паэтычныя творы, і гістарычныя нарысы.

Караткевіч, Быкаў, Геніюш…

Першую кнігу з пажаданнямі шчасця, плёну і поспехаў яму падарыў вядомы беларускі пісьменнік, аўтар раманаў «Мора Герадота», «Градабой», кніжак для дзяцей Павал Місько. Як расказвае Валерый Канстанцінавіч, знаёмства пакінула незабыўныя адчуванні, гэта было далучэнне да іншага свету, да нечага новага, асаблівага.

Потым былі сустрэчы з Уладзімірам Караткевічам на розных мерапрыемствах і ў літаратара дома. На памяць у Валерыя засталося некалькі кніжак з аўтографамі знакамітага пісьменніка. «Аднойчы я прыйшоў да Караткевіча з мастаком Генрыхам Ціхановічам і прынёс яму ў падарунак каталог з 10 работ аднаго з лепшых украінскіх графікаў, заслужанага мастака Украіны Георгія Малакава. Яго гравюры — “Сюжэты сярэднявечча”, “Заваёўнікі мораў” — ужо на пачатку 1970-х былі вядомыя не толькі ў Савецкім Саюзе, а і далёка за яго межамі. Караткевіч быў так усчулены падарункам, што ўсклікнуў: “Я запрашаю

вас! Я не ўжываю, а вам налью…”», — расказвае Валерый Палікарпаў. Дзецям вайны Караткевічу і Палікарпаву было аб чым пагаварыць, што ўзгадаць. Па словах Валерыя Канстанцінавіча, на пачатку 1980-х ён выпадкова спаткаўся з Уладзімірам Караткевічам недалёка ад мастацкага салона ў Мінску. Уладзімір Сямёнавіч набыў там абраз і нёс дадому. Гэта была іх апошняя сустрэча.

Перапіска з Васілём Быкавым пачалася, калі той жыў яшчэ ў Гародні і працаваў у абласной газеце. Быкаў пражыў у гэтым абласным цэнтры больш за 25 гадоў, там ён напісаў свае творы «Жураўліны крык», «Трэцяя ракета», «Альпійская балада»… Валерый дасылаў пісьменніку яго творы, той падпісваў іх і адпраўляў у Баранавічы. Былі ў іх і сустрэчы ў сталіцы, часцей — у Саюзе пісьменнікаў Беларусі.

Цудоўныя стасункі, падмацаваныя шматлікімі лістамі і ўсімі кнігамі аўтаркі з подпісамі, у Валерыя Палікарпава з паэткай з Гародні, лаўрэатам Дзяржаўнай прэміі Данутай Бічэль-Загнетавай. Данута Янаўна стварыла ў Гародні музей Максіма Багдановіча, шмат гадоў была яго дырэктарам, выдала не адзін дзясятак кніг паэзіі і прозы. Валерый Палікарпаў неаднаразова сустракаўся з ёй, мае з ёю сталую перапіску.

З Ларысай Антонаўнай Геніюш, якая жыла ў Зэльве, Палікарпаў таксама сустракаўся шмат разоў. За тое, што меў стасункі з «іншадумкай», якая не прыняла нават савецкае грамадзянства, што дапамагаў выправіць візу сыну Ларысы Геніюш Юрку, які жыў за мяжой, Валерыя звольнілі з пасады дырэктара краязнаўчага музея, выгналі з пятага курса ўніверсітэта і «как чуждый партии элемент» выключылі з КПСС. Пасля гэтага ён да выхаду на пенсію выкладаў у музычнай школе.

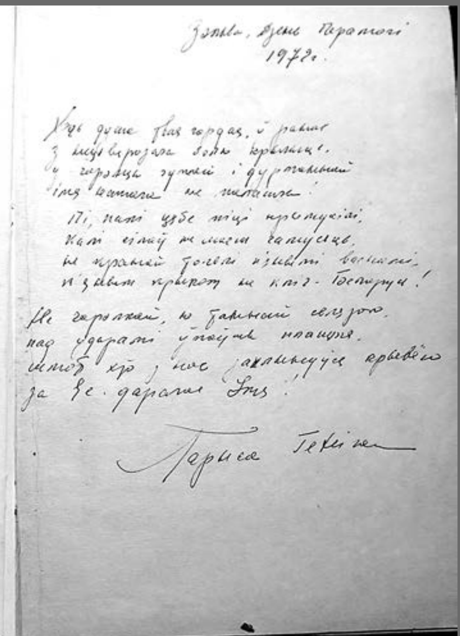
Ёсць у Палікарпава і аўтографы Зянона Пазняка, які цудоўна фатаграфуе і ў свой час выдаў ілюстраваную кнігу «Браслаўскія азёры». На пачатку 1980-х яны шмат разоў бачыліся, разважалі пра захаванне гістарычнай спадчыны.

Жывучы ў правінцыйных Баранавічах, Валерый Палікарпаў шмат лістоў слаў і ў былую сталіцу нашай радзімы Маскву вядомым палітычным дзеячам, военачальнікам. У выніку Сямён Будзённы і Анастас Мікаян даслалі Палікарпаву свае выдадзеныя ўспаміны пра Крэмль і Леніна.

Калі напрыканцы мінулага стагоддзя ў касцёле ў Крошыне, што недалёка ад Баранавіч, камусьці ўздумалася адчыніць музей, паэт Анатоль Сыс, выступаючы там перад прысутнымі, сказаў: «У касцёле месца не музею, а Богу». Добра, што з цягам часу так і атрымалася. А Валерыю Палікарпаву Сыс напісаў тады ў альбом наступнае: «…Бо нельга паганіць храм, бо нельга святое нішчыць. Куды ж тады прыйдзе хам ад хамства душу ачысціць!»

Мае Палікарпаў аўтографы Карнея Чукоўскага, шмат у яго кніг Рымы Казаковай, падпісаных аўтаркай, ліставаўся з ім і падпісваў кнігі і наш славуты Пятрусь Броўка. А Максім Лужанін напісаў у сваёй кнізе так: «Мець павінен кнігалюб добры нюх і востры зуб. Хочаш вудзіць кніжных карпаў — будзь няўлоўным, Палікарпаў!»

Аўтографаў у Палікарпава за гады жыцця набралося шмат. Таму некаторыя кнігі, падпісаныя аўтарамі, напрыклад, двойчы Героем Савецкага Саюза генерал-палкоўнікам Паўлам Батавым, пад камандаваннем якога ажыццяўлялася вызваленне Баранавіч, Валерый пакінуў мясцоваму краязнаўчаму музею.

Зэльва, Дзень Перамогі
1972 г.

Ларыса Геніюш

Каб кніга мела пазнаку ўладальніка

Неяк так атрымалася, што, меўшы добрую бібліятэку, Валерый Палікарпаў захацеў, каб яго кнігі былі пазначаныя і ўласным экслібрысам — выкананай мастаком наклейкай на ўнутраным баку пераплёту з імем уладальніка кнігі. Першы экслібрыс яму зрабілі ў 1965 годзе. Потым іх стала больш за 50. Дзякуючы таму, што Палікарпаў перапісваўся і сустракаўся з многімі літаратарамі і мастакамі, ён набыў «саюзную» вядомасць, і экслібрысы яму пачалі рабіць пад кнігі дакладных аўтараў, напрыклад, «З Есеніяны Валерыя Палікарпава».

У яго калекцыі, якая цесна звязаная са зборам аўтографаў, і экслібрыс, зроблены адным са старэйшых беларускіх мастакоў Яўгенам Ціхановічам да кніг, напісаных Рокуэлам Кентам, амерыканскім літаратарам, мастаком, падарожнікам. Той пэўны час жыў на Алясцы, быў на Вогненнай Зямлі, у Грэнландыі, а сябруючы з СССР, падарыў савецкаму народу некалькі соцень сваіх карцін, за што быў ушанаваны званнем Ганаровага члена Акадэміі мастацтваў СССР. Палікарпаў паслаў адзін з адбіткаў экслібрыса «Рокуэлкенціяна» Кенту ў Амерыку, і той вярнуў яго Валерыю з аўтографам. А калі пасля смерці Рокуэла ў Мінск прыязджала ўдава творцы Салі Кент, Палікарпаў бачыўся з ёй, і яна падпісала яму кнігу свайго мужа «Гэта я, Госпадзі».

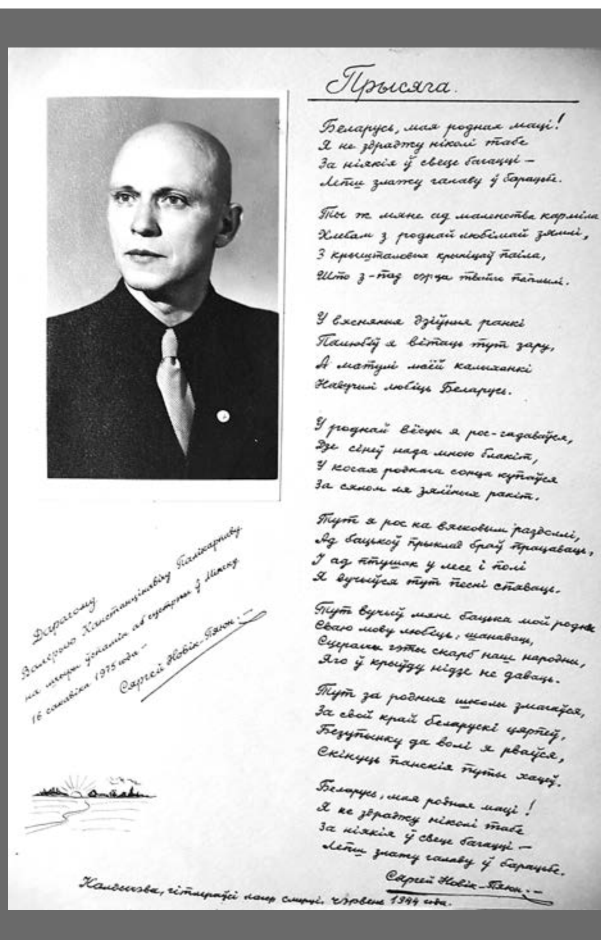
Што тычыцца баранавіцкіх мастакоў, то Палікарпаву рабілі экслібрысы Міхась Шостак, Венанцы Бутрым…

Дзякуючы экслібрысам, патрапіў за мяжу

Так атрымалася, што Валерый Канстанцінавіч — адзіны з Савецкага Саюза — патрапіў у 1969 годзе на кангрэс экслібрысістаў у Будапешт. «У той час у сталіцы Венгрыі якраз праходзіла выстава венгерскай графікі, і, калі мне далі слова падчас адкрыцця, я сказаў, што вельмі хацеў бы, каб яе пабачылі на маёй радзіме, — расказвае Валерый Палікарпаў. — Амбасадар СССР у Венгрыі, які таксама быў запрошаны на адкрыццё, пачуў гэта, і неўзабаве выставу даставілі ў Мінск, а пасля і ў Баранавічы». Падзея, па словах Палікарпава, выклікала вялікі пярэпалах: як гэта просты дырэктар музея з правінцыі асмеліўся выступіць на такім сур'ёзным форуме за мяжой — ды яшчэ са сваімі прапановамі. Палікарпава выклікалі ў аддзел культуры ЦК КПБ «на ковер». На ўваходзе ён здаў свой партбілет. І хоць так было прынята, падумаў — ці вернуць партыйны дакумент назад? Загадчык аддзела ЦК доўга трымаў Валерыя «стоячы», потым прапанаваў сесці. Пасля гэтай гутаркі ўсё неяк утаймавалася, забылася. І Валерый яшчэ трошкі папрацаваў дырэктарам музея ў Баранавічах. Якраз да таго часу, калі ён пачаў ездзіць у Зэльву да Ларысы Геніюш, пасля чаго ім зацікавіліся «мастацтвазнаўцы ў цывільным».

Валерый Канстанцінавіч працягвае збіраць кнігі. Цікавіцца навінкамі, сам пераплятае тое, што прыходзіць да яго ў непрыглядным стане ці ў выразках. Пераглядае аўтографы літаратараў і мастакоў. І з сумам заўважае, што шмат хто з маладых цяпер нават не ведае такога слова — «экслібрыс». «Яны ж нічога не чытаюць», — дадае ён.

Нехта можа пацікавіцца: а колькі ж каштуе такая калекцыя аўтографаў? Калі лічыць проста кошт кніжак і паштовыя перасылкі іх аўтарам і назад ці паездкі збіральніка ў сталіцу, то, пэўна, няшмат. Але ці шмат хто з нас можа сказаць, што быў знаёмы з Людзьмі Сусвету, Асобамі, такімі як Янка Брыль, Іван Чыгрынаў, Анатоль Сыс… А Валерый Палікарпаў можа! Таму, калі хто спрабуе прыцаніцца да калекцыі яго сустрэч, — гэта бессэнсоўна. Такія рэчы не прадаюцца.

Прысяга.

Беларусь, мая родная маці!
Я не здраджу нікалі табе
За ніякія ў свеце багацці —
Лепш злажу галаву ў барацьбе.

Ты ж мяне ад маленства карміла
Хлебам з роднай любімай зямлі,
З крыштальных крыніцаў паіла,
Што з-пад сэрца твайго паплылі.

У вясняныя дзіўныя ранкі
Палюбіў я вітаць тут зару,
А матулі маёй калыханкі
Навучылі любіць Беларусь.

У роднай вёсцы я рос-гадаваўся,
Дзе сінеў нада мною блакіт,
У косах роднага сонца купаўся
За сялом ля зялёных ракіт.

Тут я рос на вяковым раздоллі,
Ад бацькоў прыклад браў працаваць,
І ад птушак у лесе і полі
Я вучыўся тут песні спяваць.

Тут вучыў мяне бацька мой родны
Сваю мову любіць, шанаваць,
Сцерагчы гэты скарб наш народны,
Яго ў крыўду нідзе не даваць.

Тут за родныя школы змагаўся,
За свой край беларускі цярпеў,
Бязупынку да волі я рваўся,
Скінуць панскія путы хацеў.

Беларусь, мая родная маці!
Я не здраджу нікалі табе
За ніякія ў свеце багацці —
Лепш злажу галаву ў барацьбе.

Сяргей Новік-Пяюн. —

Дарагому Валерыю Канстанцінавічу Палікарпаву на шчыры ўспамін аб сустрэчы ў Мінску 16 сакавіка 1975 года —
Сяргей Новік-Пяюн. —

Кальварыя, гітлерцкі лагер смерці. Чэрвень 1944 года.

Стажыроўка ў рэдакцыях Украіны

Фонд развіцця СМІ пры падтрымцы MYMEDIA прапануе стажыроўку для маладых журналістаў у рэдакцыях суседняй Украіны.

Студэнты факультэтаў журналістыкі і маладыя рэпарцёры з досведам працы не болей за пяць гадоў могуць удасканаліць свае прафесійныя навыкі і павучыцца побач са спрактыкаванымі калегамі ў рэдакцыях знаных СМІ ў розных рэгіёнах Украіны.

Стажыроўка тэрмінам ад двух тыдняў да двух месяцаў аплачваецца арганізатарамі.

Каб патрапіць на стажыроўку з траўня — чэрвеня, трэба звязацца з арганізатарамі да 20 красавіка. Заяўку дасылайце на электронную пошту Фонду Развіцця СМІ (падрабязнасці — на сайце Беларускай асацыяцыі журналістаў www.baj.by).

Адбор удзельнікаў стажыроўкі конкурсны.

